

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Февраль 2024 Том 23 № 1

Специальная тема номера:
**ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА И ИХ МЕСТО В ИСТОРИИ РОССИИ – СССР
НА ПРОТЯЖЕНИИ XVIII–XX ВВ.**

Приглашенный редактор – В.Н. Шайдуров

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 23 No. 1 FEBRUARY 2024

Special Theme of the Issue:
**ETHNIC MINORITIES AND THEIR PLACE IN THE HISTORY OF RUSSIA – USSR
THROUGHOUT XVIII–XX CENTURIES**

Guest Editor – Vladimir N. Shaidurov

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

DOI: 10.22363/2312-8674-2024-23-1

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Directory of Open Access Journal (DOAJ), Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, обзоры и рецензии, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее прежде всего в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов России в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 22.02.2024. Выход в свет 29.02.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 10,67. Тираж 500 экз. Заказ № 6. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Minsk, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Alexander V. Chernykh, *Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Perm, Russia*

Michael David-Fox, *Georgetown University, Washington, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Jahangir Karami, *University of Tehran, Tehran, Iran*

Catriona Kelly, *University of Oxford, Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, South Bend, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

Natalia L. Pushkareva, *Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Pierre-Emmanuel Thomann, *Paris 8 University, Paris, France*

Irena Vladimirska, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Editor Konstantin V. Zenkin

Translation Editors Elena A. Paymakova, Jonathan Sicotte

Layout Designer Iuliia A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, Ричмонд, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, Вашингтон, США*

Карами Джахангир, *Тегеранский университет, Тегеран, Иран*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, Саут-Бенд, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Пушкарева Н.Л., *Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия*

Томанн Пьер-Эммануэль, *Университет Париж-8, Париж, Франция*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Черных А.В., *Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Редакторы перевода Е.А. Паймакова, Джонатан Сикотт

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

ETHNIC MINORITIES AND THEIR PLACE IN THE HISTORY OF RUSSIA – USSR THROUGHOUT XVIII–XX CENTURIES

Guest Editor of the column is Dr. Habil. History, Associate Professor Vladimir N. Shaidurov

Bryukhanova E.A., Chekryzhova O.I., Nezhentseva N.V. Diasporas of Ethnic Minorities in the Towns of Tobolsk Governorate in the Late XIX – Early XX Century: Demographic and Social Features	8
Erokhina O.N., Shaidurov V.N. World War I and Identity Crisis of Russian Germans	19
Amanzholova D.A. Soviet Federal Project and the Collisions of Nation Building in the 1920–1930s	30
Kattsina T.A., Mezit L.E. Organization of Social Assistance to Indigenous Minorities in the Turukhansk Region in 1920–1925	41
Berman E.A., Genina E.S. Jewish Community of Irkutsk in 1917 – the Late 1930s	52
Gallyamova A.G., Khanipova I.I. Kasimov Tatars during the Years of the Cultural Revolution in the USSR: On Materials of Regional Press of the 1920–1930s	62
Nam I.V. Forced Migration of the Roma to Western Siberia in 1933 as an Element of State Policy of the North Development	74
Lamazhaa Ch.K., Mainy Sh.B., Kuzhuget Sh.Yu. Tuvan Family Photo Album: Social Practices of Creation and Storage	86
ARTICLES	
Petrov A.Yu., Ermolaev A.N. Russia, Mexico and the USA in the struggle for California in the 1820–1840s	98
Toktamysov S.Zh. Governmental Discussion on the Private Capital Participation in the Trans-Caspian Railway Construction in the Late XIX Century	109

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА И ИХ МЕСТО В ИСТОРИИ РОССИИ – СССР НА ПРОТЯЖЕНИИ XVIII–XX ВВ.

Приглашенный редактор рубрики – доктор исторических наук, доцент В.Н. Шайдуров

Брюханова Е.А., Чекрыжова О.И., Неженцева Н.В. Диаспоры этнических меньшинств в городах Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в.: демографические и социальные особенности	8
Ерохина О.В., Шайдуров В.Н. Первая мировая война и кризис идентичности российских немцев	19
Аманжолова Д.А. Советский федеративный проект и коллизии нациестроительства в 1920–1930-е гг.	30
Катцина Т.А., Мезит Л.Э. Организация социальной помощи коренным малочисленным народам в Туруханском крае в 1920–1925 гг.	41
Берман Е.А., Генина Е.С. Еврейская община Иркутска в 1917 – конце 1930-х гг.	52
Галлямова А.Г., Ханипова И.И. Касимовские татары в годы культурной революции в СССР: по материалам региональной печати 1920–1930-х гг.	62
Нам И.В. Принудительная миграция цыган в Западную Сибирь в 1933 г. как элемент государственной политики освоения Севера	74
Ламажаа Ч.К., Майны Ш.Б., Кужугет Ш.Ю. Тувинский семейный фотоальбом: социальные практики создания и хранения	86
СТАТЬИ	
Петров А.Ю., Ермолаев А.П. Россия, Мексика и США в борьбе за Калифорнию в 1820–1840-е гг.	98
Токтамысов С.Ж. Правительственная дискуссия об участии частного капитала в строительстве Закаспийской железной дороги в конце XIX в.	109

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА И ИХ МЕСТО В ИСТОРИИ РОССИИ – СССР
НА ПРОТЯЖЕНИИ XVIII–XX ВВ.
ETHNIC MINORITIES AND THEIR PLACE IN THE HISTORY OF RUSSIA – USSR
THROUGHOUT XVIII–XX CENTURIES

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-8-18>
EDN: LBGSSQA

Научная статья / Research article

**Диаспоры этнических меньшинств
в городах Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в.:
демографические и социальные особенности**

Елена Александровна Брюханова , **Оксана Ивановна Чекрыжова** ,
Наталья Владимировна Неженцева
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
 elena@hist.asu.ru

Аннотация: Представлена сравнительная характеристика, некоторые социально-демографические особенности и миграционные процессы этнических групп Тобольской губернии с целью оценки уровня сформированности здесь этноконфессиональных сообществ и диаспор, определения стратегий их адаптации и/или интеграции с местным городским обществом на рубеже XIX–XX вв. Отдельное внимание уделено представителям еврейского, польского и немецкого населения. Источниками исследования послужили как опубликованные итоговые результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Тобольской губернии, так и сами переписные листы. С помощью комплексного анализа персональных данных была получена выборка по критерию родного языка (польского, еврейского, немецкого), в которую вошли 308 немцев, 1840 поляков и 1876 евреев. Авторы приходят к выводу, что численность местных уроженцев, приписного населения, структура их семей, наличие религиозных сооружений указывают на наличие еврейской и польской диаспор в Тобольске, еврейской общины – в Ялуторовске, польской – в Ишиме. При этом установлено, что немецкое население в городах было малочисленным, еврейское общество – наиболее замкнутым, в польской и немецкой среде чаще встречались смешанные браки и их состав активно пополнялся за счет выходцев из Привислинских и Остзейских губерний.

Ключевые слова: этнические сообщества, городское население, внутренняя миграция, межэтнические отношения, Сибирь

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10020, <https://rscf.ru/project/19-78-10020/>

Для цитирования: Брюханова Е.А., Чекрыжова О.И., Неженцева Н.В. Диаспоры этнических меньшинств в городах Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в.: демографические и социальные особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 8–18. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-8-18>

Diasporas of Ethnic Minorities in the Towns of Tobolsk Governorate in the Late XIX – Early XX Century: Demographic and Social Features

Elena A. Bryukhanova , Oksana I. Chekryzhova , Natalia V. Nezhentseva

Altai State University, Barnaul, Russia

 elena@hist.asu.ru

Abstract: The authors present a comparative description, some socio-demographic features and migration processes of the ethnic groups of the Tobolsk Governorate in order to assess the level of the formation of ethno-confessional communities and diasporas there, to determine strategies for their adaptation and/or integration with local urban society at the turn of the XX century. Special attention is paid to representatives of the Jewish, Polish and German populations. The sources of the study are both the published results of the 1897 First General Census of the Russian Empire for the Tobolsk Governorate and census forms. Using the comprehensive analysis of personal data, there was obtained a sample based on the criterion of native language (Polish, Jewish, German) which included 308 Germans, 1840 Poles and 1876 Jews. The authors come to the conclusion that the number of local natives, the registered population, the structure of their families, and the religious buildings indicate the presence of Jewish and Polish diasporas in Tobolsk, a Jewish community in Yalutorovsk, and a Polish community in Ishim. At the same time, it was established that the German population in the towns was sparse; the Jewish community was the most closed one; mixed marriages were more common in the Polish and German communities and they were actively replenished by immigrants from the Kingdom of Poland and Baltic provinces.

Keywords: ethnic communities, urban population, internal migration, interethnic relations, Siberia

Acknowledgements and Funding: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 19-78-10020, <https://rscf.ru/project/19-78-10020/>

For citation: Bryukhanova, E.A., Chekryzhova, O.I., and Nezhentseva, N.V. “Diasporas of Ethnic Minorities in the Towns of Tobolsk Governorate in the Late XIX – Early XX Century: Demographic and Social Features.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (February 2024): 8–18 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-8-18>

Введение

Актуальность. Межэтнические и межконфессиональные отношения, история формирования и расселения диаспор представляют интерес как в историческом, так и современном контекстах. Западная Сибирь уже в конце XIX в. являлась многонациональным регионом, население которого формировалось за счет внутренних миграций.

Степень изученности проблемы. В отечественной историографии к различным аспектам этноконфессиональных сообществ Сибири обращались многие исследователи. Вопросы формирования польской, еврейской и немецкой диаспор, их адаптации и межкультурной коммуникации рассматривались в работах П.П. Вибе¹, Д.Г. Коровушкина, И.В. Лоткина, Т.Б. Смирновой², В.А. Скубневского³, В.Н. Шайдурова⁴,

¹ Вибе П.П. Немцы колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск, 2007.

² Коровушкин Д.Г., Лоткин И.В., Смирнова Т.Б. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири. Новосибирск, 2003; Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. Новосибирск, 2003.

³ Скубневский В.А. Польское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Польские ссыльные в России XIX–XX веков: региональные центры. Казань, 1998. С. 170–175.

⁴ Шайдуров В.Н. 1) О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины Западной Сибири XIX – начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 88–97; 2) Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае, конец XIX – начало XX вв. Барнаул: Полиграф сервис, 2003.

Е.В. Карих⁵ и др. Несмотря на обширную библиографию⁶, компаративное исследование статистических данных, а также изучение этнических групп на основе номинативных источников позволит внести вклад в развитие заявленной тематики.

В статье представлена сравнительная характеристика этнических сообществ, а также некоторые социально-демографические особенности и миграционные процессы отдельных этнических и конфессиональных групп, сведения о которых представлены в материалах переписи населения 1897 г.

Целью исследования является определение уровня сформированности этноконфессиональных сообществ и диаспор, стратегий их адаптации и/или интеграции с местным обществом в городах Тобольской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Источниковой базой послужили агрегированные и номинативные материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Особенностью материалов переписи 1897 г. является отсутствие указания на этническую идентификацию, поэтому представление о национальном составе населения Сибири конца XIX в. формируется на основе сведений о родном языке и вероисповедании, которые представлены как в опубликованных, так и первичных данных переписи 1897 г.

Статистические выпуски Переписи 1897 г. содержат широкий набор данных о родном языке, вероисповедании, расселении, гендерном, возрастном, социальном составе и занятости населения Сибири конца XIX в.⁷

Сохранившиеся в Государственном архиве в г. Тобольске в фонде Тобольского губернского статистического комитета (Ф. 417) переписные листы представляют собой уникальные исторические источники, которые используются для генеалогического поиска и позволяют составить пофамильный список жителей и гостей городов Тобольской губернии на январь 1897 г. Рассмотрение сведений переписных листов по определенным критериям позволяет существенно дополнить статистические материалы и выявить некоторые демографические, социальные и экономические особенности этнических групп, проживавших в городах Тобольской губернии на рубеже XIX–XX вв. Комплексный подход к анализу персональных данных был проведен на основе материалов источникориентированной базы данных по сведениям переписных листов 1897 г., созданной авторами статьи и представленной в открытом доступе⁸. С помощью этой базы данных была получена выборка по критерию родного языка (польского, еврейского, немецкого), в которую вошли 308 немцев, 1840 поляков и 1876 евреев. База данных широко используется для изучения городского населения Сибири, в том числе отдельных этноконфессиональных групп. Часть материалов, представленных в настоящей статье, впервые вводится в научный оборот.

Этнические меньшинства в городах Тобольской губернии по агрегированным данным переписи 1897 г.

В Тобольской губернии наиболее многочисленными этносами, кроме русских, были татары (56,9 тыс. чел.), малороссы и белорусы (42,1 тыс.) (об украинцах и белорусах как этнических меньшинствах в Сибири писала И.В. Нам⁹), а также

⁵ Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2001.

⁶ Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Поляки в Сибири (XIX – начала XX в.) в освещении постсоветской отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 69. С. 162–170.

⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78: Тобольская губерния. СПб., 1905.

⁸ Население городов Сибири на рубеже XIX–XX вв. URL: <https://person1897.histcensus.asu.ru/> (дата обращения: 05.11.2023).

⁹ Нам И.В. Институционализация этничности в Сибирском переселенческом обществе (конец XIX – начало XX в.) // Известия иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. № 10. С. 40.

группа местных народностей, представленная (в порядке убывания численности) остяками, зырянами, вогулами, самоедами, эстами и мордвой (всего 38,9 тыс.)¹⁰. Из этнических групп с численностью менее 10 тысяч человек заметными были киргизы и башкиры (7,9 тыс. чел.), поляки (5,7 тыс.), латыши и литовцы (3,6 тыс.), евреи (2,4 тыс.), цыгане (1,5 тыс.) и немцы (1,1 тыс.).

Статистические материалы переписи 1897 г. позволяют проследить предпочтения этносов в расселении, в том числе по городам. Так, самой «урбанизированной» этнической группой были евреи; 79,7 % из них (1903 чел.) проживали в городах. Доля поляков (33,7 %, – 1936 чел.) и немцев (30,9 % – 346 чел.), проживавших в городах, была ниже. Довольно часто в историографии процент городского населения среди поляков в Сибири оценивался как низкий¹¹, тем не менее указанное значение является одним из самых высоких среди всех народностей Тобольской губернии. Например, доля городского населения среди татар (1573 чел.) и малороссов (1397 чел.), немного уступающих по абсолютной численности в городах полякам и евреям, была гораздо ниже (2,8 и 3,7 % соответственно). Более того, доля поляков и евреев в составе городского населения губернии (по 2,2 %) также являлась заметной в сравнении с другими малочисленными этноконфессиональными группами.

Анализ распределения представителей этнических групп по административным центрам Тобольской губернии позволил выявить места компактного проживания отдельных этносов в городах. Наиболее привлекательными оказались экономические центры губернии. Так, в Тобольске проживало 64 % (1227 чел.) горожан-евреев и 30,3 % (586 чел.) поляков; в Тюмени – 38,7 % немцев и 38,4 % украинцев. Местные татары-горожане наиболее концентрировано проживали в г. Тара (39 % – 613 чел.), а представители сибирских инородцев (зырян и остяков) проживали в г. Березов (50,2 %). Все проценты посчитаны от числа городского населения этносов¹². Наиболее дисперсно проживали поляки и татары, размещавшиеся, кроме Тобольска, также в Ишиме и Кургане. Конечно, доля этнических групп в городах была невелика: наиболее заметным был процент татар в Таре (8,5 %)¹³, евреев – в Тобольске (6 %), поляков и малороссов – в Ишиме (4,4 %, 3,9 % соответственно).

Одним из показателей, отражающих не только наличие отдельных этноконфессиональных групп в городах, но и их диаспоризацию (консолидирующий фактор конфессиональных отношений также отмечали исследователи)¹⁴, является наличие в административных центрах культовых объектов. Почти все этнические группы в городах оказались моноконфессиональными: евреи исповедовали иудаизм (98,8 %), поляки были католиками (98,3 %), татары – мусульманами (97,5 %), малороссы, а также инородцы-горожане придерживались православия (99–100 %). Большинство немцев бы ли приверженцами лютеранства (82 %), но также исповедовали католичество (4,6 %) и иудаизм (6,3 %)¹⁵. По сведениям о населенных местах, собираемых в 1895–1896 гг. для проведения переписи, Тобольск выглядел религиозным

¹⁰ Первая всеобщая перепись населения... С. 76–81.

¹¹ Шайдуров В.Н. О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины Западной Сибири XIX – начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 88–97; Островский Л.К. Польское население городов Западной Сибири (1890–1917 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 80–83.

¹² Первая всеобщая перепись населения... С. 76–81.

¹³ Брюханова Е.А., Неженцева Н.В., Чекрыжова О.И. Мусульманское население в городах Сибири: по материалам переписи 1897 года // Журнал фронтирных исследований. 2021. Т. 6. № 4. С. 135–154. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.338>

¹⁴ Нам И.В. Институционализация этничности... С. 34.; Герасимова В.А. Иудейское культовое строительство Тобольска в XIX в.: опыт источниковедческого исследования // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 915–916.

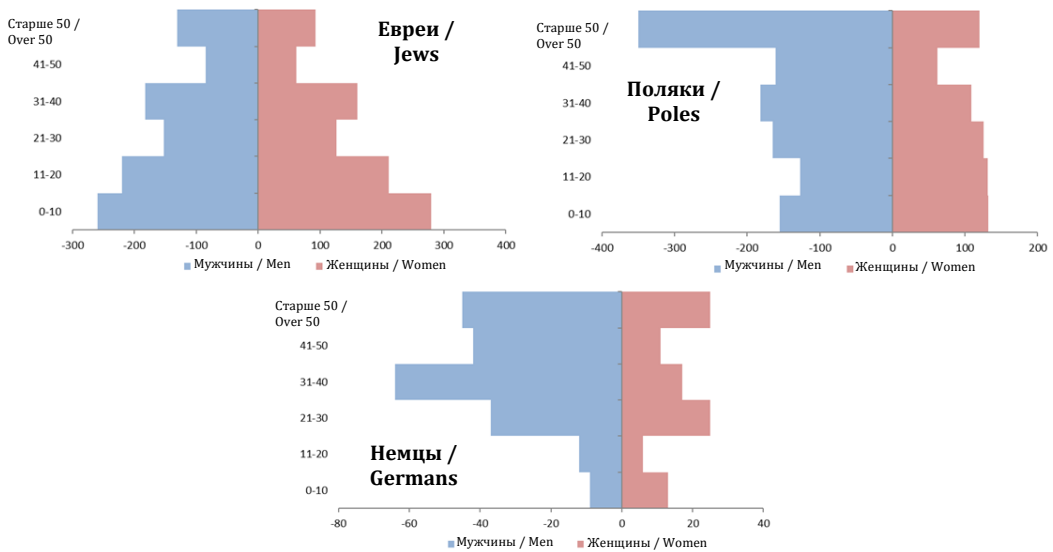
¹⁵ Первая всеобщая перепись населения... С. 82–101.

и многонациональным центром губернии; на его территории располагались 28 церквей, костел, кирха, мечеть и синагога. Кроме Тобольска, еще одна мечеть располагалась в Таре, еврейский молитвенный дом (синагога) – в Ялуторовске¹⁶.

Социально-демографические особенности и пути формирования этноконфессиональных групп в городах Тобольской губернии

Статистические сведения, содержащиеся в переписных листах 1897 г., содержат широкий обзор данных по большинству этнических групп. Тем не менее далеко не весь собранный в переписных листах материал был обработан и издан, кроме того, первичные документы позволяют уточнить некоторые опубликованные сведения. В контексте данного исследования представляли интерес такие показатели, как возрастной и гендерный состав, место рождения, приписки и квартирования, семейная структура и особенности проживания, а также отдельные примеры семей и персон. На наш взгляд, такие сведения позволяют проследить, с одной стороны, пути формирования этнических групп в городах Тобольской губернии, с другой, – внутреннюю сплоченность и диаспоризацию сообществ.

Интересным отражением разных исторических судеб и отличий в подходах к интеграции и/или адаптации в городские сообщества Тобольской губернии этнических групп являются половозрастные пирамиды, построенные по данным переписных листов по признаку родного языка для евреев, поляков и немцев (рис.).

Половозрастные пирамиды евреев, поляков и немцев по материалам переписных листов 1897 г.
Gender and age pyramids of Jews, Poles and Germans based on 1897 Census forms

Источник: Диаграммы составлены на основе данных переписных листов, размещенных в информационной системе «Население городов Сибири на рубеже XIX–XX вв. по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.» (ГАТ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1–38, 732–739, 1374–1392, 1931–1943, 2526–2530, 2810–2815, 3270–3328, 3655–3660). См.: Население городов Сибири на рубеже XIX–XX вв. по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. URL: <https://person1897.histcensus.asu.ru/households/> (дата обращения: 05.11.2023).

Source: The diagrams are compiled on data from census forms posted in the information system «Population of Siberian cities at the turn of the 19th–20th centuries based on materials from the First General Census of 1897.» (GAT. F. 417. Inv. 2. Files 1–38, 732–739, 1374–1392, 1931–1943, 2526–2530, 2810–2815, 3270–3328, 3655–3660). See: Population of Siberian cities at the turn of the 19th–20th centuries based on materials from the First General Census of 1897. URL: <https://person1897.histcensus.asu.ru/households/> (access date: 11.05.2023).

¹⁶ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2446. Л. 1–2 об., Д. 2459. Л. 2 об., Д. 2443. Л. 1а об.

Наиболее пропорционально выглядит структура еврейской этнической группы, в которой много детей и молодежи до 20 лет. Численность в старших возрастных группах этой категории населения немного сокращается, при этом количество мужчин и женщин – равномерно. Такая структура соответствует плавному, длительному и достаточно успешному развитию сообщества. Действительно, 59 % евреев являлись уроженцами Тобольской губернии и 78,2 % из них были приписаны к городским обществам: наибольший процент сибирских евреев был в Тобольске и Ялуторовске. Показательным примером динамического развития сообщества евреев, но при этом их сложных отношений с органами государственного управления являлась ситуация с организацией синагог в Тобольске, описанная В.А. Герасимовой¹⁷, когда в 1880-х гг. не только не была открыта третья синагога, но и была закрыта вторая. В Тобольске к моменту переписи 1897 г. была всего одна синагога, проживало около 200 еврейских семей, примерно половина из которых квартировались в собственных домах (по правилам для открытия молельного дома необходимо было наличие 30 домохозяев¹⁸).

Изучение выборки показало, что для евреев были характерны «большие» семьи, когда в одном домохозяйстве проживало несколько поколений (как правило семья родителей и одного из взрослых детей) и в семьях было не менее 3–4 детей. Кроме того, в доме часто проживали другие родственники или квартиранты, также евреи. Например, в доме тобольского извозчика Берко Коркина проживали: он сам с женой, их 6 детей от 20 до 2 лет, жена старшего сына и их двое детей (2 года и 2 месяца), а также нахлебник – еврейский учитель, и квартирант¹⁹. Можно отметить, что еврейская этническая группа выглядит довольно замкнутой, так как смешанных браков мало, а пополняется в том числе благодаря миграциям, которые можно проследить на основе данных о месте рождения детей как внутри Тобольской губернии, так с территории близких губерний: Томской, Акмолинской, Пермской и т. д. Например, анализ места рождения членов большого семейства тарских купцов Сутиных, во главе которого стояли Рива Иосифовна, 47 лет, с мужем Берком Наумович, 75 лет, позволил установить, что изначально семья Сутиных проживала в Минской губернии, где родились все члены семьи старшего поколения (от 42 лет и старше). Затем семья жила в г. Омске Акмолинской области, где были рождены члены семьи, возраст которых на момент переписи 1897 г. составлял от 20 до 25 лет. В 1880-е гг. семья переехала в Тару, где появились младшие представители семьи, возраст которых не превышал 17 лет. Семейство активно занималось предпринимательством, мать содержала извозный промысел, сыновья владели торговыми и промышленными заведениями, торговали мясом, мелочным товаром, деревянной посудой²⁰.

Демографическая структура польской этнической группы (см. рис.) характерна для неестественного развития сообщества. Среди поляков только 28,5 % были местными уроженцами (наибольшее их число сосредотачивалось в Тобольске и Ишиме) и 37,6 % входили в городское общество. Источниками пополнения польского населения региона были почти все губернии Царства Польского, а также некоторые западные губернии (Гродненская, Ковенская, а также Минская). Для поляков были типичны нуклеарные семьи (родители и несовершеннолетние дети), в семье обычно было 3–4 ребенка. Так, семья хлебопек и мелких торговцев-лавочников Олизаро-

¹⁷ Герасимова В.А. Иудейское культовое строительство Тобольска в XIX в.: опыт источниковедческого исследования // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 909–922. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2019-3-909-922>

¹⁸ Там же. С. 916.

¹⁹ ГАТ Ф. 417. Оп. 2. Д. 1. Л. 31 об., 32 об.

²⁰ Там же. Д. 1938. Л. 63, 71, 116; Д. 1935. Л. 75; Тара. Уличная история / сост. В.Н. Носкова. Омск, 2019. С. 187.

вича Андрея и Констанции проживала в собственном доме в Тобольске и имела 5 детей от 5 до 14 лет²¹. При этом относительно ровная половозрастная структура сообщества до 50-летней группы может говорить о высокой мобильности его представителей. Выделяющаяся группа лиц старше 50 лет объясняется тем, что значительная часть польской диаспоры в городах Тобольской губернии сформировалась из сосланных участников польского восстания 1863 г. Несмотря на значительное количество публикаций, посвященных участникам этого события, комплекс первичных материалов переписи 1897 г. позволяет детализировать судьбы некоторых из них²². Например, С.А. Мулина при составлении списка ссыльных поляков отмечала, что судьба художника Перловского Франца Францевича оставалась практически неизвестной, не было никаких сведений, кроме факта его ссылки в Западную Сибирь²³. Однако сведения о художнике Франце Перловском, мещанине 50 лет, уроженце города Ченстохов Петроковской губернии, содержатся в переписных листах 1897 г. по городу Тюкалинску. Согласно указанным в переписном листе сведениям Франц Перловский проживал в городе Тюкалинске на улице Тобольской, с русской женой Надеждой Григорьевной, уроженкой Тобольской губернии, ее сестрой и малолетним племянником. В качестве побочного занятия художник Перловский указал «занятие фотографией»²⁴.

Другой участник польского восстания Быдельский Болислав Игнатьевич, 54 лет, дворянин, купец 2-й гильдии, лишенный как политический преступник всего имущества²⁵, на момент переписи проживал в городе Тобольске на углу Пятницкой и Абрамовской улиц. Он занимался торговлей бакалейными товарами, водкой, вином, пивом и сухими дрожжами, являлся членом сиротского суда и председателем оценочной комиссии. Проживал с женой Ядвигой, уроженкой Гродненской губернии, и шестью детьми, родившимися уже в Тобольске. Совместно с семьей проживали два приказчика торговых лавок, один из которых был поляк и практически ровесник хозяина (Ковальский Андрей Викентьевич, 58 лет)²⁶.

Интересным примером консолидации членов польской диаспоры является семья Волейш, проживавшая на момент переписи 1897 г. в самом центре города Ишим на улице Киселевской. Глава семейства Волейш Мерцел Андреевич, 61 года, проживал с женой и четырьмя детьми, невесткой и тремя внуками. Все, кроме внуков, являлись уроженцами Ковенской губернии. Глава домохозяйства владел мостами и паромом. Один из его сыновей служил писцом Ишимского окружного казначейства. Жена и другой его сын занимались табаководством²⁷. На той же улице, но в доме Франца Оленского, проживали Волейш Иосиф Марцелевич, 37 лет, с женой Юлией Францевной и тремя детьми (жена и дети были уроженцами г. Ишим)²⁸. По всей видимости, Иосиф с семьей проживал в доме тестя и как член семьи тестя занимался табаководством, привлекал к этому занятию своего брата и мать, образуя своего рода семейный бизнес.

²¹ ГАТ Ф. 417. Оп. 2. Д. 4. Л. 73 об.

²² Кононова Л.П. Ссылка участников польского восстания 1863–1864 годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2004; Шостакович, Б.С. Численность ссыльных в Сибирь участников Январского польского восстания как исследовательская проблема // Сибирская ссылка: сборник научных статей. Вып. 3. Иркутск, 2006. С. 254–272.

²³ Мулина С.А. Участники польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. С. 23.

²⁴ ГАТ Ф. 417. Оп. 2. Д. 2813. Л. 28 об.

²⁵ Мулина С.А. Участники польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005.

²⁶ ГАТ Ф. 417. Оп. 2. Д. 14. Л. 78 об.

²⁷ Там же. Д. 734. Л. 28 об.

²⁸ Там же. Л. 54 об.

Поляки, проживавшие в городах Тобольской губернии, предпочитали заключать браки между собой. Часть этих браков была заключена еще на родине, поскольку достаточно часто встречаются семьи, где муж и жена – уроженцы одной территории или города Привисленских губерний. Значительная часть польских семей сформировалась путем браков между приезжими и местными поляками. Встречаются и межнациональные браки с русскими. Одним из таких примеров является семья Садовского Якова Фомича, дворянина, уроженца Виленской губернии, проживавшего в г. Тобольске. Он был женат на русской, имел двух дочерей, значившихся в переписном листе как русские и православные. Занимался содержанием домохозяйства, состоявшего из трех домов. Основным занятием Якова Фомича являлась сдача в аренду меблированных комнат. Все его постояльцы были представителями дворянского сословия – советник Тобольского губернского суда, капитан в отставке, учитель гимнастики, письмоводитель Тобольского суда, заседатель окружного суда²⁹.

«Перевернутая» демографическая структура (см. рис.) немецкой этнической группы свидетельствует о том, что немецкое сообщество в городах Тобольской губернии либо начало формироваться относительно недавно, либо о том, что Сибирь рассматривалась представителями этнической группы как место временного пребывания, чаще всего связанного с рабочими или семейными делами. Немецкое население приезжало в Сибирь из остзейских губерний, а также Московской, Санкт-Петербургской и некоторых других губерний.

Примерами высококвалифицированных кадров из немецкой среды, прибывших в Сибирь по службе, могут быть: смотритель Тобольской Каторжной тюрьмы № 1 Фон Гофланд Карл Эдвинович (24 года, дворянин Лифляндской губернии, проживал с женой и детьми, из которых только младшая дочь родилась в Тобольске)³⁰; пастор Тобольской губернии Фрейберг Иоган Андреевич, 30 лет, вместе с женой Анной были уроженцами Курляндской губернии³¹; губернский архитектор строительного отделения Даугель Альфред Августович, 32 лет, уроженец Санкт-Петербурга, проживал с женой и тещей³².

В выборке по немецкому языку семей и особенно семей с детьми, выявлено довольно мало. Интересно, что в Тобольске детей до 20 лет, указавших в качестве родного языка немецкий, оказалось только 9 (из 97 немцев), в Тюмени – 26 (из 120). Активные миграционные процессы в среде этнических групп проходили в г. Тюмени, в котором доля приписанного населения из немцев, поляков и евреев составляла всего 7 %. Кроме того, по сведениям о месте рождения детей, можно предположить место прежнего проживания родителей. Интересным примером является семья из Тюмени немцев Мендельсонов – торговца Германа (рожденного в г. Москве) и белошвейки Анны (рожденной в г. Туккум Курляндской губернии), имевших трех детей от 13 до 18 лет, рожденных в Санкт-Петербурге, но приписанных в г. Газенпот Курляндской губернии, тогда как родители являлись мещанами г. Мариинска Томской губернии³³.

Около 27,5 % (85 из 308) немцев не были связаны родством с теми хозяйствами, в которых проживали, то есть были служащими, работниками, прислугой, квартирантами или гостями. Например, в выборку попала семья цирковых артистов из Дании Фридрика-Карла Кристенсена и его детей: дочерей Марты и Шарлотты, сына Юлия, выступавших в цирке в Тюмени³⁴. Еще около 10 % немцев проживали

²⁹ ГАТ Ф. 417. Оп. 2. Д. 8. Л. 73–76.

³⁰ Там же. Д. 6. Л. 59 об.

³¹ Там же. Д. 8. Л. 149 об.

³² Там же. Д. 13. Л. 20 об.

³³ Там же. Д. 3278. Л. 11 об.

³⁴ Там же. Д. 3272. Л. 176 об.

в семьях родственников, которые не указали немецкий как родной язык. Последнее обстоятельство, а также малая численность детей, на наш взгляд, могут быть следствием смешанных браков, которых в среде немцев было больше, чем у представителей других этнических групп. Причем, не имело значение, муж или жена были немцами, детям из смешанных браков часто указывали в качестве родного другой язык. Например, в семье Штыцкоберов Александра и Агриппины (г. Тобольск) только отец указал в качестве родного языка немецкий; жена и дети указали, что они – русские, православные³⁵. У детей Верещинских, поляка Мечеслава и немки Каролины (г. Курган) родным языком указан польский³⁶. Распространенной была ситуация проживания родственников-немцев в русских семьях: уроженка Эстляндской губернии Лидерач Жанета проживала в семье известного тобольского врача Де-Карлино Николая и его жены, православных русских, уроженцев Вятской губернии³⁷. Вельш Анна, уроженка Курляндской губернии, жила в семье дочери Оболтиной Феофании, родившейся в Лифляндской губернии, все члены семьи Оболтиных были русские православные³⁸. Такие примеры в большей мере характерны для немцев-горожан, вследствие их малочисленности и особой стратегии адаптации, близкой к интеграции³⁹. Тогда как в сельской местности исследователи отмечали обособленность и даже «закрытость» немецкого сообщества⁴⁰. Но следует также учитывать, что переписные листы заполнялись «со слов», поэтому сведения могли либо отражать самоидентификацию человека, либо его стремление показать более «благонадежные» сведения.

Выводы

Как показало проведенное исследование, самой городской этнической группой в Тобольской губернии были евреи, проживавшие в городах Тобольске и Ялуторовске. В свою очередь, наличие в данных городах синагог, пропорциональная демографическая структура, численность местных уроженцев, приписного населения, довольно замкнутая стратегия адаптации (отсутствие смешанных браков, большие семьи из нескольких поколений) указывают не только на сформированность диаспоры, но и на ее относительно длительное развитие.

Из представителей польской и немецкой групп только около 30 % были горожанами, и это заметный показатель по сравнению с другими этническими группами. Но проживали немцы и поляки рассредоточено, большинство выбирали крупные города и значимые центры – Тобольск, Курган и Тюмень. Значимая доля поляков (4,4 %) была в г. Ишиме. Польское и немецкое сообщества формировались и пополнялись за счет принудительных и добровольных миграций, преимущественно выходцами из Привислинских и Остзейских губерний. На основании наличия религиозных центров, можно предположить наличие польской и, возможно, немецкой (несмотря на малочисленность) диаспор в г. Тобольске и польской общины в г. Ишиме. Стоит отметить распространенность смешанных браков в рассматриваемых этнических группах. При этом и поляки, и немцы могли выбирать разные

³⁵ ГАТ Ф. 417. Оп. 2. Д. 16. Л. 18.

³⁶ Там же. Д. 1380. Л. 209.

³⁷ Там же. Д. 9. Л. 68.

³⁸ Там же. Д. 3. Л. 28.

³⁹ Кротт И.И. «Чужаки» в условиях иноэтничной среды: предпринимательство сибирского переселенческого сообщества второй половины XIX – начала XX века // Историческая психология и социология истории. 2014. Т. 7. № 2. С. 92–108.

⁴⁰ Нам И.В. Институционализация этничности в Сибирском переселенческом обществе (конец XIX – начало XX в.) // Известия иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. № 10. С. 34–49.

стратегии адаптации, наиболее распространенными из которых были кооперация с соотечественниками или интеграция в местное общество.

В целом на рубеже XIX–XX вв. в городах Тобольской губернии происходили активные процессы формирования этноконфессиональных сообществ и диаспор, выбор стратегий адаптации и взаимоотношений с местным городским обществом. Но уже в начале XX в. в связи со строительством и вводом в эксплуатацию Транссибирской железнодорожной магистрали, реализацией государственной переселенческой политики социально-демографическая и этноконфессиональная структура городского общества Сибири в целом и Тобольской губернии в частности претерпела существенные изменения за счет внутренней миграции населения, преимущественно, из Европейской части Российской империи.

Поступила в редакцию / Submitted: 04.07.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 06.10.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 17.11.2023

References

- Bryukhanova, E.A., Nezhenceva, N.V., Chekryzhova, O.I. “Muslim Population in the Siberian Cities according to the Census of 1897.” *Journal of Frontier Studies* 6, no. 4 (2021): 135–154 (in Russian). <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.338>
- Gerasimova, V.A. “The Jewish Houses of Worship in Tobolsk in the 19th Century: A Source Study.” *Herald of an Archivist*, no 3 (2019): 909–922 (in Russian). <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2019-3-909-922>
- Karih, E.V. “Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development in the 19th – early 20th centuries.” PhD thesis, Tomsk State University, 2001 (in Russian).
- Kononova, L.P. “Link of participants in the Polish uprising of 1863–1864.” PhD thesis, Pomorsky State University, 2004 (in Russian).
- Korovushkin, D.G., Lotkin I.V., and Smirnova T.B. *Neslavianskie etnodispersnye группы v Zapadnoi Sibiri* [Non-Slavic ethno-dispersed groups in Western Siberia]. Novosibirsk: Izd-vo instituta arkhologii i etnografii SO RAN Publ., 2003 (in Russian).
- Krott, I.I. “‘Chuzhaki’ v usloviakh inoetnichnoi sredy: predprinimatel'stvo sibirskogo pereselencheskogo sobshchestva vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [‘Strangers’ in a different ethnic environment: entrepreneurship of the Siberian migration community in the second half of the XIX – early XX century].” *Istoricheskaja psikhologija i sotsiologija istorii* 7, no. 2 (2014): 93–108 (in Russian).
- Mulina, S.A. “Participants of the Polish uprising of 1863 in West Siberian exile.” PhD diss, Dostoevsky Omsk State University, 2005 (in Russian).
- Nam, I.V. “Institutionalization of Ethnicity in the Siberian Settlement Society (late XIX – early XX c.).” *Izvestiya irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, no. 10 (2014): 34–49 (in Russian).
- Noskova, V.N., ed. *Tara. Ulichnaia istoriia* [Tara. street story]. Omsk: Amfora Publ., 2019 (in Russian).
- Ostrovskij, L.K. “Pol'skoe naselenie gorodov Zapadnoi Sibiri (1890–1917 gg.) [Polish population of the cities of Western Siberia (1890–1917)].” *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 4 (2010): 80–83 (in Russian).
- Shaidurov, V.N. “O nekotorykh osobennostiakh formirovaniia i ekonomicheskogo razvitiia pol'skoi obshchiny Zapadnoi Sibiri XIX – nachala XX v [On some features of the formation and economic development of the Polish community in Western Siberia in the XIX – early XX c.].” *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, no. 2 (2013): 88–97 (in Russian).
- Shaidurov, V.N. “The Polish community in western Siberia: Adaption and integration features in the second half of the 19th century.” *Acta Histriae* 26, no. 2. (2018): 641–660 (in Russian). <https://doi.org/10.19233/AH.2018.26>
- Shaidurov, V.N. *Formirovanie i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie nemetskoj diaspori na Altae, konets XIX – nachalo XX vv* [Formation and socio-economic development of the German diaspora in Altai, late XIX – early XX centuries]. Barnaul: Poligraf servis Publ., 2003 (in Russian).
- Shostakovich, B.S. “Chislennost' ssyl'nykh v Sibir' uchastnikov Ianvar'skogo pol'skogo vosstaniia kak issledovatel'skaia problema [The number of participants in the January Polish uprising exiled to

- Siberia as a research problem].” *Sibirskaja ssylka: Sbornik nauchnykh statei* 15, no. 3 (2006): 254–272 (in Russian).
- Skubnevskij, V.A. “Pol'skoe naselenie Sibiri po materialam perepisi 1897 g. [Polish population of Siberia according to the 1897 census].” *Pol'skie ssyl'nye v Rossii XIX–XX vekov: regional'nye tsenry*, Kazan': Master Line Publ., (1998): 170–175 (in Russian).
- Skubnevskij, V.A., and Goncharov, Ju.M. “Poliaki v Sibiri (XIX – nachala XX v.) v osveshhenii postsovetsoj otechestvennoj istoriografii [Poles in Siberia (XIX – early XX c.) in the coverage of post-Soviet national historiography].” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 69 (2021): 162–170 (in Russian).
- Smirnova, T.B. *Nemtsy Sibiri: etnicheskie protsessy i etnokul'turnoe vzaimodejstvie* [Germans of Siberia: Ethnic Processes and Ethnocultural Interaction]. Novosibirsk: Izd-vo instituta arheologii i etnografii SO RAN Publ., 2003 (in Russian).
- Vibe, P.P. *Nemetskie kolonii v Sibiri: sotsial'no-ekonomicheskii aspekt* [German colonies in Siberia: socio-economic aspect]. Omsk: Nauka Publ., 2007 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Елена Александровна Брюханова, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Алтайский государственный университет; 656049, Россия, Барнаул, пр-т Ленина, 61; elena@hist.asu.ru, brelenochka@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6974-5065>

Elena Alexandrovna Bryukhanova, PhD in History, Ass. Professor of the National History Department, Altai State University; 61, Prospekt Lenina, Barnaul, 656049, Russia; elena@hist.asu.ru, brelenochka@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6974-5065>

Оксана Ивановна Чекрыжова, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Алтайский государственный университет; 656049, Россия, Барнаул, пр-т Ленина, 61; niigi@yandex.ru; SPIN-код: 9823-1860; <https://orcid.org/0000-0002-9089-5404>

Oksana Ivanovna Chekryzhova, PhD in History, Ass. Professor of the National History Department, Altai State University; 61, Prospekt Lenina, Barnaul, 656049, Russia; niigi@yandex.ru; SPIN-code: 9823-1860; <https://orcid.org/0000-0002-9089-5404>

Наталья Владимировна Неженцева, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Алтайский государственный университет; 656049, Россия, Барнаул, пр-т Ленина, 61; neshenzewan@mail.ru; SPIN-код: 9383-5950; <https://orcid.org/0000-0002-6700-7739>

Natalia Vladimirovna Nezhentseva, PhD in History, Ass. Professor of the National History Department, Altai State University; 61, Prospekt Lenina, Barnaul, 656049, Russia; neshenzewan@mail.ru; SPIN-code: 9383-5950; <https://orcid.org/0000-0002-6700-7739>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-19-29>
EDN: LNHKSR

Научная статья / Research article

Первая мировая война и кризис идентичности российских немцев

Ольга Викторовна Ерохина ^{a,b} , Владимир Николаевич Шайдуров ^a

^a Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

^b Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

 ov.erokhina@mpgu.su

Аннотация: Рассматривается положение российских немцев в империи, которые в годы Первой мировой войны оказались заложниками внешнеполитической ситуации. Анализируется процесс трансформации государственно-этнической идентичности немцев через выявление факторов, которые оказали на них психологическое воздействие и способствовали формированию «негативной» идентичности в их среде. Источниковой основой исследования послужили письма военного врача Ф.О. Краузе и российских немцев, служивших на Кавказском фронте, а также немецких колонистов разных губерний Российской империи; постановления и распоряжения военной и гражданской администрации, материалы периодической печати; делопроизводственная переписка между министерствами и другие материалы, хранящиеся в центральных и региональных архивах Российской Федерации. Показано, что рост националистических настроений в российском обществе и проведение антинемецкой политики в стране оказали на российских немцев значительное психологическое давление. Из-за этого в годы Первой мировой войны они оказались в условиях «новой реальности». Авторы пришли к выводу, что под влиянием различных факторов российским немцам пришлось выбирать разнообразные способы сохранения своей идентичности: смена фамилии, эмиграция, полное погружение в свою профессиональную деятельность.

Ключевые слова: этнофобия, свой – чужой, антигерманская кампания, немецкий вопрос, Российская империя

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025.

Для цитирования: Ерохина О.В., Шайдуров В.Н. Первая мировая война и кризис идентичности российских немцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 19–29. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-19-29>

World War I and Identity Crisis of Russian Germans

Olga V. Erokhina ^{a,b} , Vladimir N. Shaidurov ^a

^a Pushkin Leningrad State University, Pushkin, St. Petersburg, Russia

^b Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

 ov.erokhina@mpgu.su

Abstract: The authors consider the position of Russian Germans in the empire, who during World War I became victims of the foreign policy circumstance. There is analyzed the process of the transformation of the state-ethnic identity of the Germans through the identification of factors that had a psy-

© Ерохина О.В., Шайдуров В.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

chological impact on them and contributed to the formation of a “negative” identity in their environment. The sources for the study are the letters of military doctor F.O. Krause and Russian Germans who served on the Caucasian front, as well as German colonists from various provinces of the Russian Empire; decrees and orders of the military and civil administration, periodical materials; office correspondence between ministries and other materials stored in the central and regional archives of the Russian Federation. The study shows that the rise in nationalist sentiments in Russian society and the implementation of anti-German policy in the country exerted significant psychological pressure on Russian Germans. Due to this, during World War I they found themselves in a “new reality.” The authors come to the conclusions that influenced by numerous factors, Russian Germans had to choose various ways to preserve their identity: changing the name, emigrating, completely immersing themselves in their professional activities.

Keywords: ethnophobia, friend or foe, anti-German campaign, German question, Russian empire

Acknowledgements and Funding: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation No. 23-18-20025.

For citation: Erokhina, O.N., and Shaidurov, V.N. “World War I and Identity Crisis of Russian Germans.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (February 2024): 19–29. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-19-29>

Введение

Актуальность. Военные конфликты способны разрушать не только социально-экономические, политические и культурные связи, но и деформировать общественные отношения. Под давлением военных событий и информационной пропаганды начинается происходить трансформация личности человека, который задумывается о своей гражданской, социальной и этнической идентичности. Из-за разрушения целостности свой эго-идентичности он пытается найти свое место и предназначение в социуме, зачастую проходя через комплекс внутренних переживаний и деформаций.

Степень изученности проблемы. Впервые в научный оборот понятие идентичность ввел американский психолог Э.Г. Эриксон, который выделял два аспекта – «Я-идентичность» и социальную идентичность¹. Позже проблемы идентичности разрабатывались многими отечественными и зарубежными исследователями в области не только психологии, но и философии, социологии, политологии, истории и антропологии. В рамках этносоциологического подхода к проблеме этнической идентичности Л.М. Дробижева выделяла следующие компоненты: осознание принадлежности к своему народу, осознание интересов своего народа, представление о культуре, языке и территории². Т.Г. Стефаненко предлагает рассматривать этническую идентичность не только как осознание индивидом своей принадлежности к определенному этносу, но и как переживание своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других³.

Среди разных вариаций возможно выделить понятие «негативной» идентичности, под которой в соответствии с концепцией Л.Д. Гудкова⁴ и Э.Г. Эриксона, понимается преодоление своей уязвимости, незащищенности, неуверенности. Также, по мнению Э. Эриксона, негативная идентичность может включать поведение и отношения, за которые человек был наказан или ему пришлось испытать чувство вины⁵.

Применительно к российским немцам негативная идентичность – это ситуативный феномен, который связан с влиянием на нее, во-первых, исторических событий, во-вторых, политических действий властей, в-третьих, общественного настроения и мнения. Э.Г. Эриксон видел связь между кризисами идентичности и кризисами

¹ Erikson E.H. *Identity and the Life Cycle*. Selected papers. New York, 1959.

² Татарко А.Н., Лебедева Н.М. *Методы этнической и кросскультурной психологии*. М., 2011. С. 11.

³ Стефаненко Т.Г. *Этнопсихология*. М., 1999. С. 110.

⁴ Гудков Л. *Негативная идентичность*. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004.

⁵ Эриксон Э. *Идентичность: юность и кризис*. М., 2006. С. 185, 205.

общественного развития, потому что распад идеалов и ценностей, лежавших в основе ранее доминировавшей политической культуры, вынуждает людей искать новые духовные ориентиры для осознания своего места в меняющемся социуме, связей с государством и окружающей социальной средой⁶. О проблеме поиска немцами своей идентичности пишет и Дитер Борхмайер⁷.

Наиболее остро этот процесс проявляется в период предвоенных и военных конфликтов, когда на фоне развития этнофобии встает проблема самоопределения и поиска своего нового места в социуме в новых реалиях. Именно с этой позиции и рассматривается проявление негативной идентичности Д.В. Эйдук, С.В. Оболенской, О.В. Ерохиной, Э. Лор⁸. Данные авторы показали, что политизация немецкого вопроса достигла небывалых масштабов, а националистические тенденции фактически стирали границу между германцем и немцем. Антигерманская кампания довольно быстро переросла в кампанию против немцев вообще. При этом понятие «внутренний немец» нередко стало ассоциироваться с «внутренним врагом». В общественное сознание внедряли идею о необходимости полного очищения России от всякого проявления «германизма».

В связи с этим *цель исследования* – выяснить, как психологическое давление на немцев со стороны российских властей и общества повлияло на кризис их идентичности в период военного конфликта.

Источниковая база. Для раскрытия цели были использованы постановления и распоряжения командования военных округов и гражданской администрации, материалы периодической печати, делопроизводственная переписка между министерствами и материалы. Основная часть материала была обнаружена в архивных хранилищах. В частности, были использованы документы фонда Департамента полиции МВД (Ф. 102), хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации; документы фонда Департамента Духовных дел иностранных исповеданий МВД (Ф. 821), хранящиеся в Российском государственном историческом архиве; документы фонда Военно-политического и гражданского управления при Верховном главнокомандующем (Ф. 2005), Штаба Казанского военного округа (Ф. 1720) и Киевского военного округа (Ф. 1759), хранящиеся в Российском государственном военном-историческом архиве; документы Канцелярии Петроградского губернатора (Ф. 253), Петроградского губернского присутствия (Ф. 258), Петроградского губернского по земским делам и городским делам присутствия (Ф. 259), хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга; документы Атаманской канцелярии (Ф. 46) и Войскового по крестьянским делам присутствия (Ф. 213), хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области.

Кризис гражданской идентичности

В начале XX в. социально-экономические противоречия, усиленные военными конфликтами, все более усугубляли внутривнутриполитический кризис в стране. Этим воспользовались различные политические группировки в годы Первой мировой войны,

⁶ Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 1 (5). С. 50–51.

⁷ Borchmeyer D. Was ist Deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst. Hamburg, 2017.

⁸ Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000; Эйдук Д.В. «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914–1915 гг.: по материалам газеты «Утро России». Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008; Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004; Ерохина О.В. «Свой-чужой»: к вопросу о трансформации образа немца накануне и в годы Первой мировой войны // Война и военные конфликты в истории России: к 70-летию Великой Победы / Сб. тр. конф., Москва, 21–22 мая 2015 г. М., 2015. С. 139–146; Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских поданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012.

которые в поисках виновных сосредоточили внимание на немецком вопросе. При этом не забывали и о национальных особенностях немцев: «...чудовищном эгоизме, тупом высокомерии, презрительной отчужденности от народа-хозяина»⁹.

Находясь в условиях постоянного психологического нажима, немцы вынуждены были задуматься о своей гражданской и этнической идентичности. Следует отметить, что большинство городских немцев были носителями двойной идентичности, считая «нашими» как немцев, так и русских.

Ярким примером такой идентичности может служить Ф.О. Краузе, воспитанный в немецкой семье, а образование получивший в Московском университете. С 1911 г. работал в Морозовской больнице, где познакомился со своей будущей женой А.И. Доброхотовой, которой писал письма с 1914–1917 гг. Этот вид источника является отражением общественных настроений периода войны и одновременно дает представление о кризисе идентичности одного из авторов и попытках его самоидентификации.

В начале Первой мировой войны Ф.О. Краузе был мобилизован в армию. В отличие от большинства немцев, отправленных служить на Кавказ, он участвовал в военных сражениях в Галиции, Волыни и Румынии. В ответ на начавшуюся анти-немецкую истерию он, как и большинство немцев, задавался вопросом: «Где же тут справедливость? К чему эти гонения на самых лояльных русских подданных?»¹⁰

Свою роль в обострении ситуации и нагнетании психологического давления на российское общество сыграла периодическая печать, на страницах которой публиковались статьи, разжигавшие антинемецкие настроения¹¹. И поскольку каждое издание стремилось говорить от имени общественности, то подобных мнений становилось «почти столько же, сколько типографских станков»¹².

Периодические издания на родном языке были частью повседневной жизни немцев, так как не только публиковали российские новости, но и старались защитить национальную культуру, традиции и язык от нападков официальной пропаганды и настроенной антинемецки печати. Только в Петербурге в те годы издавалось до семи газет, не считая специализированных изданий¹³. Однако к 1915 г. российские власти запретили их издание.

Сам Ф. Краузе был заядлым читателем. Особое предпочтение отдавал «Русским ведомостям», отмечая, что «подобного по объективности в других газетах не найдешь». В то же время «Русское слово», по его мнению, было «противной и гадкой» газетой¹⁴.

Профессор Калифорнийского университета А. Коэн, проанализировав публикации газеты «Русское слово», пришел к выводу, что еще за семь лет до начала

⁹ Баах С.В. «Немецкое засилье»: идея борьбы с «внутренним» немцем в деятельности общественных и государственных учреждений Российской империи // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: материалы международной научной конференции, Саратов 14–19 сентября 2004 г. М., 2005. С. 231.

¹⁰ Краузе Ф. Письма с Первой мировой (1914–1917). СПб., 2017. С. 114.

¹¹ Губарев Ал. Немецкий вопрос в России // Голос Руси. 1914. 1 сентября. № 235; Борьба за «Русландию» // Утро России. 1914. 7 ноября. № 274; Немецкое засилье и борьба с ним // Русское слово. 1916. 8 декабря. № 283.

¹² Бобылева С.И. «Немецкий вопрос» в оценке российского общественного мнения второй половины XIX в. // Ключевые проблемы истории российских немцев: материалы международной научной конференции, Москва, 18–21 ноября 2003. М., 2004. С. 51.

¹³ Сыциков А.Д., Трофимова Н.С. Газета «St.-Petersburgische Zeitung» в первые годы ее существования: к истории издания // Петербургская библиотечная школа. 2015. № 3. С. 49–56; Иларионова Т. Немецкие издатели в России в конце XIX – начале XX веков // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.). М., 2002. С. 288–302.

¹⁴ Краузе Ф. Письма с Первой мировой (1914–1917). СПб., 2017. С. 20, 25.

Первой мировой войны в России стал формироваться «образ врага»¹⁵. Однако российские исследователи считают, что первые антинемецкие публикации на страницах периодической печати появились еще в 1890-е гг.

Роль языка в сохранении национальной идентичности

Одним из элементов национальной идентичности является язык. Однако хорошее знание государственного языка не могло защитить немцев от нападков на их сомнительную принадлежность к российскому государству в период войны. В колониях по-прежнему большинство жителей говорило на немецком языке, о чем свидетельствует выписываемая ими периодика на родном языке, хотя представители сельской интеллигенции и молодежь читали русскоязычные издания «для дальнейших упражнений в русском языке»¹⁶.

В среде городских немцев, получивших образование в министерских школах, было принято использовать в обиходе два языка. Литературные произведения и периодическая печать для них выступали в роли проводника между немецкой и российской культурой. Немецкий писатель Э. Арндт считал, что связь с родиной помогала сохранять язык, который выражал принадлежность человека к своей культуре¹⁷. Поэтому даже в военные годы немцы старались сохранить свой язык. Ф. Краузе очень хотел говорить со своей невестой на родном языке и поэтому в письме спрашивал у нее: «Как, Шурочка, твои успехи в области изучения немецкого»¹⁸?

Однако разрастание антинемецкой кампании в России привело к тому, что с сентября 1914 г. стали запрещать использование немецкого языка в переписке, в общественных местах. В отношении Петроградской губернии такое постановление было принято 6 июня 1915 г. За его нарушение было предусмотрено наказание согласно Правилам о военных местностях: арест или заключение в тюрьму на 3 месяца или штраф до 3 тыс. руб.¹⁹ Несмотря на это немцы продолжали в быту использовать немецкий язык, чтобы не забывать о своей национальной принадлежности.

Отношение российского общества к «внутренним немцам»

Под влиянием радикализации общественных взглядов в российском обществе в годы войны деформировалась прежняя система взаимоотношений. Российских немцев постепенно начали воспринимать не как российских граждан, а как германских, тем самым вычеркивая их из российского социума, в рамках которого они проходили процесс адаптации и социализации.

В начале 1915 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков в циркуляре петроградскому губернатору А.В. Адлербергу указывал, что важно за немцами-колонистами «иметь неослабленный надзор»²⁰. Но даже в окрестностях столицы не всегда губернское начальство слепо исполняло волю министерских чиновников. Отстранение Н.А. Маклакова от должности летом 1915 г. несколько понизило градус анти-

¹⁵ Cohen A.J. Bild und Spiegelbild: Deutschland in der russischen Tageszeitung «Russkoe slovo» (1907–1917) // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19/20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II bis zum Ersten Weltkrieg*. München, 2006. P. 279.

¹⁶ Черказьянова И.В. Школьное образование как фактор общего культурного подъема российских немцев в конце XIX – начале XX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 310. С. 98.

¹⁷ Сергеева А.А., Фираго Е.П. К вопросу о национальной самоидентичности петербургских немцев // *Проблемы науки*. 2017. № 1 (14). С. 102.

¹⁸ Краузе Ф. Письма с Первой мировой (1914–1917). СПб., 2017. С. 20.

¹⁹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 1062. Л. 20, 94–97; Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

²⁰ Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 258. Оп. 23. Д. 149. Л. 1.

немецкой истерии. В июле 1916 г. в ответ на запрос земского отдела МВД сообщалось, что в Ново-Саратовской и Средне-Рогатской волостях Петроградского уезда Петроградской губернии все выборные должностные лица (волостной старшина, его помощник и 4 волостных судьи) были немцами²¹.

Находясь на фронте, Ф. Краузе не испытывал в отношении себя какого-либо притеснения, но он очень переживал из-за того, что отношение к А.И. Доброхотовой в Морозовской больнице из-за него ухудшилось. Кроме того, он не мог поверить в возможность изменения поведения коллег в отношении старшего врача терапевтического отделения той же больницы, немца по происхождению, Н.Н. Вильяма. В связи с этим он писал:

...мысли о том, что ко мне мои знакомые и друзья могут теперь хуже относиться только потому, что я немец, – этой мысли у меня не было, нет...²²

Ф. Краузе пытался объяснить это явление тем, что война приводит к одичанию мыслей и чувств. Поэтому даже «культурные люди начинают говорить то, чего раньше никогда не говорили». Им обращалось внимание на то, что «немцы, переживая душевную драму», не должны идти на поводу сторонников антинемецкой политики. По его мнению, выход из этого кризиса идентичности немцы должны были увидеть в сохранении старых заветов:

Если наши государства воюют, если мы как сознательные граждане выполняем свой тяжелый долг, то мы еще не будем оплевывать все, что не наше, не затопчем в грязь те ценности, которые раньше признавали!²³

Начавшаяся антинемецкая кампания разделила общественность на два лагеря. Если одни приводили доводы в пользу положительного фактора, то другие доходили до того, что обвиняли немцев в шпионаже и «узконациональном эгоизме». Это приведет к тому, что под психологическим давлением часть российских немцев предпримет попытку скрыть свою национальную принадлежность, что в психологии характеризуется как «бегство от свободы»²⁴. Это явление проявляется в экстремальных ситуациях, когда человек отказывается от своей идентичности, желая слиться с другими в единую толпу.

В таком положении окажутся военачальники и чиновники разных рангов, которых все чаще стали называть «внутренними немцами». Когда их положение стало невыносимым, то они вынуждены были просить разрешение на изменение имен и фамилий²⁵. Например, члену Государственного Совета А.Б. Нейдгардту разрешено было именоваться по фамилии своей жены – Талызиным²⁶, а военный губернатор Семиреченской области М.А. Фольбаум станет Соколовым-Соколинским²⁷.

Немцев, рожденных в России и женатых на русских женщинах, могли подвергнуть преследованиям только потому, что они носили немецкие фамилии. Например, поселянин колонии Голый Карамыш Саратовской губернии Андрей Ба-

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 258. Оп. 25. Д. 404. Л. 5.

²² Краузе Ф. Письма с Первой мировой (1914–1917). СПб., 2017. С. 26–27.

²³ Там же. С. 79.

²⁴ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.

²⁵ Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки последнего периода Российской монархии. М., 2000. С. 164.

²⁶ Морозова Н.В. Немецкий вопрос и центральная периодическая печать России (июль 1914 – февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2010. С. 82.

²⁷ Герман А.А. Подвиг ефрейтора Эрентраута. Российские немцы в годы Первой мировой // Родина. 2014. № 8. С. 118.

уер был обвинен в германофильстве, которое выражалось в регулярном общении на немецком языке и получении диплома инженера-механика в Германии, за что был посажен в тюрьму на три месяца. Однако обвиняемый понимал, что всему виной его этническая принадлежность²⁸.

В Петрограде и губернии началась «чистка» военно-промышленных заводов от лиц с немецкими фамилиями. Так, в первой половине 1915 г. такая кампания была проведена на Шлиссельбургском пороховом заводе. За лицами с немецкими фамилиями первоначально устанавливали надзор, а позднее им было запрещено проживание в Шлиссельбургском уезде. Это распространялось как на служащих завода, так и на членов семей²⁹.

По мнению Е.В. Лебедевой, в период войны все более заметен становится переход от имперского патриотизма, когда подданные государства проявляют лояльность правящей династии, к российской национальной идентичности, предполагающей «лояльность государству или нации-согражданству»³⁰. Поэтому вынужденная смена фамилии встречала понимание со стороны немцев³¹.

Не последнюю роль в психологическом воздействии на немцев сыграла кампания по ликвидации немецкой топонимики. Началась она с переименования Петербурга в Петроград 18 августа 1914 г., соответственно была переименована и губерния. На основании циркуляров Министерства внутренних дел от 12 и 15 октября 1914 г. (№ 52, 55) все немецкие селения получили русские названия³². В некоторых уездах (Гдовском, Лужском, Шлиссельбургском) она была завершена уже к концу 1914 г.³³ В других уездах данная кампания растянулась на более длительный срок. Так, в Петергофском уезде она длилась почти до конца 1916 г.³⁴ На местах несмотря на то, что циркуляры были исполнены, власти считали, что будут затрачены значительные средства на изменения названий, но в колониях по-прежнему будут проживать немцы³⁵.

Российская общественность по-разному отнеслась к этому событию: кто с пониманием и сочувствием, кто с недоумением и неприятием. Но все это точно пошатнуло идентичность российских немцев. Например, немецкий колонист писал своему знакомому в колонию Карамышевка Камышинского уезда Саратовской губернии:

Я вполне точно не знаю, к кому принадлежу: формально я считаюсь совершенно русским, но если царь перекрестил Петербург в Петроград, то мое понимание считать себя русским получает уже поражение, от которого едва ли снова оправится³⁶.

Несмотря на противоречивые мнения в обществе на проведение этой политики, российские власти продолжили борьбу с «немецкостью» и отдали приказ за-

²⁸ Дённингхаус В. Революция, реформа и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи. Саратов, 2008. С. 180.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 591.

³⁰ Лебедева Е.В. От имперского патриотизма к гражданской идентичности. Немцы России и проблема формирования общероссийского самосознания в XVIII – начале XX в. // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и исторической памяти потомков: материалы XIII международной научной конференции. Москва, 21–23 октября 2010 г. М., 2011. С. 413.

³¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. ДП ОО. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1906.

³² Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 3698. Л. 59–61.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 258. Оп. 22. Д. 1079; Д. 1080; Д. 1084.

³⁴ Там же. Д. 1082.

³⁵ ГАРО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 4741а. Л. 214–215.

³⁶ Воронезцев А. Немецкие колонисты в Поволжье в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.). М., 2002. С. 81.

крашивать немецкие вывески на зданиях. При этом не трогая тех, которые были написаны на другом языке, а переименовывались городские учреждения и организации, имевшие немецкие названия³⁷. Такие действия властей ставили перед немцами вопрос об их идентичности с российским народом: «Где же тут справедливость»³⁸?

Кризис идентичности у немцев-военнослужащих

Двойственный кризис идентичности немцы испытывали не только в тылу, но и в действующей армии. 22 октября 1914 г. было издано распоряжение мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба, которое предписывало немцев-военнослужащих из числа немецких колонистов отправлять в запасные батальоны Кавказа³⁹, что было для них «пощечиной и неожиданностью»⁴⁰.

Следует отметить, что немцы становились «чужими» в армии, куда зачастую уходили не только по призыву, но и добровольно. Им было совершенно непонятно, почему несмотря на то, что они поступками и делами доказывали свою причастность к «государственной нации», все же находились под постоянным психологическим прессингом. Например, один из военнослужащих немецких колонистов с обидой писал домой: «Оказывается, что невзирая на наши труды, нас все равно причисляют к немцам и к ненавистникам нашей родины»⁴¹.

Они вынуждены были терпеть обвинения в нелояльности и предательстве не только со стороны командного состава, но и со стороны сослуживцев. В результате складывалась ситуация, когда происходило противопоставление двух идентичностей – государственной (гражданской) и этнической (национальной). Так, в одном из писем немца-военнослужащего можно прочесть:

Наши товарищи – русские называют нас неверными «германцами» <...> Разве мы виноваты, что мы немцы, или, что Германия выступила против России? Нет, состоя более 100 лет русскими подданными, недопустима и мысль, что мы изменники⁴².

Выходом из кризиса гражданско-этнической идентичности для них было непосредственное участие в военных сражениях, где они смогли проявить себя, о чем свидетельствуют полученные награды. Например, серебряную медаль на Станиславской ленте получили А. Шмидт, Т. Вернер; Георгиевский крест 4-й степени – младшие унтер-офицеры К. Вебер, Р. Келлер, Г. Борман, К. Кренц и другие⁴³.

Немаловажную роль в усугублении кризиса идентичности сыграл погром в Петербурге в 1914 г. От рук протестующих пострадали книжный магазин «А. Излер», кафе «Рейтер», а также издательство газеты «St.-Petersburg Zeitung»⁴⁴. В мае 1915 г. Москву охватила новая волна «антинемецких погромов». За все дни беспорядков было разбито 732 помещения (убыток, по определению потерпевших, со-

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 259. Оп. 1. Д. 2797.

³⁸ Краузе Ф. Письма с Первой мировой (1914–1917). СПб., 2017. С. 114.

³⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 225. Л. 1–2.

⁴⁰ Воронезцев А. Немецкие колонисты в Поволжье в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.). М., 2002. С. 84.

⁴¹ Фролова К.В. Немецкий вопрос в Самарской губернии в годы Первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Электронный сборник. Вып. 2. Самара, 2014. С. 273.

⁴² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 265. Д. 999. Л. 1864.

⁴³ Герман А.А. Подвиг ефрейтора Эрентраута. Российские немцы в годы Первой мировой // Родина. 2014. № 8. С. 119; РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 619. Л. 70 об.

⁴⁴ Отношение к немцам // Новое время. 1914. 5 августа; Уличные эксцессы // Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 6 августа.

ставил более 50 млн руб.)⁴⁵. Это обстоятельство шокировало немцев и способствовало усилению кризиса гражданской идентичности.

Стремясь разобраться в происходившем, немцы испытывали душевную драму, разрываясь в разрешении вопроса: кто для них «наши» – русские или немцы? Не последнюю роль в кризисе гражданско-этнической идентичности проживавших в России немцев сыграли многочисленные публикации философов, литераторов, публицистов и корреспондентов газет, посвященные немецкому культурному влиянию. Ф. Краузе вынужден был констатировать:

Итак, с одной стороны, красивые слова: культура, прогресс, человечество. С другой стороны, приписывание немцам всего плохого, гнусного, вплоть до явно нелепого <...> Я начинаю верить, что мы, русские подданные немецкой национальности, скоро в России очутимся в положении затравленных⁴⁶.

Как не пытались немцы противостоять антинемецкой кампании, доказывая, что нападки на немецкую культуру беспочвенны, бороться с радикализацией российского общества было трудно. Многие из них приходили в уныние от происходивших событий, переживали за будущее России и не чувствовали себя чужаками. Например, Ф. Краузе удручало изменяющееся представление русских о немцах. Он писал: «...положительно нельзя окончательно выяснять истину в этой кошмарной войне. Только история, быть может, выяснит ее»⁴⁷.

Выводы

Начало Первой мировой войны привело к развертыванию антинемецкой кампании в Российской империи. В отношении них было принято «ликвидационное» законодательство, которое запрещало использовать немецкий язык в общественных местах, ограничивалось или ликвидировалось землепользование немецких поселенцев, их предприятия изымались в пользу государства. Немцев-военнослужащих переводили с Западного фронта на Кавказский без возможности принимать участие в военных сражениях. И это несмотря на патриотический подъем и лояльное отношение немцев к власти, которое выражалось в разнообразных пожертвованиях для фронта, добровольном уходе в армию или санитарные батальоны, открытии лазаретов. При этом в категорию «враждебных подданных» зачастую попадали немцы, владевшие крупными земельными наделами или прибыльными промышленными предприятиями. Из-за таких действий властей сформировавшаяся гражданско-этническая идентичность проживавших в России немцев постепенно трансформировалась в «негативную». Выход из создавшейся ситуации с целью сохранения идентичности виделся ими по-разному: смена фамилий, сокрытие национальности, эмиграция.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.06.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 11.10.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 17.11.2023

References

Achkasov, V.A. "Etnicheskaia identichnost' v situatsiiakh obshchestvennogo vybora [Ethnic identity in situations of public choice]." *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* 2, no. 1 (1999): 48–58 (in Russian).

⁴⁵ Деннингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004. С. 335; Морозова Н.В. Немецкий вопрос и центральная периодическая печать России (июль 1914 – февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Волгоградский государственный университет, 2010. С. 204.

⁴⁶ Краузе Ф. Письма с Первой мировой (1914–1917). СПб., 2017. С. 54.

⁴⁷ Там же. С. 77.

- Baah, S.V. “‘Nemeckoe zasil'e’: ideia bor'by s ‘vnutrennim’ nemtsem v deiatel'nosti obshchestvennykh i gosudarstvennykh uchrezhdenii Rossiiskoi imperii [‘German dominance’: the idea of fighting the ‘inner’ German in the activities of public and state institutions of the Russian Empire].” In *Rossiiskie nemtsy v inonatsional'nom okruzenii: problemy adaptatsii, vzaimovliianiia, tolerantnosti. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: Saratov 14–19 sentiabria 2004*, 230–235. Moscow: MSNK-press Publ., 2005 (in Russian).
- Bobyleva, S.I. “‘Nemetskii vopros’ v otsenke rossiiskogo obshchestvennogo mneniia vtoroi poloviny XIX v. [The ‘German question’ in the assessment of Russian public opinion in the second half of the XIX century].” In *Kliuchevye problemy istorii rossiiskikh nemtsev: Materialy X mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Mezhdunarodnoi assotsiatsii issledovatelei istorii i kul'tury rossiiskikh nemtsev. Moskva, 18–21 noiabria 2003*, 47–57. Moscow: ZAO-press Publ., 2004 (in Russian).
- Borchmeyer, D. *Was ist Deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst*. Hamburg: Rowohlt, 2017.
- Cherkaz'yanova, I.V. “Shkol'noe obrazovanie kak faktor obshchego kul'turnogo pod"ema rossiiskikh nemtsev v kontse XIX – nachale XX v. [School education as a factor of the social cultural rise of Russian Germans in the late XIX – early XX century].” *Tomsk State University Journal of History*, no. 310 (2008): 97–99 (in Russian).
- Cohen, A.J. “Bild und Spiegelbild: Deutschland in der russischen Tageszeitung ‘Russkoe slovo’ (1907–1917).” In *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19/20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II bis zum Ersten Weltkrieg*. München: Brill, 2006.
- Danilov, Yu.N. *Na puti k krusheniui: Ocherki poslednego perioda Rossiiskoi monarkhii* [On the way to Ruin: Essays of the last period of the Russian Monarchy]. Moscow: Soglasie XXI veka Publ., 2000 (in Russian).
- Denninghaus, V. *Nemtsy v obshchestvennoi zhizni Moskvy: simbioz i konflikt (1494–1941)* [Germans in the Public Life of Moscow: Symbiosis and Conflict (1494–1941)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004 (in Russian).
- Denninghaus, V. *Revoliutsiia, reforma i voina: nemtsy Povolzh'ia v period zakata Rossiiskoi imperii* [Revolution, Reform and War: Volga Germans during the Decline of the Russian Empire]. Saratov: Nauka Publ., 2008 (in Russian).
- Ejduk, D.V. “‘The image of the enemy’ and the prospects of war in the Russian periodical press in 1914–1915: based on the materials of the newspaper ‘Morning of Russia’ .” PhD thesis, St. Petersburg State University, 2008 (in Russian).
- Erikson, E. *Identichnost': iunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow: Progress Publ., 2006 (in Russian).
- Erikson, E.H. *Identity and the Life Cycle. Selected papers*. New York: Internacional University Press, 1959.
- Erokhina, O.V. “‘Svoi-chuzhoi’: k voprosu o transformatsii obraza nemtsa nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny [‘Friend or foe’: on the question of the transformation of the image of the German on the eve and during the First World War].” In *Voina i voennye konfliktly v istorii Rossii: k 70-letii Velikoi Pobedy*, 139–146. Moscow: RUDN Publ., 2015 (in Russian).
- Frolova, K.V. “Nemetskii vopros v Samarskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny [The German question in the Samara province during the First World War].” *20th century and Russia: society, reforms, revolutions*, no. 2 (2014): 266–275 (in Russian).
- Fromm, E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow: Progress Publ., 1990 (in Russian).
- German, A.A. “Podvig efreitora Erentrauta. Rossiiskie nemtsy v gody Pervoi mirovoi [The feat of Corporal Ehrentraut. Russian Germans during the First World War].” *Rodina*, no. 8 (2014): 118–120 (in Russian).
- Gudkov, L. *Negativnaia identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov* [Negative identity. Articles from 1997–2002]. Moscow: VTSIOM-A Publ., 2004 (in Russian).
- Ilarionova, T. “Nemetskie izdateli v Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov [German publishers in Russia in the late XIX – early XX centuries].” In *Nemtsy Rossii: sotsial'no-ekonomicheskoe i dukhovnoe razvitie (1871–1941 gg.)*, 288–302. Moscow: ZAO-press Publ., 2002 (in Russian).
- Krauze, F. *Pis'ma s Pervoi mirovoi (1914–1917)* [Letters from the First World War (1914–1917)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2017 (in Russian).
- Lebedeva, E.V. “Ot imperskogo patriotizma k grazhdanskoi identichnosti. Nemtsy Rossii i problema formirovaniia obshcherossiiskogo samosoznaniia v XVIII – nachale XX v. [From imperial patriotism to civic identity. The Germans of Russia and the problem of the formation of the All-Russian identity in the XVIII – early XX century].” In *Grazhdanskaia identichnost' i vnutrennii mir rossiiskikh nemtsev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i istoricheskoi pamyati potomkov:*

- Materialy XIII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 21–23 oktyabria 2010 g.*, 412–432. Moscow: MSNK-Press Publ., 2011 (in Russian).
- Lor, E. *Russkii natsionalizm i Rossiiskaia imperiia: Kampaniia protiv 'vrazheskikh poddannyykh' v gody Pervoi mirovoi voiny* [Russian Nationalism and the Russian Empire: The Campaign against 'Enemy subjects' during the World War I]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2012 (in Russian).
- Morozova, N.V. "The German Question and the Central Periodical Press of Russia (July 1914 – February 1917)." PhD thesis, Volgograd State University, 2010 (in Russian).
- Obolenskaa, S.V. *Germaniia i nemtsy glazami russkikh (XIX vek)* [Germany and the Germans through the eyes of Russians (XIX century)]. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2000 (in Russian).
- Sergeeva, A.A., and Firago, E.P. "K voprosu o natsional'noi samoidentichnosti peterburgskikh nemtsev [On the question of the national identity of St. Petersburg Germans]." *Problems of science*, no. 1 (2017): 101–104 (in Russian).
- Sobolev, I.G. *Bor'ba s 'nemetskim zasil'em' v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny* [The struggle against 'German dominance' in Russia during World War I]. St. Petersburg: Rossiiskaia National'naia biblioteka Publ., 2004 (in Russian).
- Stefanenko, T.G. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Institut psikhologii RAN, Akademicheskii proekt Publ., 1999 (in Russian).
- Syshchikov, A.D., and Trofimova, N.S. "Gazeta 'St.-Petersburgische Zeitung' v pervye gody eie sushchestvovaniia: k istorii izdaniia [The newspaper 'St.-Petersburgische Zeitung' in the first years of its existence: to the history of the publication]." *St. Petersburg Library School*, no. 3 (2015): 49–56 (in Russian).
- Tatarok, A.N., and Lebedeva, N.M. *Metody etnicheskoi i kross-kul'turnoi psikhologii* [Methods of ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow: Vysshiaia shkola ekonomiki – natsional'nyi issledovatel'skii universitet Publ., 2011 (in Russian).
- Voronezhstsev, A. "Nemetskie kolonisty v Povolzh'e v gody Pervoi mirovoi voiny (na materialakh Saratovskoi i Samarskoi gubernii) [German colonists in the Volga region during the First World War (based on the materials of the Saratov and Samara provinces)]." In *Nemtsy Rossii: sotsial'no-ekonomicheskoe i dukhovnoe razvitie (1871–1941 gg.)*, 71–94. Moscow: ZAO-press Publ., 2002 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Ольга Викторовна Ерохина, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Московский педагогический государственный университет; 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, 88; главный научный сотрудник Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10; ov.erokhina@mpgu.su; <https://orcid.org/0000-0001-5168-7110>

Olga Viktorovna Erokhina, Dr. Habil. Hist., Professor of the Russian History Department, Moscow State Pedagogical University; 88, Prospekt Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russia; Chief Researcher of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University; 10, Peterburgskoe shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia; ov.erokhina@mpgu.su; <https://orcid.org/0000-0001-5168-7110>

Владимир Николаевич Шайдуров, доктор исторических наук, доцент, заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10; s-w-n@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

Vladimir Nikolaevich Shaidurov, Dr. Habil. Hist., Associate Professor, Head of the Scientific and educational center for historical research and analysis, Pushkin Leningrad State University; 10, Peterburgskoe shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia; s-w-n@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40>
EDN: LOTKCK

Научная статья / Research article

Советский федеративный проект и коллизии нациестроительства в 1920–1930-е гг.

Дина Ахметжановна Аманжолова

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия

✉ amanzholova19@mail.ru

Аннотация: Исследуются коллизии советского нациестроительства, активно дискутируемые в современной историографии. Источниковой основой исследования служат опубликованные материалы, а также архивные документы Российского государственного архива социально-политической истории и Архива Президента Республики Казахстан. Анализируются некоторые конкретно-исторические сюжеты и вклад современной историографии в осмысление актуальных проблем и формулирование новых идей и подходов к анализу обозначенного комплекса вопросов, в том числе инструменты советского социально-политического инжиниринга, роль и значение этнополитических элит в создании СССР как сложноорганизованной иерархической конструкции. Делается вывод, что противоречия реализации этнонациональной политики были прямо связаны с формированием советской федерации, которая стала уступкой этнополитическим движениям начала XX в., а управление разнообразием было центральной задачей государства как альтернативы предшествующим политическим системам для культуры сложных обществ.

Ключевые слова: советский федерализм, национальная политика, конструирование наций, управление, раннесоветский период

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023–2025 гг.). Проект: Критический анализ концепта неокOLONIALИЗМА применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития.

Для цитирования: Аманжолова Д.А. Советский федеративный проект и коллизии нациестроительства в 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 30–40. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40>

Soviet Federal Project and the Collisions of Nation Building in the 1920–1930s

Dina A. Amanzholova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

✉ amanzholova19@mail.ru

Abstract: The author examines the collisions of the Soviet nation-building which are actively debated in modern historiography. The source base for the research is the published materials, as well as the archival documents of the Russian State Archive of Socio-Political History and the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan. There are analyzed some specific historical subjects and the contribution of modern historiography to the understanding of the current problems and the formulation of new ideas and approaches to the analysis of the designated set of issues including the tools of

Soviet socio-political engineering, the role and significance of ethno-political elites in the creation of the USSR as a complex hierarchical structure. It is concluded that the contradictions in the implementation of ethnonational policy were directly related to the formation of the Soviet federation, which became a concession to the ethno-political movements of the early XX century; and managing diversity was the central task of the state as an alternative to previous political systems for culturally complex societies.

Keywords: Soviet federalism, national policy, nation-building, governance, early Soviet period

Acknowledgements and Funding: The article was prepared within the framework of the Research Program related to the study of the ethno-cultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity (2023–2025). Project: Critical analysis of the concept of neocolonialism in relation to the Soviet experience of national policy and ethno-cultural development.

For citation: Amanzholova, D.A. “Soviet Federal Project and the Collisions of Nation Building in the 1920–1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (February 2024): 30–40 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40>

Введение

Актуальность. Советский федеративный проект, родившись как уступка этнополитическим движениям на окраинах бывшей Российской империи, стал основным средством нациестроительства. Это обусловило целый комплекс взаимосвязанных мер, без которых обеспечить функционирование этноориентированной федеративной конструкции оказалось невозможно. Они разрабатывались и реализовались в острых дебатах и на основе оперативно определяемых способов соединения разноуровневых этнополитических компонентов с интересами общегосударственного организма. Управление разнообразием было центральной задачей советской федерации, противопоставленной большевиками в качестве принципиально иной модели для культурно сложных обществ. Поскольку практика культивирования национальных различий была основной в имперском управлении, она понуждает учитывать множество форм, в которых власть осуществляется через пространство¹. В этом плане раннесоветский период предоставляет множество показательных примеров того, как на имперском фундаменте при смене системы государственных институтов, социально-политических основ и официальной идеологии сохранялась и укреплялась надэтническая общность/нация. Имея исторически сложносоставное содержание, она включала в консолидирующее гражданское пространство все народы страны в их переходе от традиции к понимаемой большевистски модерности.

Степень изученности проблемы. Современный уровень исследования проблем федеративного и нациестроительства в СССР в 1920–1930-е гг. позволяет более предметно анализировать не только достижения, но и проблемы и риски реорганизации огромного полиэтничного евразийского пространства в его имперском основании. Весомый вклад в такой анализ на примере разных регионов и страны в целом внесли российские ученые². Тем не менее, остаются дискуссионными существенные вопросы. В том числе: каким образом в советской федерации на разных уровнях и в разных социальных средах совмещались и как взаимодействовали

¹ Burbank J. *Empire and Transformation: The Politics of Difference. Comparing Modern Empires: Imperial Rule and Decolonization in the Changing World Order* // *Slavic Eurasian Studies*. 2018. № 33. P. 11–33.

² Варнавский П. Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (на материалах Бурятской АССР) // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 239–262; Марчуков А.В. Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930-е годы: цели, методы, результаты. М., 2006; Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 гг.): документы и материалы. М., 2007; Этнические элиты в национальной политике России. М.; СПб., 2017; Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства. М., 2012; Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2018; Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Красовицкая Т.Ю., Тихонов В.В. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. М., 2021; Интериоризация советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии (1920–1930 гг.). Иркутск, 2021.

корневые имперские и нациестроительные практики; в чем выражалось амбивалентное единство (или его невозможность) нациестроительства и интегративного политического, экономического, социокультурного начала; какова была динамика этноидентичности народов СССР; что есть «советский народ» как концепт и как историческая реальность в их развитии и др. Признается, что советский федерализм имел существенную специфику, определявшуюся именно его нацеленностью на модернизацию традиционных обществ. Моноэтничность не является гарантией процветания, а этнокультурное богатство составляет силу и умножает возможности для развития всех народов именно в мощном, хорошо управляемом государстве. В то же время представление об СССР как империи не вызывает серьезных возражений, хотя ее амбивалентный, особый характер остается в центре дебатов.

Тезис о принципиальном разрыве между имперским прошлым и советским настоящим был подвергнут критике. Имперский дискурс позволяет более точно и объемно оценить истоки, эволюцию поликультурного пространства и его институциональных структур, роль политических акторов (в т. ч. этноэлит) в обеспечении устойчивости и успешного развития государства в его хронотопических вариациях. Предметное изучение механизмов управления разнообразием в СССР вскрывает глубинные ценностные основания межкультурной интеграции народов, организованный и целенаправленный вклад в развитие которой, несомненно, вносило государство усилиями общесоюзных, региональных и этнополитических структур. Это не исключало поддержку этнокультурного разнообразия, как одного из базовых преимуществ евразийской целостности, принципиально отличающей ее от колониальных практик западных стран. Имперское основание нашей государственности диктовало именно такой подход, какими бы идеологическими декларациями он не ретушировался. В настоящее время в российской историографии практически нет серьезных возражений против того, что досоветская и советская история России есть непрерывный процесс, а изменения типа ее государственности в XX веке отразили преемственность базисных цивилизационных и политических оснований, которые в эпоху революционных потрясений приобрели внешне противоположный (федеративный) формат. Выделяется решающая роль центра как консолидирующего, определявшего и финансировавшего базовые проекты модернизации, примирявшего внутриэлитные конфликты на местах, обеспечивавшего баланс между интегративными и этнотерриториальными интересами развития огромной страны. При этом он обеспечивал укрепление государственного организма, который уже в 1930-е гг. также по объективным причинам приобрел ярко выраженные черты вертикальной централизованной структуры.

Цель исследования заключается в том, чтобы с учетом специфики современной зарубежной историографии в оценке «проекта большевиков» и его «имперской сущности» определить контекст и существо проблем федеративного строительства на примере дебатов в руководстве национальных автономий.

Источниковой основой исследования послужили историографические и документальные источники, в том числе материалы работы Комиссии «Строительство РСФСР, нац. республик и областных органов в составе РСФСР» во главе с М.И. Калининым, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (Ф. 78), и заседания руководства Казахской АССР по итогам так называемого «рыскуловского совещания», хранящиеся в Архиве президента Республики Казахстан (Ф. 141).

Федерализация и нациестроительство

Сохранение имперского фундамента в федеративном советском государстве составляет важную часть рассуждений зарубежных авторов о существовании, характере и результатах советской национальной политики, которые признают трудности со-

здания цельной аналитической концепции при включении советского проекта в семью империй. Так, А. Хауген считает, что советское государство было организовано как иерархическая квази-федерация национальных советских республик, при этом никогда не было посягательств на культурную самобытность как таковую. Проект большевиков был империалистическим, но при этом отличался от классического империализма, поскольку режим использовал власть не для экономической эксплуатации периферии, а для того, чтобы навязать на периферии принципиально новый тип общества, и это не означало русификации. Ф. Хирш назвала это империей наций, в отличие от Т. Мартина с его известным определением СССР как империи позитивной дискриминации. Хирш предлагает формулу «поддерживаемое государством развитие», которое не было программой «создания нации» и позитивным действием, а помогало разным этнокультурным общностям ускоренно пройти модернизацию от племени до социалистической нации и затем единой коммунистической общности³. Правда, на деле этничность не исчезла, и расцвет этнонационализма в бывших советских республиках после 1991 г. подтверждает это.

Важно подчеркнуть, что власть, несмотря на весьма сложные обстоятельства и противоречия нациестроительства, применяла программные установки к обнажившимся в ходе преобразований существенным особенностям этнических культур, хозяйственных укладов, региональных взаимосвязей и пр. Меж тем Ст. Кульчицкий и Р. Суни утверждают, что отношения между центром и периферией рассматривались как неравенство, которое якобы Москва оправдывала, а республики «терпели»⁴. На деле руководство национально-государственных единиц оказывало серьезное влияние и давление на конкретные решения центра в самых разных областях, что также способствовало установлению баланса интересов структурно и содержательно много-слойного государственного организма. В Конституции РСФСР 1918 г. не были зафиксированы отличия автономных образований от губерний или их особый юридический статус⁵, и формирование представлений о критериях иерархии этнополитических единиц, а также об условиях изменения их статуса, как и правовое закрепление, происходили в ходе неоднократных обсуждений до конца 1920-х гг. При этом детальную разработку и институциональную основу формировавшейся сложно организованной государственной конструкции обеспечивали непосредственно погруженные в непрерывный процесс взаимоотношений секретари ЦК ВКП(б) и главы системообразующих партийных структур, руководители ЦИК и ВЦИК, их отделов, ведущие наркомы, представители Госплана вместе с наиболее активными национальными лидерами.

Сложности анализа существа и значения советского нациестроительства отчетливо отражают публикации зарубежных авторов, мало учитывающих предметные исследования российских историков. Так, Р. Суни признает, что СССР не разрушал, а создавал нации, и Советская империя, действительно, преуспела в достижении своей цивилизаторской миссии – развитии городского, образованного, мобильного населения из архаичного общества крестьянских деревень, людей, готовых к самоуправлению. При этом сами его успехи обрекли империю на бесполезность. Ирония или парадокс «коммунистического империализма» (термин Суни) состояла в том, что, подобно немногим другим империям, Советская империя намеренно занималась

³ *Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. New York, 2003; Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М., 2022.*

⁴ *Кульчицкий Ст. Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917–1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 6–16; Суни Р.Г. Советское и национальное: единство противоречий // Там же. С. 17–40.*

⁵ Конституция РСФСР 1918 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918> (дата обращения: 30.11.2022).

двумя формами национального строительства на своей собственной территории: национальным строительством на этнотерриториальном уровне республик и других институциональных образований (например, автономных областей) и на общесоветском уровне, где предпринимались усилия по созданию «советского народа», вообразимого и эмоционального сообщества всех советских граждан. Вряд ли объективно утверждение Суни об отсутствии объединяющего граждан СССР чувства общности, стремления создавать советскую нацию⁶. Многочисленные исследования, воспоминания, свидетельства «перекочевавших» из СССР в новые государства людей подтверждают наличие такой общности. Остается лишь признать, что ее целостность не исключает внутреннюю противоречивость, включающую в том числе и всевозможных критиков тех условий, в которых реализовались частные судьбы и осуществлялись масштабные общественные перемены.

Это отразилось в дебатах вокруг концепта «советский народ» и существа «советскости». Так, В. Деннингхаус пишет о советизации. Он понимает ее как политику создания социалистического многонационального общества, лояльного в отношении власти⁷. Данный термин уже, чем понятие «советскость», поскольку обозначал процесс утверждения власти большевиков в советской системе, которая зародилась не по их инициативе в 1905 г. Одновременно, неизбежно для многокультурного государства, в рамках федерации создавалась, осваивалась и модифицировалась новая модель гражданской консолидации общества, получавшей оригинальное воплощение в конкретных этносоциальных средах. Организационные и институциональные сложности иерархической федеративной системы составили основу большинства противоречий и конфликтов в ходе ее становления и развития, являясь сегодня предметом пристального внимания историков.

Установлено, что конкретные инструменты и институты нациестроительства в федеративном государстве были едины в качестве цели и весьма разнообразны в их реализации. Одним из очевидных проявлений политизации этничности стали серьезные административно-территориальные изменения. Как известно, наиболее сложным стало территориально-административное устройство РСФСР – самой многонациональной части Советского Союза. Обусловленное привязкой к принципу национального самоопределения, оно закономерно породило немало трудностей в системе управления и организации деятельности всех звеньев и институций – взаимодействие с центральными органами власти, межрегиональные и межреспубликанские связи в рамках РСФСР, отношения с другими союзными республиками. Требование соблюдать классовый подход не добавляло прочности в этих практиках, к тому же понимание соотношения классового и этнонационального нередко нюансировалось представителями власти в центре и на местах в зависимости от приоритетов административной и хозяйственной деятельности, динамики в реализации тех или иных задач развития. В частности, секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе подчеркивал:

Вопрос о государственных формах существования отдельных наций – для нас производный, зависящий от вопроса о классовых взаимоотношениях. Мы не строим также фикции о децентрализованной федерации, как панацеи от закабаления народов...⁸

Такая позиция определялась в том числе развернувшимися в середине 1920-х гг. и особенно в 1926 г. дискуссиями при проведении нескольких совещаний с руководи-

⁶ *Suny R.G.* Lessons of October: The Fate of Democracy and Socialism in the Age of Revolution and Counterrevolution. URL: <http://kennedy-legacy.byu.edu/events/lessons-of-october/> (дата обращения: 22.05.2022).

⁷ *Деннингхаус В.* В тени «Большого брата»: западные национальные меньшинства в СССР, 1917–1938 гг. М., 2011. С. 629, 643.

⁸ *Енукидзе А.С.* Конституции автономных республик (в порядке постановки вопроса) // Советское строительство. 1926. № 3-4. С. 20, 33.

телями российских автономий. Споры сосредоточивались вокруг полномочий и статуса автономий при подготовке их конституций, отношений с центром, бюджетных возможностей и прав, хозяйственной специализации и финансирования тех или иных промышленных объектов, располагавшихся на и вне территории автономий. По мнению Енукидзе, в проектах конституций автономий некоторые позиции не учитывали классовые требования момента, а лишь апеллировали к отвлеченным предпосылкам национального самоопределения⁹. Связанная с дебатами вокруг названных вопросов более ранняя записка И.В. Сталина в Политбюро ЦК РКП(б) 1923 г. ко всему прочему раскрывает его нюансированный и гибкий подход к формированию такого облика федерации, который обеспечивал бы устойчивость и управляемость огромного государственного организма с учетом внутренних административных барьеров, задач урбанизации для автономных единиц и их взаимодействием с соседними «приграничными» губерниями и областями¹⁰.

Стоит остановиться на некоторых деталях достаточно сложных дебатов по указанному кругу вопросов. 2 января 1926 г. под председательством секретаря ЦК партии В.М. Молотова в ЦК ВКП(б) созвали секретарей парторганизаций по вопросу о «большевизации национальных кадров» с участием руководителей партийных организаций Казахстана, Средней Азии, в т. ч. Узбекистана, Киргизии и Туркмении, а также других автономий в составе РСФСР (Крыма, Башкирии, Татарстана и Дагестана)¹¹. 12 и 14 ноября 1926 г. по инициативе Отдела национальностей ВЦИК и заместителя председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулова в Москве состоялось «Частное совещание националов – членов ВЦИК и ЦИК СССР и других представителей национальных окраин»¹². В обоих случаях обсуждались противоречия партийного и нацистроительства и отчетливо проявились существенные разночтения между лидерами автономий и представителями центра в их толковании и путях разрешения. Особую остроту приобрели споры по поводу статуса республик, так или иначе боровшихся за его повышение до союзного, особенно после преобразования Чувашской АО в АССР в апреле 1925 г., а также вокруг распределения средств на промышленное строительство и иные задачи. Важную миссию выполнила Комиссия «Строительство РСФСР, нац. республик и областных органов в составе РСФСР» во главе с М.И. Калининым (22 июня 1926 – 11 марта 1927 гг.)¹³.

Во время работы Комиссии, через месяц после т.н. частного совещания, инициированного работавшим в Москве казахским деятелем Т.Р. Рыскуловым, в крупнейшей автономии России – Казахской АССР 18 декабря состоялось специальное объединенное заседание Казкрайкома партии, президиума контрольной комиссии ВКП(б), фракций СНК и КЦИК республики «и казахского актива» по поводу итогов этого совещания. Участники достаточно дружно осудили московское собрание, поскольку оно, как было заявлено в резолюции, объединило прежде всего живших в столице страны «случайно собравшихся националов» (прежде всего критиковались С. Асфендиаров, а также Ж. Мынбаев и С. Ходжанов), расходилось с мнением Казкрайкома и правительства автономии, не учитывая реальное положение дел

⁹ Енукидзе А.С. Конституции автономных республик (в порядке постановки вопроса) // Советское строительство. 1926. № 3-4. С. 35.

¹⁰ «Что касается государственного строительства, тут, пожалуй, не все еще ясно». Записка И.В. Сталина члену Политбюро ЦК РКП(б). 1923 г. // Исторический архив. 2019. № 6. С. 136–142.

¹¹ Стенограмму совещания см.: «Как вести руководство, на что ориентироваться?» Стенограмма совещания секретарей парторганизаций в ЦК ВКП(б) по вопросу о «большевизации национальных кадров». 1926 г. // Исторический архив. 2015. № 5. С. 100–125.

¹² Подробнее см.: Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008. С. 44–70.

¹³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 78. Оп. 7. Д. 61. Л. 3; Д. 62. Л. 2.

и истинные потребности автономий. Главная установка, которую транслировали из КАССР, состояла в полной поддержке решений X и XII съездов партии, а также известного IV совещания наработчиков 1923 г. и отказе поддержать идею созыва следующего, V-го совещания. При этом в выступлениях участников обозначились сходные для всех автономий проблемы – трудности взаимопонимания с наркоматами (наркомзем, наркомсобес и др.) при проведении социально-экономических реформ, по-разному затрагивавших интересы населения и бюрократии, существование федеративного конструкта – РСФСР, как и собственно национальных интересов.

У. Исаев и Н. Нурмаков, в частности, заметили, что преимущество национала не в том, что он защищает интересы нации, как полпред страны где-то в Италии, не выпячивать национальное в противовес классовому, как это делает глава Отдела национальностей ВЦИК Асфендиаров. «„Осаждай сильного и поднимай слабого“, – выходит осаждай Иваново-Вознесенский район, пока Чуйский район не станет Иваново-Вознесенским», – такую постановку вопроса Асфендиаровым и Ходжановым Нурмаков счел недопустимой. Все сходились в том, что бюрократическое отношение «совопаратов» РСФСР к национальным республикам и другие коллизии, имея место, вполне разрешимы в духе уже принятых центром решений, а стенания по поводу недостаточной пролетаризации и коренизации, школьного строительства и пр. не учитывают реальные позитивные изменения в республике. Идея по поводу V-го совещания создает «политический шумок», меж тем «с нас хватит пока и оппозиционного шумка».

На заседании, как и в других случаях, вполне определенно выявились групповые интересы казахской этнополитической элиты, характерные, впрочем, и для других автономий. Глава СНХ КАССР У. Кулумбетов вспомнил 1924 год, когда, как он отмечает, «мы имели счастье вынести постановление о том, чтобы сразу войти в СССР», а «ответственные товарищи... с мест» уверяли, что это возможно. «Можем ли мы одним шумком поставить на ноги Москву для того, чтобы сразу войти в СССР?», – задался он вопросом. Но участники совещания, по его мнению, где должны были выясниться «наши взаимоотношения с РСФСР», «взяли неправильную линию и дошли до того, что «Ванька наступают», нужно «объединиться националам, вооружиться, против Ваньки войной пойти». «Шуметь, кричать и этим добиться чего-нибудь» нельзя, важнее говорить о практических вопросах. Кулумбетов привел примеры важных успехов в нацистроительстве, причем отметил, что именно Ф.И. Голощекин, который в современной историографии Казахстана выступает чуть ли единственным ответственным за все несчастья сталинского периода, настаивал на выдвижении в руководство трестами казахов вместо предложенных кандидатур «европейцев», признавая в то же время объективное положение, что национальных кадров все еще немного. Председатель ЦСНХ КАССР А. Лекаров меж тем выступил за созыв V национального совещания и пересмотр положений и конституций автономий в РСФСР, поставив вопрос о том, «почему нельзя некоторым национальным республикам, если есть возможность, приобщиться к братскому» СССР. Глава агитпропа Казкрайкома партии У. Джандосов предпочел призвать собравшихся понять неразрывную взаимосвязь между решением общесоюзных и республиканских задач, включая КАССР, на основе рационального географического размещения производств. Голощекин, в свою очередь, обратил внимание на то, что участники совещания, именуя себя товарищами-националами, а не просто товарищами, не говорили «об увязке» с СССР, «без чего в отдельности никто не сможет существовать как часть Союза», по существу ведя к ослаблению страны и республик. Вышло «странное противопоставление», поскольку и в самом деле каждый являлся представителем какой-то национальности, меж тем речь должна была идти о партийном единстве. Он раскритиковал Мынбаева, Холжанова и Асфендиарова, поскольку «всякий, кто бывал... в Узбекистане, Туркменистане, Киргизии, Казахстане, Татарии, Башкирии, Крыму», знает – утверждения, что здесь ничего не развивалось, – «злостная клевета». Устроив Ноев ковчег из Гос-

плана РСФСР включением в него, например, по 2 казаха и башкира, вряд ли можно было решить проблему изживания бюрократического произвола. Направление против русского как такового, то есть направление единого фронта против РСФСР Голощекин определил как «совершенно невероятный националистический уклон». Так называемое федерирование по национально-экономическому признаку, предложенное крымским участником совещания, он расценил как недопустимое, отметив, что «Крым может федерироваться, скажем, с Татарией или... с Турцией. Люди совершенно не понимают положения», самоопределения по-коммунистически¹⁴. Острота суждений и противоречивость позиций отчетливо выявили слабости не только практической организации жизнедеятельности автономий и всей федеративной конструкции страны, но и очевидные расхождения в понимании существа государства как сложного и негетерогенного целого, а также в содержании и задачах конструктивного участия в обеспечении успешной деятельности управленческого организма.

Государственное регулирование этничности и конструирование наций в Средней Азии, подтверждая обозначенные противоречия, реализовалось путем территориального размежевания. Наиболее распространенный подход ныне связан с обоснованием решающей роли центра и его противодействия местным элитам. Как пишет один из авторов, этническое измерение этого социально-инженерного проекта реализовалось с помощью чрезвычайно методичной попытки распознать, организовать, модернизировать и контролировать этнонациональную идентичность формальными институциональными структурами¹⁵.

Но попытки встроить в западную аналитическую модель советский конструкт, который трактуется как декларативно антиимперский, пренебрегавший имперской властью и использовавший «квазимперские» практики для обеспечения «коммунистической современности», остаются весьма противоречивыми, поскольку западные критерии модерности не позволяют адекватно оценить конкретно-исторический путь народов СССР по пути, избранному большевиками на основе западной марксистской доктрины. Как пишут Дж. Бурбанк и Ф. Купер,

в некоторых обстоятельствах народы видели определенные преимущества во вхождении, <...> в большое и мощное политическое объединение¹⁶.

Наряду с далеко не всегда хорошим знанием конкретики, презентизм нередко подменяет историческую аналитику. Так, М. Ларуэль, обвиняя Россию в «долгой истории государственного насилия» в соответствии с логикой политизированной стилистики западных авторов, все же оказалась одной из немногих, кто заметил невозможность отрицать отчетливое наличие противоположной западной позиции в мире. Она замечает, что

Глобальный Юг предлагает еще одно сочетание твердой веры в суверенитет как ключевой элемент идентичности страны, своего собственного вклада в литературу о колониализме и своих собственных взглядов на Запад как на колониальный, неоколониальный или имперский (здесь таксономии также пересекаются). Эти расходящиеся взгляды, которые неявно или явно противопоставляют западную «империю» российской «империи», были ярко выражены многими лидерами Глобального Юга после полномасштабного вторжения России в Украину¹⁷.

¹⁴ Архив Президента РК (далее – АП РК). Ф. 141. Оп. 1. Д. 489. Л. 2–3, 14–16, 18, 20, 26–31, 35, 42, 44, 56–58.

¹⁵ *Roshwald A. Ethnic Nationalism and the Fall of Empires Central Europe, Russia and the Middle East, 1914–1923. London; New York, 2001. P. 176.*

¹⁶ *Бурбанк Дж., Купер Ф. Траектории империи // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. URL: <https://scicenter.online/books-mirovaya-istoriya-scicenter/djeyn-burbank-frederik-kuper-traektorii-103607.html> (дата обращения: 30.01.2022).*

¹⁷ *Laruelle M. The tensions of positionality reflection // Ab Imperio. 2023. № 1. P. 35–40.*

Простое противопоставление центра и национальных элит, «колонизаторов» и «колонируемых», центра и периферии непродуктивно¹⁸. Дж. Смит обратил внимание на многофакторность политики большевиков, принимавших во внимание условия и обстоятельства мест при переустройстве страны¹⁹. Так, история размежевания в Средней Азии как направление создания советского типа федерации должна учитывать активную роль этноэлит. Она была достаточно противоречивой, сами элиты не были монолитны по происхождению и образованию, по взглядам и способам вклада в советский проект. Так называемые «европейцы» и центр не только выстраивали жесткую вертикаль власти, но и достаточно гибко наращивали разнообразный инструментарий взаимодействия с разными группами национальных элит. Размежевание обеспечило создание современных наций в мультикультурном регионе с общеконфессиональной идентичностью населения, когда административными и политическими инструментами были созданы условия для кристаллизации этноидентифицирующих маркеров у народов региона. История размежевания остается дискуссионной темой, несмотря на наличие вполне репрезентативной документальной базы, которая еще может дополняться источниками, способными детализировать определенные нюансы связанных с этим проблем.

Центр оставался третейским судьей в межрегиональных и внутриэлитных конфликтах, вырабатывал общие стандарты решения сходных проблем на местах и выглядел в глазах руководителей национально-государственных образований единственно возможной конечной инстанцией для утверждения заявленных Москвой принципов национальной политики, оказания материальной помощи, разграничения полномочий между равноуровневыми ведомствами и хозяйствующими субъектами, источником пополнения местного бюджета. Важнейшим доводом при этом служила необходимость укрепления «советских позиций». Сложная иерархическая конструкция укреплялась усилиями государства, поддерживавшего и этническое разнообразие, и межкультурную/гражданскую интеграцию, предложившего собственные политические, идейные, социальные ценности и нормы. Правда, коренизация породила поначалу заполнение советов «классовыми врагами», а соблюдение классового подхода зависело от мобилизации достаточно скудных ресурсов на образование и идейно-политическую подготовку кадров из народа. Обеспечить реальное равенство народов к тому же можно было лишь благодаря экономическому подъему и социальному прогрессу, и эти задачи решались в сложных обстоятельствах, которые потребовали не только консолидации средств и сил, но и организационно-управленческих усилий центра и местных элит, взаимодействие которых стало испытанием для обеих сторон. В республиках трудности советского строительства представители власти рассматривали не только сквозь призму ведомственной иерархии, но и в тесной связи с внутренними противоречиями, под влиянием которых происходило становление облика СССР – формирование не только границ равноуровневых субъектов советской федерации, но и реализация модернизирующего проекта для всех народов Советского Союза.

¹⁸ Morrison A. Central Asia and the Bolshevik Revolution: A Look at the Balance Sheet at the Centennial. URL: http://www.eurasianet.org/node/85741?utm_source=dlvr.it&utm_medium=facebook (дата обращения: 27.10.2017); Ботакоз Касымбекова и Эрика Марат об «имперском мифе» России. Давний «имперский миф» России гласит, что «Россия не нападала и не колонизировала, но освободила и спасла колонизированных». Интервью 01.07.2022. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.c7b5f7f3-645d2181-ab9c24e1-74722d776562/https://thediplomat.com/2022/06/botakoz-kassymbekova-and-erica-marat-on-russias-imperial-myth/ (дата обращения: 11.05.2023); От редакции. «В глазах смотрящего»: национально-государственная перспектива как политика идентичности // *Ab Imperio*. 2022. № 3. С. 17–26; Герасимов И. История одного национального дефолта // *Ab Imperio*. 2023. № 1. С. 145–178.

¹⁹ Smith J. *The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923*. Basingstoke, 1999.

Выводы

Дискуссии вокруг статуса и полномочий автономий в меняющемся государственном организме, как показал анализ реакции на так называемое «рыскуловское совещание» (ноябрь 1926 г.) на примере Казахской АССР, выявили многофакторный характер федеративного строительства. Меж тем попытки представить интерпретации совместной истории народов России и СССР как историю имперской/советской «колонизации» свидетельствуют об определенной методологической деградации части авторов, агрессивно стремящихся навязать старые и изобрести новые мифы и концепции для объяснения того, что изучить предметно и объективно они часто не в состоянии или не заинтересованы в этом.

Анализ некоторых основных подходов зарубежной историографии к оценке советской национальной политики показывает недостаточность используемых аргументов. Уточнение и осмысление конкретно-исторического многообразия не только усложняет общую картину, но и дает возможность для формирования объемного и нелинейного представления о единичном и общем, о противоречивых проявлениях и динамике общего хода нацистроительства и федерализации. Этноидентичность трансформировалась, дополняясь новыми представлениями о межкультурной/гражданской общности. Система консолидирующих традиционных ценностей включалась в комплекс общесоветских социально-культурных приоритетов, обретая оригинальные этнонациональные воплощения. Советский народ представлял собой сложную и противоречивую общность, целостность которой обеспечивалась совокупностью социально-политических, экономических и культурных факторов, при наличии внутренних консолидирующих и дезинтегрирующих компонентов. Российская историография вполне самодостаточна в детальном освещении и анализе уникального опыта культурно сложной исторической реальности. Признание данной природы общества и ее непрерывной подвижности, разнородности как фундамента управления актуализирует анализ динамики формирования и взаимосвязи базовых параметров социальной, гражданской и этнокультурной идентичности советских людей, а также особенностей их понимания и интерпретации на разных уровнях – властью, экспертами в лице научной и творческой интеллигенции и самими гражданами. Историческая преемственность политического развития России и ее народов, как и преимущества культурного многообразия большого и умно управляемого государства, представляются важным основанием обретения нового качества исторического знания.

Поступила в редакцию / Submitted: 25.06.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 26.11.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 02.12.2023

References

- Abdrakhmanov, Yu. 1916. *Dnevniki. Pis'ma k Stalinu* [1916. Diaries. Letters to Stalin]. Frunze: Kur-guzstan Publ., 1991 (in Russian).
- Amanzholova, D.A., Drozdov, K.S., Krasovitskaya, T.Yu., and Tikhonov, V.V. *Sovetskii natsional'nyi projekt v 1920–1940-e godu: ideologiya i praktika* [The Soviet National Project in the 1920–1940s: ideology and Practice]. Moscow: New khronograf Publ., 2021 (in Russian).
- Bazarov, B.V., ed. *Interiorizatsiia sovetskoi modeli v traditsionnykh soobshchestvakh Buriat-Mongolii (1920–1930 gg.)* [Interiorization of the Soviet model in the traditional communities of Buryat-Mongolia (1920–1930)]. Irkutsk: Print Publ., 2021 (in Russian).
- Burbank, J. “Empire and Transformation: The Politics of Difference.” In Tomohiko, Uyama, ed. *Comparing Modern Empires: Imperial Rule and Decolonization in the Changing World Order*, 11–33. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2018.

- Burbank, J., Kuper, F. *Traektorii imperii* [Trajectories of Empire]. In *Mify i zabluzhdeniia v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Misconceptions in the Study of Empire and Nationalism]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2010 (in Russian).
- Denningkhaus, V. *V teni 'Bol'shogo brata': zapadnye natsional'nye men'shinstva v SSSR, 1917–1938 gg.* [In the shadow of the 'Big Brother': Western national minorities in the USSR, 1917–1938]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Enukidze, A.S. “Konstitutsii avtonomnykh respublik (v poriadke postanovki voprosa) [Constitutions of autonomous Republics (in the order of the question)].” *Sovetskoe stroitel'stvo*, no. 3–4 (1926): 19–35 (in Russian).
- Gerasimiv, I. “Istoriia odnogo natsional'nogo defolta [The history of one national default].” *Ab Imperio*, no. 1 (2023): 145–178 (in Russian).
- Haugen, A. *The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia*. New York: Palgrave Macmillan, 2003.
- Hirsh, F. *Imperiia natsii: Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soiuza* [Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Formation of the Soviet Union]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2022 (in Russian).
- Kassymbekova, B. *Despite Cultures: Early Soviet Rule in Tajikistan*. University of Pittsburgh, 2016.
- Krasovitskaya, T.Yu. *Natsional'nye elity kak sotsiokul'turnyi fenomen sovetskoi gosudarstvennosti (oktiabr' 1917–1923 gg.): dokumenty i materialy* [National Elites as a Socio-cultural phenomenon of Soviet Statehood October 1917–1923: documents and materials]. Moscow: IRI RAN Publ., 2007 (in Russian).
- Kul'tchitskii, St. “Status titul'nykh natsii v psevdofederativnoi gosudarstvennoi structure SSSR na etape sozdaniia sovetskogo stroia (1917–1938 gg.) [The status of titular nations in the pseudo-federal state structure of the USSR at the stage of the creation of the Soviet system (1917–1938)].” In *Sovetskie natsii i natsional'naia politika v 1920–1950-e gody. Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kiev, 10–12 oktiabria 2013 g.* [Soviet nations and national politics in the 1920–1950s. Materials of the VI International Scientific Conference. Kyiv, October 10–12, 2013], 6–16. Moscow: ROSSPEN Publ., 2014 (in Russian).
- Laruelle, M. “The tensions of positionality reflection.” *Ab Imperio*, no. 1 (2023): 35–40.
- Marchukov, A.V. *Ukrainskoe natsional'noe dvizhenie: USSR. 1920–1930-e godu: tseli, metody, rezul'taty* [Ukrainian National Movement: Ukrainian SSR. 1920–1930s: goals, methods, results]. Moscow: Nauka Publ., 2006 (in Russian).
- Morrison, A. *Central Asia and the Bolshevik Revolution: A Look at the Balance Sheet at the Centennial*, October 27, 2017, http://www.eurasianet.org/node/85741?utm_source=dlvr.it&utm_medium=facebook
- Roshwald, A. *Ethnic Nationalism and the Fall of Empires Central Europe, Russia and the Middle East, 1914–1923*. London; New York: Routledge, 2001.
- Smith, J. *The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923*. Basingstoke: University of London Publ., 1999.
- Suny, Ronald G. *Lessons of October: The Fate of Democracy and Socialism in the Age of Revolution and Counterrevolution*, May 22, 2022, <http://kenedy-legacy.byu.edu/events/lessons-of-october/>
- Suny, Ronald G. *Sovetskoe i natsional'noe: edinstvo protivorechii* [Soviet and National: Unity of contradictions]. In *Sovetskie natsii i natsional'naia politika v 1920–1950-e godu. Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kiev, 10–12 oktybrya 2013 g.* [Soviet nations and national politics in the 1920–1950s. Materials of the VI International Scientific Conference. Kyiv, October 10–12, 2013], 17–40, Moscow: ROSSPEN Publ., 2014 (in Russian).
- Varnavskii, P. *Sovetskii narod: sozdanie edinoi identichnosti v SSSR kak konstruirovaniie obschei pamyati (na materialakh Buryatskoi ASSR)* [The Soviet people: the Creation of a Unified Identity in the USSR as the construction of a common memory (based on the materials of the Buryat ASSR)]. *Ab Imperio*, no. 4 (2004): 239–262 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Дина Ахметжановна Аманжолова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории, Российская академия наук; 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; amanzholova19@mail.ru; SPIN-код: 5525-3738; <https://orcid.org/0000-0002-1684-2785>

Dina Akhmetzhanovna Amanzholova, Dr. Habil. Hist., Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow, 117292, Russia; amanzholova19@mail.ru; SPIN-code: 5525-3738; <https://orcid.org/0000-0002-1684-2785>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-41-51>
EDN: LOXHWE

Научная статья / Research article

Организация социальной помощи коренным малочисленным народам в Туруханском крае в 1920–1925 гг.

Татьяна Анатольевна Катцина ^a , Людмила Эдгаровна Мезит ^b

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия,

^b Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия

 TKatsina@sfu-kras.ru

Аннотация: Рассматривается проблема вовлечения коренных малочисленных народов Севера в советское строительство в первой половине 1920-х гг. на примере Туруханского края (до 1930 г. он объединял население, проживавшее на севере Енисейской губернии). Основу источниковой базы составили документы из фондов Государственного архива Красноярского края. Отмечается, что на раннем советском этапе национальная политика в отношении автохтонных народов Севера отличалась гибкостью и поиском баланса интересов государства и северных народностей, так как в основу были положены не политические, а социально-экономические задачи. На этом этапе государство взяло на себя административное управление, оказание экономической помощи малочисленным северным народам, заботу о сохранении жизнеобеспечивающей системы пользования природными ресурсами, всего того, что определяет традиционный уклад их жизни. Началось создание органов самоуправления (родовых советов), торгового, медицинского обслуживания и школьного образования. Проводниками советской политики среди коренных малочисленных народов выступили северные инструкторы. Этот институт был призван, с одной стороны, упорядочить практику деятельности советских учреждений среди коренных малочисленных народов Севера, а с другой – помочь последним адаптироваться к новым социально-экономическим условиям. Авторы определяют специфику и роль северных инспекторов (с 1924 г. – инспекторов по инородческим делам) через характер взаимодействия государственных, местных административных и родовых институтов в процессе выработки и реализации поддержки коренных малочисленных народов енисейского Севера, общее катастрофическое положение которых могло повлечь за собой необратимые процессы вымирания этих народностей.

Ключевые слова: Енисейская губерния, автохтонные народы Севера, революционный комитет, краевой исполнительный комитет, советизация, кочевой образ жизни, кооперация

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20109, <https://rscf.ru/project/22-18-20109/>, «Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности».

Для цитирования: Катцина Т.А., Мезит Л.Э. Организация социальной помощи коренным малочисленным народам в Туруханском крае в 1920–1925 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 41–51. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-41-51>

© Катцина Т.А., Мезит Л.Э., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Organization of Social Assistance to Indigenous Minorities in the Turukhansk Region in 1920–1925

Tatyana A. Kattsina ^a , Lyudmila E. Mezit ^b

^a Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

^b Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia

 TKattsina@sfu-kras.ru

Abstract: The authors consider the issues of involvement of native minorities of the Russian North in the Soviet construction in the first half of the 1920s. The problem is illustrated through the example of Turukhansk region (until 1930 it united the peoples that populated the North of Yeniseysk Governorate). The source base includes the documents from the fund of the State Archive of Krasnoyarsk Territory. It is noted that during the early Soviet period the national policy towards the indigenous peoples of the North was characterized by flexibility and search for balance between the interests of the government and the northern peoples. This policy was mostly founded on socio-economical tasks, rather than political ones. At this stage the government assumed the administration management, provision of economic aid to the native minorities of the North, preservation of the life-sustaining system for using natural resources, all that determined their traditional lifestyle. There began the creation of institutions of self-government (clan councils), trade services, medical care and school education. It was the Northern instructors that acted as conductors of Soviet policy among indigenous peoples. It was intended, on the one hand, to streamline the activities of Soviet institutions among the indigenous peoples of the North, and on the other hand, to help the latter adapt to the new socio-economic conditions. The authors determine the specifics and role of Northern inspectors (from 1924 – instructors in foreign affairs) through the nature of interaction between state, local administrative and clan institutions in the process of developing and implementing support for indigenous peoples of the Yenisey North; their general catastrophic situation could entail irreversible processes of the extinction of these peoples.

Keywords: Yeniseyskaya Province, indigenous people of the North, revolutionary committee, regional executive committee, sovietization, nomadic way of life, cooperation

Acknowledgements and Funding: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation № 22-18-20109, <https://rscf.ru/project/22-18-20109/>, Krasnoyarsk Regional Fund for Support of Scientific and Scientific and Technical Activities.

For citation: Kattsina, T.A., and Mezit, L.E. “Organization of Social Assistance to Indigenous Minorities in the Turukhansk Region in 1920–1925.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (February 2024): 41–51. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-41-51>

Введение

Актуальность. В статье рассматриваются пути и методы решения социальных проблем коренных малочисленных народов севера на территории Туруханского края¹ в начальный советский период, что требует реконструкции на основе обновленной источниковой базы конкретно-исторической картины прошлого. Изучение раннесоветского опыта взаимодействия власти с северными автохтонами целесообразно и актуально, так как именно в тот период закладывались основы взаимоотношения властных структур и народов Севера, признание ареала жизнедеятельности нации как объективного элемента системы ее коренных ценностей, которые

¹ Туруханский край – историко-географическая область в Восточной Сибири, охватывавшая в XIX – начале XX в. значительную северную часть Енисейской губернии; в 1924 г. он получил статус уезда Енисейской губернии. В 1925 г. уезд упразднили, а его территория вошла в Красноярский округ. В декабре 1930 г. на севере бывшего Туруханского края образован Таймырский (Долгано-Ненецкий) национальный округ, а на западе – Эвенкийский национальный округ. Остальная его часть вошла в Туруханский район Восточно-Сибирского края (с 1934 г. – Красноярского края). См.: Николаев А.А. Туруханский край // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 321.

и сегодня оказывают сильнейшее воздействие на развитие межнациональных отношений. В исследуемый период практической программы действий в решении национально-территориальных проблем у руководства большевистской партии не было, дискуссии по этим вопросам продолжались до конца 1920-х гг. После окончания Гражданской войны советизация малочисленных народов Севера была объявлена приоритетной и, как показывают новейшие исследования, решалась в регионах по-разному.

Степень изученности проблемы. Тема вовлечения народностей северных окраин в советское строительство в первой половине 1920-х гг. не новая. Ее изучение в СССР велось в позитивном ключе в соответствии с официальной идеологией и определенной тенденциозностью. Работы того времени знакомят читателя с трудностями развития самоуправления у малочисленных северных народов Сибири и Дальнего Востока в 1920-е гг.², этапами государственного строительства и ролью партийных органов в советизации коренных народов³.

Литература 1990-х гг. о советских преобразованиях на национальных окраинах, характере и формах национально-государственных реформ подтверждает искусственный характер советов для коренного населения, объясняет такие особенности их становления, как длительная (до конца 1920-х гг.) невовлеченность национальных масс в этот процесс⁴.

В XXI в. интерес к национально-государственному строительству в СССР повысился, изменились методологические подходы. Появились комплексные работы, посвященные советизации Севера. Большую работу в этом направлении провели американские исследователи. Так, монография Ю.П. Слѣзкина⁵ охватывает историю взаимоотношений русских с охотниками и собирателями Заполярья с XVI в. до середины 1980-х гг. Анализ государственной политики в отношении северных этносов на разных исторических этапах и в длительной перспективе позволил автору обозначить и осмыслить ключевые принципы (прогресс, развитие, эволюция), заложенные в основу восприятия «малых народов» русскими. Особого внимания заслуживает обращение Слѣзкина к эпохе 1920–1930-х гг. – сложной для осмысления и реформирования жизни «малых народов» на фоне процессов коренизации, советизации и сталинского «Великого перелома».

Как отмечает Франсин Хирш, начиная с Первой русской революции национальный вопрос стал важнейшим в пропаганде всех политических партий. После 1917 г. большевики не имели единого представления о том, как реорганизовывать обширные пространства Российской империи. Борьба развернулась между этнографической и экономической парадигмами. Сторонники этнографического принципа считали, что административно-территориальное устройство должно вестись по этнографически границам. Последователи экономического подхода полагали, что в громадной стране принцип «экономической целесообразности» наиболее эффективен, т. е. административно-территориальное устройство страны должно быть основано на научной оценке производительных сил⁶. Ф. Хирш убеждена, что до

² Зибарев В.С. Советское строительство и малые народы Севера. Томск, 1968.

³ Клещенок И.П. Народы Севера и ленинская национальная политика в действии. М., 1961; Юртаева В.И. Советизация малых народов Енисейского Севера // Сибирь в период строительства социализма и коммунизма. Новосибирск, 1966. Вып. 6. С. 16–22; Увачан В.И. Путь народов Севера к социализму. Опыт социалистического строительства на Енисейском Севере (Исторический очерк). М., 1971 и др.

⁴ Аманжолова Д.А. Историография изучения национальной политики // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2013. С. 314–315.

⁵ Слѣзкин Ю.П. Арктические зеркала России и малые народы Севера. М., 2008.

⁶ Хирш Ф. Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М., 2022. С. 100–101.

середины 1920-х гг. влияние имперских этнографов на руководителей молодого советского государства было преобладающим.

Объектом исследования Н.В. Ссориной-Чайкова стала трансформация традиционных норм и ценностей малочисленных народов Севера, к изучению которых была применена антропологическая методология⁷.

Вклад в исследование советизации коренных народов Эвенкии в 1920–1930-е гг. внесла В.В. Бибикова⁸. Опираясь на архивы, периодическую печать, автор показала не только противоречивость проводимой политики, но и нестандартные решения, принятые местными руководителями по советизации коренных народов Эвенкии, реконструировала этапы советского строительства в крае, начиная с 1920 г., когда была восстановлена советская власть после окончания Гражданской войны и до образования Эвенкийского автономного округа. Акцентируя внимание на трех элементах советской национальной политики среди коренных народов: институциональном уровне, кадровой политике и культурно-языковой (в меньшей степени), В.В. Бибикова отмечает, что итогом этой политики стало создание национальных автономий, новых национальных идентичностей со своей письменностью и т. п. В другой ее работе⁹ дан анализ социально-экономических проблем в развитии Эвенкии. Структурирование материала по отраслевому принципу позволило, благодаря проблемно-хронологическому подходу, получить полное представление о развитии в Эвенкии традиционных промыслов, торговли, кооперации, социальной сферы в 1920–1930-е гг.

В историографии анализируются также изменения в отношениях с коренными народами Севера на протяжении 1920–1970-х гг., политика в сфере сельского хозяйства, образования, местного самоуправления, показано, как перевод коренного населения Севера на оседлый образ жизни приводит к упадку традиционных сферы занятости¹⁰.

В работе Н.Н. Пименовой показано, что этап формирования и реализации национальной политики в отношении коренных малочисленных народов в Эвенкийском национальном автономном округе (1920–1970-е гг.) способствовал тому, что эти этносы были выделены в особую категорию и стали объектом системной социальной защиты и государственной политики. При этом автор убеждена, что переход от политики коренизации к политике советизации коренных малочисленных народов привел к их частичной ассимиляции (народ кеты)¹¹.

Вместе с тем малоисследованными остаются вопросы разработки программы мер экономического, социального и организационно характера применительно к каждому северному региону, особенно на стадии формирования советской национальной политики.

Целью исследования является определение роли северных инструкторов в налаживании социальной помощи коренным малочисленным народам, проживающим на территории Туруханского края. Ставятся взаимосвязанные задачи: 1) определить специфику института северных инспекторов (с 1924 г. – инструкторов по инород-

⁷ *Ссорин-Чайков Н.В.* От изобретения традиции к этнографии государства: Подкаменная Тунгуска, 1920-е годы // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 1. С. 7–44.

⁸ *Бибикова В.В.* Становление государственности в Эвенкии в 20–30-х гг. XX в. Красноярск, 2019.

⁹ *Бибикова В.В.* Социально-экономическое развитие Эвенкии в 20–30-х гг. XX в. Красноярск, 2020.

¹⁰ *Авдеева Ю.Н., Дегтяренко К.А., Пчелкина Д.С., Румянцев И.А., Шпак А.А.* Принципы советской национальной политики 1920–1970 гг. по отношению к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, компактно проживающим на территории Эвенкийского национального (автономного) округа // Северные архивы и экспедиции. 2021. № 5 (3), <https://doi.org/10.31806/2542-1158-2021-5-3-77-88>

¹¹ *Пименова Н.Н.* Моделирование национальной политики СССР по отношению к коренным малочисленным народам Севера, проживающим в 1920–1970 гг. в Эвенкийском национальном (автономном с 1977 г.) округе // Северные архивы и экспедиции. 2021. № 5 (3), <https://doi.org/10.31806/2542-1158-2021-5-3-64-76>

ческим делам), учрежденного в Туруханском крае; 2) выявить взаимодействие государственных, местных административных органов и коренных малочисленных народов енисейского Севера в исследуемый период.

Источниковую базу исследования составили документы и материалы разной видовой принадлежности: законодательные, делопроизводственные, статистические и др. Богатый фактологический материал выявлен в государственном архиве Красноярского края. Использованный круг исторических и историографических источников, их объем и содержание позволили рассмотреть заявленную проблему, а методология локальной истории понять многомерность социальных процессов начального советского периода в Туруханском крае и его специфические черты как проявление локальных обстоятельств, противоречий, конфликтов. Авторы исходят из того, что идея «прогрессивной эволюции общества» стала основополагающей доктриной партийно-советских органов в отношении коренных малочисленных народов Севера до середины XX в.

Социально-экономическое положение малочисленных народностей в Туруханском крае и попытки его улучшения

Особенностью структуры населения чрезвычайно слабо заселенного и освоенного Туруханского края (охватывал 72 % площади Енисейской губернии) являлось то, что коренное население по состоянию на 1925 г. составляло более 62 %¹² и было представлено такими малочисленными народностями Севера, как тунгусы, долгане, якуты, самоеды и другие, сохранявшими традиционную систему жизнеобеспечения в виде промыслового хозяйства (оленоводство, охота, рыболовство). Говоря о социально-экономическом состоянии края к началу 1920-х гг., надо иметь в виду, что картина дореволюционного хозяйства была искажена, деформирована трехлетним периодом неоднократной смены власти, Гражданской войной. Продукция промыслового производства части населения становилась все менее конкурентноспособной, в то время как спрос на отдельные виды ресурсов (в частности, сюда входила вся пушно-сырьевая продукция) возрастал в силу востребованности на внешнем рынке. Местные торговцы – спекулянты, пользуясь плохой товарной обеспеченностью кочевых народов, обменивали пуд муки на рослого песка; оленя покупали за пять фунтов сухарей; плитку кирпичного чая продавали за 30 руб.¹³ Пресса того времени писала, что рыбные богатства края неполно эксплуатировались, пушное дело велось непланомерно, оленеводство находилось в катастрофическом положении и в прямой зависимости с этим подвергалось опасности само существование «первобытных хозяев тундры»¹⁴. Остроту проблеме выживания местного населения придавало почти полное нарушение системы жизнеобеспечивающих механизмов снабжения хлебом и порохом, которые, в свою очередь, шли в обмен на пушнину.

Гражданская война и экономический кризис приостановили работу Енисейского губернского союза кооперативов (Енгубсоюз), опиравшегося на так называемые фактории – торгово-снабженческие и заготовительные пункты в отдаленных промысловых районах, через которые велось снабжение населения, конкурируя в этой сфере с частными торговцами¹⁵. Сложившаяся ситуация объективно требовала разработки стратегии и программы мер экономического и организационного характера.

¹² Подсчитано по: Первый Сибирский краевой съезд Советов. Отчет Сибирского революционного комитета (окончание доклада тов. М.М. Лашевича) // Советская Сибирь. 1925. 8 декабря. С. 9.

¹³ Кооперация в Туруханском крае // Кооперативное дело. 1919. № 9. С. 40.

¹⁴ Тундра советизируется // Советская Сибирь. 1924. 28 ноября. С. 6; Первый Сибирский краевой съезд Советов... С. 9.

¹⁵ Степанова О.Б. Красные селькупы: революционные преобразования среди населения Таза и Турухана // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 92–93. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1\(58\)-91-99](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1(58)-91-99)

После свержения Верховного правителя адмирала А.В. Колчака в Енисейской губернии вся полнота власти в Туруханском крае сосредоточилась в Туруханском революционном комитете (ревком), созданном 7 февраля 1920 г. Органом по проведению в жизнь местных и центральных постановлений советской власти стал отдел управления, который возглавил П.В. Силин¹⁶. Отрывочные сведения, поступавшие в ревком, свидетельствовали, что значительная часть малочисленных народов бедствует, некоторые – на грани вымирания; разорены основные отрасли хозяйства – оленеводство, пушной и рыбный промыслы. Так, у тунгусов фактории Виви поголовье оленей за 1914–1920 гг. уменьшилось в 20 раз, на озере Агата – в 25. За 1918–1920 гг. добыча беличьих шкурок в Туруханском крае сократилась с 200 до 50 тыс.¹⁷ Развернуть торговую кооперативную сеть не удавалось из-за отсутствия соответствующих кадров. Ревком считал первостепенным произвести учет всех продуктов в крае, для чего создал учетно-нормировочную комиссию¹⁸. Предстояло установить связь с кочующими народностями, чтобы оказать им адресную помощь, особое внимание обратить на организацию охоты и рыболовства как основных источников существования «туземного трудового и русского населения»¹⁹. Существенной проблемой являлось то, что большинство коренных малочисленных народов Севера не владело русским языком и объясняться с ними во всех социальных значимых сферах приходилось через шаманов и родовых князей.

Обеспечение кочевого населения продовольствием было объявлено важнейшей задачей, требовавшей незамедлительного решения. В 1920 г. Совнарком РСФСР безвозмездно отправил в Туруханский край хлеба на 477 тыс. руб., в 1921 г. – еще 200 тыс. пудов хлеба²⁰. Енгубсоюз, перешедший в подчинение к новой власти, провел в 1921–1922 гг. кампанию по снабжению кочующего населения необходимыми для него товарами через фактории, открытые на месте старых хлебозапасных магазинов²¹, а Туруханский крайисполком (далее – крайком), образованный в 1922 г. вместо ревкома, выделил в безвозмездную ссуду 3 тыс. пудов муки для раздачи безолённые кочевникам через государственные продовольственные органы²². Но в силу ряда условий помощь оказалась доступной не всем. Безолённые туземцы дальних районов не смогли выйти на фактории из-за отсутствия средств передвижения; часть коренных народов заняла выжидательную позицию в силу присущей им подозрительности и недоверчивости к новым властям. Случалось, что советские активисты инициировали реквизиции оленей у северных народностей, возлагали на них выполнение различных повинностей, что встречалось коренным населением со страхом, дезориентировало его и нередко выливалось в своеобразную протестную форму – бегство в тундру. Поэтому, несмотря на тяжелое материальное положение, большинство туземцев, искренне не понимавших, а подчас не принимавших нововведения, вдобавок запуганное старшинами и князьями, желавшими, чтобы советизация как можно дольше не коснулась приполярных районов Туруханского края, до 1922 г. ни разу не вышли из тундры на фактории²³.

¹⁶ Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1303. Оп. 1. Д. 13а. Л. 13.

¹⁷ Там же. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 31. Л. 53.

¹⁸ *Юртаева В.И.* Советизация малых народов Енисейского Севера... С. 17.

¹⁹ ГАКК. Ф. Р-1303. Оп. 1. Д. 38. Л. 18.

²⁰ *Увачан В.И.* Путь народов Севера к социализму... С. 115.

²¹ *Степанова О.Б.* Красные селькупы... С. 93.

²² *Увачан В.И.* Путь народов Севера к социализму... С. 122.

²³ Там же. С. 115; *Чурсина А.С.* Социально-экономические условия жизни коренных малочисленных народов Туруханского края в первые годы установления советской власти // *Право и государство: теория и практика.* 2020. № 11 (191). С. 6–8. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2020_11_6

Институт северных инструкторов

Улучшение жизни малых народов, а заодно и вовлечение их в социальные преобразования было возложено на Полярный подотдел по управлению и охране туземных племен севера (далее – Полярный подотдел), сформированный в марте 1922 г. при отделе национальных меньшинств Наркомата национальностей РСФСР. Как пишет А.А. Асеев, эффективное решение широкого круга задач, порученных Полярному подотделу (от содействия в снабжении предметами первой необходимости и регулирования пользования охотничьими угодьями и пастбищами для оленей до улучшения культурно-просветительской работы и медико-санитарного обслуживания), сдерживали слабая материальная база и дефицит квалифицированных кадров на местах²⁴.

Местные органы власти пытались самостоятельно разработать механизмы вовлечения населения в социальные преобразования. Так, на заседании административно-территориальной комиссии Енгубисполкома, проходившей 20–23 ноября 1922 г., обсуждался вопрос о введении института северных инспекторов в целях обеспечения свободного развития туземцев Туруханского края и для охраны их от капиталистической эксплуатации. Уже в январе 1923 г. Туруханский край был разделен на четыре инспекторских района: Тазовский, Илимский, Южный и Затудринский, с назначением в каждом по одному северному инспектору (в 1924 г. их переименовали в инструкторов по инородческим делам)²⁵.

Уже в марте 1923 г. административная комиссия при Президиуме ВЦИК рекомендовала для ознакомления и дальнейшей разработки основ советизации коренных малочисленных народов «Положение о северных инспекторах Туруханского края» Сибревкому, Дальревкому, ЦИК Якутской АССР в силу общности условий на территориях данных органов власти²⁶.

Кандидаты на должность северных инспекторов подбирались Туруханским крайкомом и утверждались Туруханским исполкомом. Требовалось, чтобы кандидаты знали Конституцию РСФСР, имели знания по этнографии, антропологии, материальной и духовной культуре инородцев²⁷, так как они должны были проводить разъяснительную работу среди коренного населения о сущности советской власти, ежегодно устраивать выборы в родовые советы на принципах, установленных советским законодательством, объективно информировать крайком о положении дел в тундре для принятия управленческих решений. Каждый инспектор получал в крайкоме открытый лист (удостоверение), которое подтверждало его полномочия и обязывало всех жителей тундры оказывать ему содействие²⁸.

Туруханский исполком исключительно ответственно относился к подбору кандидатов на должность северных инструкторов. Назначали только тех, кто хорошо знал уклад жизни инородцев и пользовался у них уважением. 5 ноября 1924 г. Президиум уездного исполкома (далее – УИК) утвердил положение «Об инструкторах УИК по инородческим делам», где наряду с перечнем требований к кандидатуре инструктора, были четко прописаны сроки отчетности, мероприятия, обязательные к исполнению среди северных этносов²⁹.

²⁴ Асеев А.А. Место коренных малочисленных народов Дальнего Востока РСФСР в политике государства (1922–1941 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 1 (38). С. 82.

²⁵ ГАКК. Ф. Р-1303. Оп. 1. Д. 107. Л. 2, 4.

²⁶ Зибарев В.С. Из истории разработки законодательных основ самоуправления малых народов Сибири и Дальнего Востока // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1966. Вып. 1. С. 98.

²⁷ ГАКК. Ф. Р-1303. Оп. 1. Д. 107. Л. 2, 4.

²⁸ Там же. Л. 6.

²⁹ Там же. Л. 4, 16; Д. 24. Л. 37–37 об.

Первыми северными инспекторами были назначены И.Д. Потапов и Е.С. Савельев. Оба они длительное время проживали в Туруханском крае, знали некоторые языки инородцев, их уклад жизни. Потапов окончил церковно-приходскую школу, был рыбаком, Савельев – местный служащий, имел начальное образование³⁰. Для решения поставленных задач им приходилось преодолевать значительные расстояния на лыжах или в лодке в суровых климатических условиях, без средств связи, терпя материальные лишения, невежество населения. Особой заслугой Савельева стало составление карты маршрута по тундре для экспедиции сибирского отделения Красного Креста. Разъездные экспедиции были единственной возможностью оказания квалифицированной медицинской помощи инородцам, среди которых процветали чахотка, желудочные болезни из-за антисанитарии³¹. Ветврач Н.Г. Рахманов отмечал, что он чаще оказывал врачебную, а не ветеринарную помощь кочевникам, однако тунгусы, у которых он побывал, отказывались брать лекарство для лечения чесотки³².

В ходе организации выборов в родовые советы северные инструкторы фиксировали указы инородцев в адрес Туруханского крайисполкома. Среди проблем, требовавших вмешательства советских органов, указывали: необеспеченность ружьями, порохом конкретных родичей³³, оказание ветеринарной помощи Тазовскому роду, где болели олени³⁴; создание фельдшерского пункта в местах ярмарок инородцев, организацию экспедиции врачей по линии Красного Креста³⁵. В 1924 г. Илимпейский и Туруханский родовые советы просили открыть школу, но отличную от русской³⁶. По протоколам Туруханского исполкома можно проследить, как были исполнены эти указы. Документы свидетельствуют, что в 1924 г. в Хатангской и Тазовской тундрах были созданы фельдшерские пункты, открыта школа на 10 чел.³⁷

Большое внимание северные инструкторы уделяли работе советских торговых и кооперативных организаций. Так, Е.С. Савельев по заданию крайисполкома в 1925 г. обстоятельно проверил торговые организации в Туруханском крае на наличие патентов, цены и ассортимент товаров. Из его отчета следует, что государственные торговые организации слабо проникли в тундру, не была изжита торговля спиртом (несмотря на запрет крайисполкома), ассортимент товаров не в полной мере соответствовал потребностям инородцев³⁸.

Инструкторы организовывали проверку правильного исполнения распоряжений и обязательных постановлений, относящихся к рыбной ловле в Туруханском крае, боролись с хищническим истреблением промысловых зверей и рыб, регулировали отношения между инородцами и торговыми организациями³⁹.

Усилиями сотрудников Туруханского исполкома, торгово-кооперативных организаций и по рекомендациям северных инструкторов в исследуемый период были организованы экспедиции уполномоченных для производства снабженческо-сбытовых и приемочных операций непосредственно среди кочующих народов через торговых агентов⁴⁰. Однако из-за отсутствия нужных кадров в качестве торговых агентов кооперативы в начале 1920-х гг. вынуждены были приглашать бывших скупщиков,

³⁰ ГАКК. Ф. Р-1303. Оп. 1. Д. 114. Л. 7, 18 об.

³¹ Там же. Д. 9. Л. 48.

³² Бибикова В.В. Становление государственности в Эвенкии в 20–30-х гг. XX в... С. 126.

³³ ГАКК. Ф. Р-1303. Оп. 1. Д. 41. Л. 4; Д. 92. Л. 22–22 об.

³⁴ Там же. Д. 86. Л. 1 об.

³⁵ Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

³⁶ Там же. Ф. Р-1303. Оп. 1. Д. 107. Л. 4.

³⁷ Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 22. Л. 2 об.

³⁸ Там же. Д. 31. Л. 53.

³⁹ Юртаева В.И. Советизация малых народов Енисейского Севера... С. 22.

⁴⁰ Клещенко И.П. Народы Севера и ленинская национальная политика в действии... С. 87.

которые насаждали старые методы в советской торговле, занимались обманом инородческого населения⁴¹.

Большое внимание северные инструкторы уделяли формированию в родовых советах оленных фондов (аналог крестьянского комитета взаимопомощи), которые можно было использовать для снабжения беднейших родичей⁴². Усилиями северных инструкторов и крайисполкома к 1924 г. в Туруханском крае удалось создать пять потребительских обществ туземцев⁴³.

В 1924 г. Туруханский исполком констатировал, что упадок и развал хозяйств малочисленных народов Севера приостановлен, угроза вымирания ликвидирована, увеличилась добыча рыбы, пушнины: открыты 72 торговые точки, в 1923 г. добыто 667 тыс. белок, 29 тыс. песка, 27,5 тыс. пудов рыбы⁴⁴. Эти результаты – итог самоотверженной работы всех советских учреждений. Северные инструкторы крайисполкома оказались связующим звеном между коренными народами севера и новой властью. Их усилиями была установлена взаимосвязь с инородцами, снижена экономическая и социальная напряженность в условиях Крайнего Севера. Однако из-за малочисленности штата северных инструкторов (их было всего четверо), кочевого образа жизни инородцев и громадной территории их обитания не удалось к 1925 г. наладить взаимосвязь со всеми коренными народами севера. В последующем северные инструкторы вошли в штат Комитета Севера, где отдельные положительные практики их деятельности получили дальнейшее развитие.

Выводы

Как показало исследование, национальная политика Советского государства в отношении малых народностей Севера на раннем советском этапе отличалась гибкостью и поиском баланса интересов, так как в основу были положены не политические задачи, а потребность социально-экономического развития этой малообжитой, но богатой ресурсами территории. Создание системы жизнеобеспечивающих механизмов снабжения, восстановление и сохранение этносоциального природопользования предполагало включение представителей малых народностей в процесс общественного производства с сохранением их традиционных промыслов, уклада жизни. В условиях огромного дефицита госбюджета, кризисного состояния экономики страны и края, недостатка кадров, проводниками советской политики среди инородческого населения выступили северные инструкторы. Этот институт был призван упорядочить практику деятельности советских учреждений среди северных этносов.

Северные инструкторы, при всей их малочисленности, но хорошим знанием уклада инородцев и некоторых их языков, смогли установить конструктивную взаимосвязь хоть и не со всеми, но со многими родами, обитавшими в Туруханской тундре. Им не удалось полностью ликвидировать торговлю спиртом среди коренных народов Севера, не всегда помощь оленных фондов доставалась нуждающимся инородцам и т. п. Вместе с тем институт северных инструкторов позволил упорядочить, урегулировать практику взаимодействия советского государства с автохтонными народами Севера, создать механизм решения их насущных социальных проблем. Эти самоотверженные люди объективно информировали крайисполком о реальном положении дел и нуждах северных этносов, что позволяло при ограниченности ресурсов улучшать материальное положение автохтонного населения Туруханского края. Деятельность северных инструкторов способствовала повышению доверия

⁴¹ Клеценко И.П. Народы Севера и ленинская национальная политика в действии... С. 68.

⁴² ГАКК. Ф. Р-1303. Оп. 1. Д. 107. Л. 4.

⁴³ Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 31. Л. 53 об.

⁴⁴ Увачан В.И. Путь народов Севера к социализму... С. 122.

населения к учреждениям и уполномоченным советской власти, поскольку в ней прослеживалась забота о северных этносах, готовность оказать помощь в решении их насущных проблем, что легло в основу основополагающей доктрины Комитета Севера, созданного в 1924 г. в регионе.

Поступила в редакцию / Submitted: 25.06.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 05.11.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 07.12.2023

References

- Amanzholova, D.A. “Istoriografiia izucheniia natsional'noi politiki [Historiography of the study of national politics].” In *Mezhdru kanunami. Istoricheskie issledovaniia v Rossii za poslednie 25 let*, 305–327. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2013 (in Russian).
- Avdeeva, Yu.N., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S., Rumyancev, I.A., and Shpak A.A. “The principles of the Soviet national policy of 1920–1970 in relation to the indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East, compactly living on the territory of the Evenki National (Autonomous) District.” *Northern Archives and Expeditions*, no. 5 (2021): 8–25, <https://doi.org/10.31806/2542-1158-2021-5-3-77-88> (in Russian).
- Bibikova, V.V. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Evenkii v 20–30-kh gg. XX v.* [Socio-economic development of Evenkia in the 20–30s XX v.]. Krasnoyarsk: Sibirskii promysel Publ., 2020 (in Russian).
- Bibikova, V.V. *Stanovlenie gosudarstvennosti v Evenkii v 20–30-kh gg. XX v.* [The formation of statehood in Evenkia in the 20–30s g XX v.]. Krasnoyarsk: Znak Publ., 2019 (in Russian).
- Chursina, A.S. “Socio-economic conditions of life of the indigenous peoples of the Turukhansk region in the first years of the establishment of Soviet power.” *Law and State: The Theory and Practice*, no. 11 (2020): 6–8, https://doi.org/10.47643/1815-1337_2020_11_6 (in Russian).
- Hirsh, F. *Imperiia natsii. Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soiuza* [Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Formation of the Soviet Union]. Moscow: New Literary Review Publ., 2022 (in Russian).
- Kleshchenok, I.P. *Narody Severa i leninskaia natsional'naia politika v deistvii* [The Peoples of the North and Lenin's National Policy in action]. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1961 (in Russian).
- Nikolaev, A.A. “Turukhanskii krai [Turukhansk region].” In vol. 3 of *Istoricheskaia entsiklopediia Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia], 321. Novosibirsk: Historical Heritage of Siberia Publ., 2009 (in Russian).
- Pimenova, N.N. “Modeling of the national policy of the USSR in relation to the indigenous small-numbered peoples of the North living in 1920–1970 in the Evenki National (autonomous since 1977) district.” *Northern Archives and Expeditions*, no. 5 (2021): 64–76, <https://doi.org/10.31806/2542-1158-2021-5-3-64-76> (in Russian).
- Slezkin, Yu.P. *Arkticheskie zerkala i malye narody Severa* [Arctic mirrors and small peoples of the North]. Moscow: New Literary Review Publ., 2008 (in Russian).
- Ssorin-Chaikov, N.V. “From the invention of tradition to the ethnography of the state: Podkamennaya Tunguska, 1920s.” *The Journal of Social Policy* 9, no. 1 (2011): 7–44 (in Russian).
- Stepanova, O.B. “Red Selkups: revolutionary transformations among the population of the Taz and Turukhan.” *Ural Historical Journal*, no. 1 (2018): 91–99, [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1\(58\)-91-99](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1(58)-91-99) (in Russian).
- Uvachan, V.I. *Put' narodov Severa k sotsializmu. Opyt sotsialisticheskogo stroitel'stva na Eniseiskom Severe (Istoricheskii ocherk)* [The path of the peoples of the North to socialism. The experience of socialist construction in the Yenisei North (Historical essay)]. Moscow: Mysl Publ., 1971 (in Russian).
- Yurtaeva, V.I. “Sovetizatsiia malykh narodov Eniseiskogo Severa [Sovietization of the small peoples of the Yenisei North (1920–1923)].” *Sibir' v period stroitel'stva sotsializma i kommunizma* [Siberia during the construction of socialism and communism], no. 6 (1966): 16–23 (in Russian).
- Zibarev, V.S. “Iz istorii razrabotki zakonodatel'nykh osnov samoupravleniia malykh narodnostey Sibiri i Dal'nego Vostoka [From the history of the development of the legislative framework for the self-government of small peoples in Siberia and the Far East].” *Sibir' i Dal'nii Vostok v period vosstanovleniia narodnogo khozyaistva*, no. 1 (1963): 91–106 (in Russian).
- Zibarev, V.S. *Sovetskoe stroitel'stvo i malye narody Severa* [Soviet construction among the small peoples of the North]. Tomsk: TGU Publ., 1968 (in Russian).

Aseev, A.A. "The place of the indigenous peoples of the Far East of the RSFSR in the policy of the state (1922–1941)." *Power and management in the East of Russia*, no. 1 (2007): 80–86 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Татьяна Анатольевна Катцина, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и методики социальной работы, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, Красноярск, пр-т Свободный, 79; TKatsina@sfu-kras.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6566-9678>

Tatyana Anatolyevna Katsina, Dr. Habil. History, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Methods of Social Work, Siberian Federal University; 79, Prospekt Svobodny, Krasnoyarsk, 660041, Russia; TKatsina@sfu-kras.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6566-9678>

Людмила Эдгаровна Мезит, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева; 660049, Россия, Красноярск, ул. Лебедевой, 89; mezit@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3341-4237>

Lyudmila Edgarovna Mezit, PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of National History, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva; 89, Lebedeva St, Krasnoyarsk, 660049, Russia; mezit@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3341-4237>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-52-61>
EDN: MCWDDY

Научная статья / Research article

Еврейская община Иркутска в 1917 – конце 1930-х гг.

Елена Александровна Берман ^a , Елена Сергеевна Генина ^b

^a Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

^b Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

 lena.berman.amanut@gmail.com

Аннотация: Рассматривается история раннего советского периода (1917 – конец 1930-х гг.) еврейской общины Иркутска, которая к началу XX в. была крупнейшей еврейской общиной Сибири. Изучены судьба главной хоральной синагоги, трех молельных домов и раввинов. Источниковую базу исследования составили документы Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Иркутской области. В исследовании также содержится анализ законодательных актов советской власти, материалов периодических изданий, издававшихся в Иркутске. Авторы пришли к выводу, что политика советского государства в области религии привела к коренным изменениям в положении еврейской общины Иркутска. Ее существование в ранний советский период было сопряжено с многочисленными трудностями. Именно в это время еврейская община Иркутска лишилась всего ранее принадлежавшего ей движимого и недвижимого имущества. В это же время все еврейские организации в городе были ликвидированы, а в 1939 г. община окончательно прекратила свое существование.

Ключевые слова: государство, политика, религия, евреи, синагога, Сибирь, Иркутск

Для цитирования: Берман Е.А., Генина Е.С. Еврейская община Иркутска в 1917 – конце 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 52–61. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-52-61>

Jewish Community of Irkutsk in 1917 – the Late 1930s

Elena A. Berman ^a , Elena S. Genina ^b

^a Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

^b Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

 lena.berman.amanut@gmail.com

Abstract: The authors examine the history of the early Soviet period (1917 – late 1930s) of the Jewish community of Irkutsk, which by the beginning of the 20th century was the largest Jewish community in Siberia. The fate of the main choral synagogue, three houses of worship and rabbis. The source base for the study consisted of documents from the State Archives of the Russian Federation and the State Archives of the Irkutsk Region. The study also contains an analysis of legislative acts of the Soviet government, materials from periodicals published in Irkutsk. The authors came to the conclusion that the policy of the Soviet state in the field of religion led to fundamental changes in the situation of the Jewish community of Irkutsk. Its existence in the early Soviet period was fraught with numerous difficulties. It was at this time that the Jewish community of Irkutsk lost all movable and immovable property that previously belonged to it. At the same time, all Jewish organizations in the city were liquidated, and in 1939 the community finally ceased to exist.

Keywords: state, politics, religion, Jews, synagogue, Siberia, Irkutsk

For citation: Berman, E.A., and Genina, E.S. “Jewish Community of Irkutsk in 1917 – the Late 1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (February 2024): 52–61 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-52-61>

Введение

Актуальность. Еврейская община сформировалась в Иркутске к середине XIX в. из бывших кантонистов, николаевских солдат, уголовных и политических ссыльных. К началу XX в. община стала одной из крупнейших за чертой постоянной еврейской оседлости и самой крупной в Сибири. В 1901 г. в Иркутске проживало 3 600 евреев, что составляло 7 % от общего числа населения города. Всего в Иркутской губернии в указанное время проживало 7 тыс. 970 евреев (1,4 % от общего числа жителей губернии). К тому времени община была уже не только многочисленной, но и богатой: в 1912 г. евреям принадлежало в Иркутске 1/6 крупнейших и наиболее ценных каменных домов стоимостью в 100 тыс. руб. и более (8 из 48)¹. В 1913 г. в городе было зарегистрировано 17 евреев – купцов I-й гильдии и 67 евреев – купцов II-й гильдии. Кроме них, в Иркутске проживали евреи, имевшие гильдейские свидетельства, полученные в других городах Иркутской губернии, а также мещане со средним уровнем достатка². Антисемитизм в иркутском обществе считался моветоном, а внутренней жизнью общины губернские и городские власти интересовались мало. Их интерес к общине был связан в первую очередь со статистической отчетностью, а во вторую – с подписными листами для разного рода благотворительности.

До революции еврейская община Иркутска имела в собственности двухэтажную каменную хоральную синагогу (главную синагогу) и три небольших молельных дома. Главная синагога была построена в 1881–1882 гг., имела площадь более 800 кв. м. по каждому этажу³ и располагалась по адресу: улица Саломатовская, дом 19 (после переименования улиц в ноябре 1920 г. – улица Карла Либкнехта, дом 22). Молельные дома располагались недалеко от главной синагоги. Две молельни находились на улице Большой Блиновской (после переименования в 1920 г. – улица Партизанская) – молельный дом Хевро Аин-Иаков по адресу: улица Большая Блиновская, дом 4, Ремесленный молельный дом по адресу: улица Большая Блиновская, дом 25. Третий молитвенный дом находился при богадельне для немощных пожилых евреев по адресу: улица 1-я Солдатская (после 1920 г. – улица 1-я Красноармейская), дом 20. С 1891 г. в городе был официальный (казенный) раввин. Одновременно главная синагога и каждая молельня имели своего духовного раввина⁴.

С 1880-х гг. еврейская община Иркутска имела начальное бесплатное училище для раздельного обучения мальчиков и девочек. В 1897 г. училище было официально зарегистрировано. В 1901 г. оно переехало в собственное двухэтажное каменное здание по адресу: улица Ямская, дом 32 (название улицы в настоящее время сохранилось). Кроме того, община имела женские ремесленные классы, школьную дачу, около десяти различных религиозных благотворительных обществ (их количество варьировалось в разные годы) и ряд просветительских еврейских организаций, в том числе – отделения Общества для распространения просвещения между евреями в России, литературно-художественного общества имени И.-Л. Переца, Общества охраны здоровья еврейского населения, Иркутское еврейское общество помощи жертвам войны⁵.

¹ *Войтинский В.С., Горништейн А.Я.* Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 100.

² Там же. С. 103.

³ Синагога имела площадь 250 квадратных саженей = 836 кв. м.

⁴ *Берман Е.А., Генина Е.С., Орехова Н.А.* Еврейская община Иркутска в конце XIX – начале XX в.: проявление российского феномена «двойного раввината» // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 128–136. <https://doi.org/10.17223/19988613/76/15>

⁵ Иркутский еврейский юбилейный календарь на 5679 год (1918). Иркутск, 1918.

События Первой мировой войны 1914–1918 гг. отразились на общине притоком переселенцев и беженцев⁶, а две революции 1917 г. кардинально изменили ее жизнь. За период 1918–1939 гг. община лишилась всего движимого и недвижимого имущества, все упомянутые выше и входившие в нее еврейские организации были ликвидированы, а в 1939 г. она была окончательно закрыта.

Степень изученности проблемы. Говоря о комплексном изучении жизни еврейской общины Иркутска, в первую очередь необходимо упомянуть фундаментальный труд В.В. Войтинского и А.Я. Горнштейна «Евреи в Иркутске»⁷. Материал для книги в течение нескольких лет собирался инициативной группой иркутской еврейской общины во главе с казенным раввином Иркутска С.Х. Бейлиным. Источниками для будущей книги послужили статистические материалы городской управы, синагогальный архив, устные воспоминания старожилов, публикации в городской прессе. Книга была издана в 1915 г. в Иркутске и по объему содержащегося в ней материала по истории отдельно взятой общины не имела себе аналогов.

После Октябрьской революции 1917 г. и на протяжении всего XX в. исследования по истории еврейской общины Иркутска не проводились. В начале XXI в. произошел подъем интереса исследователей к проблемам истории еврейских общин в Сибири. Толчком для него стал ряд научно-практических конференций, которые проводились при поддержке регионального методического центра представительства «Джойнт» в Сибири и на Дальнем Востоке (Красноярск), которым руководил профессор Я.М. Кофман⁸. Благодаря конференциям и связанным с ними публикациям в Западной и Восточной Сибири стали формироваться научные центры по изучению исторической иудаики⁹. Вышли в свет монографии В.Ю. Рабиновича, Л.В. Кальминой¹⁰. Позднее была опубликована статья А.В. Гимельштейна¹¹. При этом истории еврейской общины Иркутска в советский период посвящены лишь отдельные исследования¹². Сложившаяся ситуация подчеркнула необходимость продолжения изучения темы, создания работы обобщающего характера, отражающей в обширных

⁶ Еврейское общество и беженство // Сибирь: ежедневная прогрессивная непартийная газета. 1916, 24 февраля. № 46. С. 2.

⁷ *Войтинский В.С., Горнштейн А.Я.* Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915.

⁸ *Кураc Л.В.* Профессор Я.М. Кофман и современная сибирская иудаика, или Прерванная песня // Известия Иркутского государственного университета. История. 2013. № 2 (5). С. 53–68.

⁹ *Макарчук С.В., Генина Е.С., Гончаров Ю.М.* Проблемы истории еврейских общин Сибири XX – начала XXI вв. в оценках современных отечественных исследователей // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 108–115.

¹⁰ *Рабинович В.Ю.* Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск, 2002; *Кальмина Л.В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ, 2003.

¹¹ *Гимельштейн А.В.* Общественная деятельность еврейских общин губернских и областных центров Восточной Сибири как средство национальной самоидентификации во вт. пол. XIX–XXI вв. // Известия Иркутского государственного университета. История. 2012. № 1. С. 127–134.

¹² *Берман Е.А., Павлова Е.Г.* Амурский еврейский некрополь как этнокультурная составляющая жизни еврейской общины г. Иркутска первой половины XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 4. С. 114–128; *Берман Е.А.* Погребальное братство как социокультурный институт иудаизма (на примере иркутской еврейской общины второй половины XIX – первой половины XX вв.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 2. С. 64–74; *Кураc Л.В., Цыремпилова И.С.* 1) К вопросу о закрытии Иркутской синагоги в 1932 г. // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: сб. материалов II региональной научно-практической конференции. Иркутск, 25–27 августа 2001 г. Красноярск: Кларетианум, 2001. С. 116–119; 2) Новые документы о закрытии Иркутской синагоги // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: сб. материалов III региональной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 26–27 августа 2002 г. Красноярск: Кларетианум, 2002. С. 140–143; *Генина Е.С.* Еврейская община Иркутска в середине 1940-х – начале 1950-х гг. // Научные труды по иудаике: материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2012. Т. 3. С. 376–390.

хронологических рамках одну из страниц истории еврейской общины Иркутска в советский период.

Целью исследования является определение особенностей жизни еврейской общины Иркутска в условиях существования советской власти в период 1917 – конца 1930-х гг.

Источниковая база. Авторы обращались к анализу необходимых при изучении темы законодательных актов советской власти. Проведен анализ документов фонда «Постоянная центральная комиссия по вопросам культов при Президиуме Центрального Исполнительного Комитета СССР» (Ф. Р-5263) Государственного архива Российской Федерации, фондов «Иркутский губернский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его Исполнительный комитет» (Ф. Р-145), «Иркутский городской Совет народных депутатов» (Ф. Р-504) Государственного архива Иркутской области. Отдельную группу источников составили материалы периодической печати, издававшейся в Иркутске.

Жизнь еврейской общины Иркутска в первые послереволюционные годы (1917–1921 гг.)

Среди политических ссыльных, сыгравших ключевую роль в революционных событиях весны 1917 г., были такие известные представители еврейской общины Иркутска, как адвокат, член партии РСДРП Владимир Савельевич Войтинский – один из авторов книги «Евреи в Иркутске», этнограф и юрист, эсер Моисей Ааронович Кроль – председатель иркутского отдела всероссийского Общества изучения Сибири и улучшения ее быта¹³, публицист, член еврейской социал-демократической рабочей партии Бунд Абрам Давидович Киржниц и другие. Именно этими политическими силами в июне 1917 г. началась реорганизация внутри общины¹⁴. 26 июня 1917 г. состоялось заседание комиссии под председательством М.А. Кроля, в результате которого принято решение о создании новой общины, представленной еврейскими «социал-демократическими рабочими партиями Поалей Цион и Бунд, сионистской народнической фракцией Ц.Ц. [Цеирей Цион], социалистической территориалистической партией С.С. и сионистской организацией»¹⁵.

Осенью 1917 г. община начала получать «первые плоды» новой власти. В городе начались полулегальные обыски и грабежи магазинов, продовольственных складов, частных домов и различных учреждений. 18 ноября 1917 г. «группа граждан вторглась в иркутскую еврейскую синагогу, где произвела обыск с целью удостовериться, не хранятся ли в молитвенном доме запасы продовольствия»¹⁶. Инцидент носил явно антисемитский характер, и такого обращения члены общины не могли себе представить при старой власти. В августе 1918 г., после падения власти большевиков и прихода Временного Сибирского правительства, община поддержала это новое правительство открыто¹⁷.

В сентябре 1918 г. произошла реорганизация еврейской общины. Должность казенного раввина и хозяйственное правление общины были упразднены, возник Совет еврейской общины. После реорганизации при общинной управе в сентябре 1918 г. состояли: «1) культурно-просветительский отдел, 2) социально-экономический

¹³ Кроль М.А. Страницы моей жизни. М. – Иерусалим, 2008.

¹⁴ Ковнер Я. Общее собрание иркутской организации «Бунд» // Голос социал-демократа: орган Иркутской организации Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии. 1917, 23 июля. № 25. С. 4.

¹⁵ В еврейской общине: хроника (о реорганизации еврейской общины) // Сибирь: ежедневная прогрессивная непартийная газета. 1917, 28 июня. № 138. С. 2.

¹⁶ Старынкевич С. К обыску в синагоге: от прокурора иркутской судебной палаты // Иркутская жизнь: ежедневная политическая, литературная и экономическая газета. 1917, 23 ноября. № 266. С. 3.

¹⁷ В еврейской общине // Сибирь. 1918, 7 августа. № 21. С. 2.

отдел, ведает делом внешкольного образования, самопомощи трудящихся, переселения и эмиграции и содействие Палестинской эмиграции, 3) отдел по религиозным делам ведает всякими вопросами культа, при этом отделе состоит погребальное братство, 4) финансово-хозяйственный отдел, 5) отдел здравоохранения, 6) общественного призрения, 7) отдел статистики и метрикации¹⁸. В октябре 1918 г. «общинная управа предложила выработать свои ставки»¹⁹. Жалование было увеличено раввину, регенту хора, смотрителю синагоги и резчикам скота.

23 января 1918 г. Советом народных комиссаров РСФСР был издан Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Документ гласил: «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ»²⁰. Несмотря на это, до 1920 г. община прожила относительно спокойно. В феврале 1920 г. в Иркутск вошла Красная Армия, советская власть в городе была восстановлена. 27 февраля 1920 г. постановлением Сибирского революционного комитета (Сибревкома) все еврейские общинные советы в Иркутске и в Иркутской губернии были закрыты. Им предлагалось «незамедлительно передать все дела и имущество»²¹ организованной при Отделе Народного образования Особой комиссии по еврейским делам. Община была реформирована в Еврейское общество верующих евреев, а историческое двухэтажное каменное здание синагоги изъято государством и передано Еврейскому обществу в бесплатное пользование.

26 октября (8 ноября) 1917 г. в соответствии с «Декретом об учреждении Совета Народных Комиссаров», принятым II Всероссийским съездом Советов, для осуществления национальной политики Советской Республики был образован Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац)²². Иркутский губернский отдел по делам национальностей начал организовывать свою работу только в конце 1920 г., что явствует из первого его отчета за январь 1921 г.:

Как сам отдел, так и его подотделы находятся в стадии организационной. <...> Губнацотделом заведывает Шойжелов, <...> подотделом еврейским А. И. Равдель²³.

29 января 1920 г. Совет народных комиссаров СССР принял декрет «О порядке всеобщей трудовой повинности»²⁴, предусматривавший привлечение населения к единовременному или периодическому выполнению различных трудовых повинностей (независимо от наличия постоянной работы). За уклонение наступала юридическая ответственность. Исполнение декрета возлагалось на созданный при Совете обороны Главный комитет по всеобщей трудовой повинности (Главкомтруд) во главе с Ф.Э. Дзержинским²⁵.

¹⁸ Заседание совета еврейской общины 4 сентября // Дело: общественно-политическая и литературная газета / О-во потребителей служащих и рабочих Забайкал. ж. д.; О-во «Труженик-Кооператор». 1918, 8 сентября. № 28. С. 3.

¹⁹ В национальных организациях. Увеличение жалования еврейским служащим // Дело. 1918, 29 октября. № 64. С. 4.

²⁰ Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». 23 января (5 февраля) 1918 г. // Собрание узаконений и постановлений... 1917–1918 гг. № 18. М., 1942. Отд. I. Ст. 263. С. 286–287.

²¹ Постановление Иркутского губернского отдела Народного образования № 19 от 21 мая // Власть труда. 1920, 22 мая. № 158 (34). С. 4.

²² Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1917. № 1. Ст. 1.

²³ Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 192. Л. 7.

²⁴ Декрет Совета Народных Комиссаров «О порядке всеобщей трудовой повинности». 29 января 1920 г. // Собрание узаконений 1920 г. № 8. Ст. 49.

²⁵ *Борисова Л. В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М., 2001.

В феврале 1921 г. председатель правления верующих евреев в Иркутске подал в отдел юстиции Иркутского губернского исполнительного комитета заявление с просьбой разъяснить, подлежат ли освобождению от трудовой повинности служители культа при синагоге, совершающие религиозные обряды обрезания, венчания, развода, похорон и другие. На что 7 марта 1921 г. ему был отправлен ответ:

Религия является частным делом отдельных граждан и государство не может освобождать служителей культа от выполнения общегражданских обязанностей <...> вопрос об освобождении служителей еврейской синагоги, как и всех вообще служителей культов, от обязательной трудовой повинности законодательством Р.С.Ф.С.Республики разрешается отрицательно²⁶.

Судьба главной синагоги, молитвенных домов и раввинов Иркутска

Несмотря на трудности, жизнь в еврейской общине Иркутска в 1920-е – конце 1930-х гг. продолжалась. В течение 1920-х гг. организовывались различные благотворительные вечера и концерты, деньги от которых использовались на ремонт синагоги и молельных домов, в помощь еврейским детям, бедным и больным пожилым людям. Так, в 1923 г. в Центральном рабочем дворце Иркутска прошел «Большой концерт еврейской музыки» под управлением бывшего регента хора синагоги²⁷ М.И. Лифшица. Концерт был организован в пользу еврейской Советской школы 1-й ступени (бывшего бесплатного еврейского училища)²⁸. В 1927 г. в кинотеатре «Художественный» прошел «Еврейский концерт исполнителя еврейских песен, артиста еврейского московского театра „Евмузкомедия“» Льва Прохожинского²⁹.

Если казенный раввин вел метрические книги синагоги до середины 1921 г., то духовные раввины исполняли свои обязанности все 1920-е и 1930-е гг. Духовным раввином общины в 1919–1930 гг. являлся Натан Израилевич (Нота Срулевич) Олевский³⁰, в 1930–1932 гг. – Илья Григорьевич Шапкайтц, в 1937–1939 гг. – Лейзер Лейбович Хаэт. В списках учета служителей культа они открыто не значились раввинами, а указаны как резчики скота или моэли, выполнявшие функции обрезания младенцев мужского пола. В 1926 г. община приобрела в Москве специальную машину для выпечки мацы, прослужившую ей до начала 1990-х гг.

Уже в первой половине 1920-х гг. началась негласная борьба молодого советского государства с различными национальными обществами и союзами. 21 марта 1923 г. НКВД РСФСР разослал всем ГУБОТУПРАВАМ секретный циркуляр об отказе в регистрации уставов Обществу охраны здоровья еврейского населения, Всероссийской организации еврейской трудовой молодежи «Реховер», Всероссийской трудовой организации «Гехолуц» и последующей их немедленной ликвидации³¹. В мае 1923 г. Иркутским губернским отделом управления общине было выдано удостоверение об ее регистрации как религиозной группы, а в августе 1923 г. – тем же отделом ее Устав.

Еще в 1908 г. шамеш синагоги³² Ицхок Бродоцкий начал издавать ежегодный «Иркутский еврейский календарь». Кроме религиозных дат и праздников на предстоящий год, он фиксировал основные события в общине за прошедший год. После революции И. Бродоцкий продолжал исполнять свои обязанности, именуемый новой властью завхозом синагоги. Все 1920-е гг. ему удавалось ежегодно издавать календари, часть из

²⁶ ГАИО. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.

²⁷ До Октябрьской революции 1917 г. Иркутская синагога была хоральной.

²⁸ Афиша концерта (Иркутский краеведческий музей).

²⁹ Афиша концерта (Иркутский краеведческий музей).

³⁰ *Котлерман Б.* Вечная жизнь р. Натана-Неты Олевского (Вильна, Усть-Уда, Черемхово, Иркутск, Москва) // *Judaic-Slavic Journal.* 2021. № 1 (5). С. 173–192. <https://doi.org/10.31168/2658-3364.2021.1.08>

³¹ ГАИО. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 60. Л. 407.

³² Ответственный за административную и хозяйственную деятельность синагоги.

которых была посвящена памятным дореволюционным датам. Так, «Иркутский еврейский юбилейный календарь» за 5687 (1926–1927 гг.) посвящен важнейшей для общины дате – «50-летию со дня получения разрешения строить синагогу в Иркутске»³³.

В 1929 г. постановлениями Иркутского окружного административного отдела оба молельных дома, располагавшихся на улице Большой Блиновской, были ликвидированы. Имущество Ремесленного молитвенного дома и молельни Хевро Айн Яков было перевезено на верхний этаж главной синагоги, где располагались женская галерея и библиотека, а бывшие прихожане получили право осуществлять собственные богослужения.

В 1931 г., в год 50-летия со дня постройки главной синагоги, она стала вызывать повышенный интерес со стороны местных властей. История с выселением из нее общины продлилась до 1934 г. С 1929 г. различные общественные организации и государственные учреждения стали обращаться в Иркутский городской комитет ВКП(б) и городской совет с вопросом о закрытии главной синагоги и передаче ее здания под их нужды. С 1931 г. горсовет начал планомерную подготовку к изъятию здания. В феврале 1931 г. был произведен его технический осмотр и составлен акт, по которому общине было настоятельно предложено произвести ремонт внутренних помещений по ряду пунктов, неисполнение которых предполагало расторжение договора³⁴. 24 мая 1931 г. на общем собрании верующих евреев Иркутска в присутствии инспектора горсовета община приняла следующее решение:

Обсудив всесторонне предложение Горсовета, хотя и трудно нам расстаться с этой святыней, которая так дорога нашему сердцу, которую нам оставили наши предки, все же решили и постановили пойти навстречу Горсовету и передать Синагогу при условии: предложенное помещение Еврейской Общине, просить Горсовет разрешить осмотреть его, какое потребует переоборудование и для этого отпустить необходимые материалы за наш счет³⁵.

Однако переезд всеми силами общины затягивался. 4 мая 1932 г. вышло постановление Восточно-Сибирского краевого исполкома (ВСКИК) о закрытии синагоги. 1 июля 1932 г. в президиуме Всероссийского центрального исполнительного комитета советов (ВЦИК) слушали «постановление президиума В.С. Крайисполкома от 4 мая 1932 г. (переданное по телеграфу о ликвидации еврейской синагоги в Иркутске. (Вн. Комиссией) д. № 35-ВС»³⁶. ВЦИК было принято постановление «о ликвидации Еврейской Синагоги с представлением общине помещения для отправления культовых обрядов»³⁷. 8 августа 1932 г. президиум Иркутского городского совета постановил:

Учитывая острую необходимость в помещениях для У.Ж.Д. – синагогу передать для УЖД. Имеющееся помещение по ул. Ленина дом № <...> находящееся в ведении Рыбкома «Ангара» освободить <...>. Срок исполнения 10 августа. Освободившееся помещение передать общине. Срок исполнения 15 августа³⁸.

Иркутские евреи вновь попытались отстоять синагогу. Переписка правления общины с ВЦИК, ЦИК СССР и прокуратурой о пересмотре дела о закрытии синагоги затянулась еще на 2 года³⁹. 21 ноября 1933 г. в присутствии представителя краймилиции и инспектора по делам культов горисполкома была

³³ Иркутский еврейский юбилейный календарь 5687.

³⁴ *Гаращенко А. Н.* Краткая история каменного здания синагоги в Иркутске (ул. К. Либкнехта № 23, ранее ул. Саломатовская, № 19) // *Сибирский еврейский сборник*. Иркутск, 1992. С. 47–50.

³⁵ ГАИО. Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 57. Л. 44, 44 об.

³⁶ Там же. Л. 31.

³⁷ Там же. Л. 47.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 48 об.

произведена вывозка части имущества из еврейской синагоги по ул. Кар<ла> Либкнехта № 19 на ул. Ленина в представленное им помещение, в освободившуюся комнату синагоги ввезено имущество клуба ВСКУМ и часть в большой зал синагоги⁴⁰.

В марте 1934 г. Иркутское еврейское общество окончательное было выселено из своего исторического здания главной синагоги. Евреи нашли свой приют в помещении третьего молитвенного дома по адресу: улица Красноармейская, дом 20. Общине удалось вывезти с собой часть самого ценного уцелевшего инвентаря: свитки Торы, церемониальные предметы, книги.

Отметим, что в указанном году в Иркутске действовали 16 религиозных общин, включая 10 православных церквей, общины баптистов, евангелистов, старообрядцев, мусульман, иудеев, католиков⁴¹.

Обращает на себя внимание факт сохранения активности еврейской общиной Иркутска в сложной для нее ситуации. В «Докладной записке» представителя Центрального Совета Союза воинствующих безбожников М.П. Кузнецова секретарю Восточно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) С.П. Коршунову (от 8 января 1937 г.) содержатся следующие сведения:

В целях привлечения трудящихся в синагогу и в селе Ст. Зима у еврействующих субботников и у верующих евреев в городе Иркутске в день пасхи для бедняков выпекалась маца бесплатно, чего не наблюдалось ранее, даже иногда для бедняка без торгов и аукциона предоставлялось почетное «священное» место у самой торы. Все это говорит о том, что церковники и сектанты используют самые разнообразнейшие методы и способы вовлечения отсталых групп трудящихся в религиозные организации⁴².

По указанному адресу община смогла просуществовать еще пять лет. 9 апреля 1938 г. комиссией в составе депутатов Горсовета и инспектора культов Горсовета был составлен акт обследования действовавших церквей и общин верующих. Говорилось о православных Преображенской, Никольской и Иннокентьевской церквях и Владимирском Соборе, польском католическом соборе, магометанской мечети, еврейской синагоге. По результатам обследований, шесть из семи церквей и общин (кроме магометанской) предполагалось закрыть со следующей формулировкой:

Договор в отношении содержания помещения в чистоте не выполняется. Считаем, что договор общиной нарушен <...> требуется немедленное расторжение договора⁴³.

Договор с еврейской общиной был расторгнут 4 августа 1939 г. Представитель Горсовета, отдела культов, т. Зелле и заместитель начальника архивного отдела УНКВД по Иркутской области т. Яснев «провели сдачу и приемку архивных материалов Еврейской синагоги: 1. Делопроизводства на русском и еврейском языках – 7 связок; 2. Печатного материала – россыпи – 1 ½ тонны; 3. Что и записали в настоящий акт»⁴⁴.

С 1922 г. и до конца 1930-х гг. под различными предлогами, такими как помощь голодающим Поволжья, «за ненадобностью», «для антирелигиозных музеев», из церквей и синагог изымались предметы культа, выполненные из драгоценных металлов и драгоценных камней. Подобные конфискации не обошли стороной и синагогу Иркутска. За 17 лет еврейская община лишилась всех серебряных культовых предметов⁴⁵.

⁴⁰ ГАИО. Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 57. Л. 49.

⁴¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 12. Л. 128 об.

⁴² ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 11. Л. 60, 63, 68.

⁴³ ГАИО. Ф. Р-504. Оп. 5. Д. 191. Л. 19.

⁴⁴ Там же. Д. 361. Л. 54.

⁴⁵ Берман Е.А. «Две короны, три скрижала, три медальона с цепочками...». Утраченные предметы культа иркутской синагоги из серебра // Сукачевские чтения – 2022. Художник – музей – зритель:

Выводы

В дореволюционный период еврейская община Иркутска, сформировавшаяся к середине XIX в., являла собой образец благополучного существования в общественной среде. К началу XX в. она стала самой крупной еврейской общиной в Сибири, включала в свой состав состоятельных горожан. Община владела хоральной синагогой (главная синагога) и тремя молитвенными домами. С общиной были связаны различные еврейские организации. Глобальные изменения, произошедшие в стране в 1917 г., обусловили начало нового этапа в жизни общины. В 1918–1939 гг. еврейская община Иркутска потеряла собственное имущество, оказались ликвидированными связанные с ней еврейские организации. В 1939 г. община была окончательно закрыта. Условия существования еврейской общины Иркутска в 1918 – конце 1930-х гг. определялись особенностями государственно-религиозного курса, принятыми соответствующими законодательными актами. На протяжении 1920-х – конца 1930-х гг. община продолжала свою деятельность. С конца 1920-х гг. местные органы власти начали открытое наступление на еврейскую общину. Оно было связано с постепенной утратой зданий, предназначенных для отправления религиозных обрядов. В сложившихся условиях представляется закономерной постепенная утрата церемониальных предметов еврейской общиной Иркутска. Переставшая существовать в конце 1930-х гг. еврейская община Иркутска вновь обрела возможность официального существования в новых исторических условиях. Изменение государственно-религиозного курса произошло в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 1945 г. еврейская община Иркутска получила официальную регистрацию.

Поступила в редакцию / Submitted: 25.06.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 30.10.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 09.12.2023

References

- Berman, E.A. “‘Dve korony, tri skrizhala, tri medal'ona s tsepochkami...’ Utrachennyye predmety kul'ta irkutskoi sinagogi iz serebra [‘Two crowns, three tablets, three medallions with chains ...’ Lost objects of worship of the Irkutsk synagogue made of silver].” In *Sukachevskiy chteniye – 2022. Khudozhnik – muzei – zritel'*. Proceedings of the International scientific and practical conference], 119–125. Irkutsk: Irkutsk V.P. Sukachev Regional Art Museum publ., 2022 (in Russian).
- Berman, E.A. “Funeral brotherhood as a socio-cultural institution of Judaism (the case of the Irkutsk Jewish community in the second half of the 19th – first half of the 20th century).” *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies* 18, no. 2 (2022): 64–74 (in Russian).
- Berman, E.A., and Pavlova, E.G. “Amur Jewish necropolis as an ethno-cultural component of the life of the Irkutsk Jewish community in the first half of the 20th century.” *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies* 16, no. 4 (2020): 114–128 (in Russian).
- Berman, E.A., Genina, E.S., and Orekhova, N.A. “The Jewish community of Irkutsk in the late 19th – early 20th centuries: a case of the Russian phenomenon of the ‘dual rabbinate’.” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 76 (2022): 128–136 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/19988613/76/15>
- Borisova, L.V. *Voennyi kommunizm: nasilie kak element khoziaistvennogo mekhanizma* [War communism: violence as an element of the economic mechanism]. Moscow: MONF Publ., 2001 (in Russian).
- Garashchenko, A.N. “Kratkaia istoriia kamennogo zdaniia sinagogi v Irkutске (ul. K. Libknekhta № 23, raneye ul. Salomatovskaia, № 19) [Brief history of the stone building of the synagogue in Irkutsk (K. Liebknecht street No. 23, formerly Salomatovskaya street, № 19)].” In *Sibirskii evreiskii sbornik*, 47–50. Irkutsk: [N.s.], 1992 (in Russian).

материалы международной научно-практической конференции. Иркутск: Иркутский областной художественный музей имени В.П. Сукачева, 2022. С. 119–125.

- Genina, E.S. “Evreiskaia obshchina Irkutsk v seredine 1940-kh – nachale 1950-kh gg. [The Jewish community of Irkutsk in the mid-1940s – early 1950s].” In *Nauchnye trudy po iudaike* [Scientific papers on Jewish studies. Proceedings of the XIX International Annual Conference], 376–390, vol. 3. Moscow: Sefer Center for Researchers and Teachers of Jewish Studies, 2012 (in Russian).
- Gimelshtein, A.V. “Obshchestvennaia deiatel'nost' evreiskikh obshchin gubernskikh i oblastnykh tsentrov Vostochnoi Sibiri kak sredstvo natsional'noi samoidentifikatsii vo vtoroi polovine XIX–XXI vv. [Social activities of Jewish communities of provincial and regional centres of Eastern Siberia as a means of national self-identification in the second half of the XIX–XXI centuries].” In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 1 (2012): 127–134 (in Russian).
- Kalina, L.V. *Evreiskie obshchiny Vostochnoi Sibiri (seredina XIX v. – fevral' 1917 g.)*. [Jewish communities of Eastern Siberia (mid-19th century – February of 1917)]. Ulan-Ude: Publishing and printing complex VSGAKI Publ., 2003 (in Russian).
- Kotlerman, B. “Eternal life of R. Natan-Neta Olevsky (Vilna, Ust-Uda, Cheremkhovo, Irkutsk, Moscow).” *Judaic-Slavic Journal* 5, no. 1 (2021): 173–192 (in Russian). <https://doi.org/10.31168/2658-3364.2021.1.08>
- Kovner, Ya. “Obshchee sobranie irkutskoi organizatsii ‘Bund’ [General meeting of the Irkutsk organization ‘Bund’].” In *Golos sotsial-demokrata* [Voice of the Social Democrat], July 23, 1917 (in Russian).
- Krol, M.A. *Stranitsy moei zhizni* [Pages of my life]. Moscow: Mostly Kultury Publ.; Jerusalem: Gesharim Publ., 2008 (in Russian).
- Kuras, L.V. “Professor Ya.M. Kofman and modern Siberian Jewish Studies, or the Interrupted Song.” *Bulletin of Irkutsk State University. History* 5, no. 2 (2013): 53–68 (in Russian).
- Kuras, L.V., and Tsyrempilova, I.S. “K voprosu o zakrytii Irkutskoi sinagogi v 1932 g. [On the issue of the closure of the Irkutsk synagogue in 1932].” In *Istoriya evreyskikh obshchin Sibiri i Dal'nego Vostoka. Materialy II Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Irkutsk, avgust 25–27, 2001*, 116–119. Krasnoyarsk: Claretianum Publ., 2001 (in Russian).
- Kuras, L.V., and Tsyrempilova, I.S. “Novyye dokumenty o zakrytii Irkutskoi sinagogi [New documents on the closure of the Irkutsk synagogue].” In *Istoriia evreyskikh obshchin Sibiri i Dal'nego Vostoka. Materialy III Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ulan-Ude, avgust 26–27, 2002*, 140–143. Krasnoyarsk: Claretianum Publ., 2002 (in Russian).
- Makarchuk, S.V., Genina, E.S., and Goncharov, Yu.M. “Issues of the history of Jewish communities in Siberia of the 20th – early 21st century as viewed by contemporary Russian researchers.” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 64 (2020): 108–115 (in Russian).
- Rabinovich, V.Yu. *Evrei dorevolutsionnogo Irkutsk: meniaiushcheesia men'shinstvo v meniaiushchemsia obshchestve* [Jews of pre-revolutionary Irkutsk: a changing minority in a changing society]. Krasnoyarsk: Claretianum Publ., 2002 (in Russian).
- Voitinsky, V.S., and Gorshtein, A.Ya. *Evrei v Irkutsk* [Jews in Irkutsk]. Irkutsk: Typo-Lithography of P.I. Makushin and V.M. Posokhin Publ., 1915 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Елена Александровна Берман, кандидат технических наук, профессор кафедры ювелирного дизайна и технологий Института недропользования, Иркутский национальный исследовательский технический университет; 664074, Россия, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, lena.berman.amanut@gmail.com; SPIN-код: 9353-9326; <https://orcid.org/0000-0002-3374-161X>

Elena Alexandrovna Berman, PhD in Engineering, Professor of the Department of Jewellery Design and Technology, Institute of Subsoil Use at Irkutsk National Research Technical University; 83, Lermontova St, Irkutsk, 664074, Russia; lena.berman.amanut@gmail.com; SPIN-code: 9353-9326; <https://orcid.org/0000-0002-3374-161X>

Елена Сергеевна Генина, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6; elena_genina@mail.ru; SPIN-код: 4860-1513; <https://orcid.org/0000-0003-0560-6581>

Elena Sergeevna Genina, Dr. Habil. History, Professor of the Department of Russian History of Institute of History and International Relations, Kemerovo State University; 6, Krasnaya St, Kemerovo, 650000, Russia; elena_genina@mail.ru; SPIN-code: 4860-1513; <https://orcid.org/0000-0003-0560-6581>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-62-73>
EDN: МЕНТДК

Научная статья / Research article

Касимовские татары в годы культурной революции в СССР: по материалам региональной печати 1920–1930-х гг.

Альфия Габдульнуровна Галлямова , Ильнара Ильдаровна Ханипова
Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия
 ihanipova@mail.ru

Аннотация: Анализируется культурная составляющая социальной жизни касимовских татар в межвоенный период, суть которой сводилась к реализации культурной революции, которая наряду с индустриализацией страны и коллективизацией сельского хозяйства в середине 1920-х гг. была объявлена важной частью трехзвенной программы социалистического строительства. Цель заключается в установлении особенности поведенческого паттерна касимовских татар указанного периода. Источниковая база основана на материалах периодической печати и эго-документах. Показаны условия и реалии «перековки сознания», борьба с пережитками прошлого, сводившаяся к попыткам искоренения религиозных культов и обычаев у касимовских татар. Раскрыт уровень развития, преемственность, специфика локальной трансформации в важнейшем сегменте культурной сферы – образовании и просвещении. Авторы пришли к выводу, что касимовские татары на крутом повороте истории в 1920-е гг. проявили энергию и волю, чтобы стать «равными среди равных» народов, как это декларировалось на официальном уровне. Пытаясь сохранить собственную идентичность, они проявили и свойственный им этатизм, приняв и активно участвуя в преобразованиях в рамках реализации задач культурной революции.

Ключевые слова: татарская культура, национальная идентичность, Касимов, Рязанская область, советская культурная политика, этнические меньшинства

Благодарности и финансирование: Авторы благодарят уроженцев и жителей г. Касимова, дд. Толстикovo, Ахматово, Царицыно Касимовского района за оказанную во время экспедиции поддержку и информацию об истории своих деревень.

Для цитирования: Галлямова А.Г., Ханипова И.И. Касимовские татары в годы культурной революции в СССР: по материалам региональной печати 1920–1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 62–73. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-62-73>

Kasimov Tatars during the Years of the Cultural Revolution in the USSR: On Materials of Regional Press of the 1920–1930s

Alfiya G. Gallyamova , Inlana I. Khanipova

Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia
 ihanipova@mail.ru

Abstract: The authors analyze the cultural component of the social life of the Kasimov Tatars in the interwar period, the essence of which was the implementation of the Cultural Revolution. Along with the industrialization of the country and the collectivization of agriculture in the mid-1920s, it was declared an important part of the three-tier program of socialist construction. The purpose is to establish the peculiarities of the behavioral pattern of the Kasimov Tatars in the period under review. The source base is the mate-

rials from periodicals and ego-documents. The study shows the conditions and realities of the “reforging of consciousness,” the struggle against the remnants of the past which boiled down to the attempts to eradicate the religious cults and customs of the Kasimov Tatars. There is revealed the level of development, continuity, and specificity of local transformation in the most important segment of the cultural sphere – education. The authors come to the conclusion that at the sharp turn of history in the 1920s the Kasimov Tatars showed energy and freedom in order to become “equal among equal” peoples, as declared at the official level. Trying to preserve their own identity, they also showed etatism peculiar to them accepting and actively participating in the transformations as part of the implementation of the Cultural Revolution tasks.

Keywords: Kasimov Tatars, Tatar culture, identity, memory preservation, Ali-bek Kadyr, Kasimov, Ryazan region, Soviet cultural policy, ethnic minorities

Acknowledgements and Funding: The authors thank the natives and residents of the Kasimov city, the villages of Tolstikovo, Akhmatovo, and Tsaritsyno of the Kasimovsky district for the support provided during our expedition and for information about the history of their villages.

For citation: Gallyamova, A.G., and Khanipova, I.I. “Kasimov Tatars during the Years of the Cultural Revolution in the USSR: On Materials of Regional Press of the 1920–1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (February 2024): 62–73. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-62-73>

Введение

Актуальность. В 70-летней истории советского периода тема этнокультурных процессов занимает одно из видных мест. Обращение к ретроспективе локальной группы второго по величине в Российской Федерации татарского этноса – к касимовским татарам, весьма своевременно в контексте практико-политического дискурса о них. В июне 2022 г. был открыт памятник легендарной татарской царице Сююмбике в г. Касимов, где она провела последние годы своей жизни. Это событие вызвало негативную реакцию со стороны определенных кругов общественности, предпочитающей говорить о прошлом региона, связывая его только с Мещерским краем. Подобное отношение явно прослеживается в статье С.О. Савина, которого не устраивает, что в развивающемся сегодня туристическом континууме уделяется достаточно серьезное внимание «мифотворике», как он выражается, столичного статуса города¹.

Такая интерпретация прошлого г. Касимов обусловлена проводившейся в СССР национальной политикой, актуальный для данной статьи ракурс которой заключался в том, что идеологема «национальной по форме и социалистической по содержанию» культуры официально развивалась, главным образом, в рамках национальных административно-политических образований.

Степень изученности проблемы. Исследование истории татар в советский период императивами сверху ограничивались рамками Татарской АССР. Татарская тематика вне ее территории разрабатывалась лишь лингвистами, этнографами, археологами, фольклористами, труд которых был направлен, как правило, на изучение дореволюционного периода, то есть традиционной культуры экстерриториальной группы татар².

В постсоветское время этнографическое изучение касимовских татар было продолжено Ф.Л. Шарифуллиной³, Д.М. Исхаковым⁴, в трудах которых была проделана

¹ Савин С.О. Столица как центр государственного строительства – историческая память о столичности Касимова // Сравнительная политика. 2015. Т. 6. № 4 (21). С. 108.

² Гордлевский В.А. Элементы культуры у касимовских татар. Из поездки в Касимовский уезд // Труды Общества исследователей Рязанского края. Вып. 10. Рязань, 1927; Кухтин Б.А. Татары касимовские и татары-мишари ЦПО. К вопросу выделения областных типов и составных элементов Волго-Окской этнической культуры (Этническое наименование и элементы жилища) // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. Этнологические исследования и материалы. М., 1929. С. 135–148.

³ Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Казань: Татарское кн. изд-во, 1991.

⁴ Исхаков Д.М. 1) Касимовские татары // Татарстан. 1994. № 1/2. С. 78–80; 2) Татары касимовские // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 326–327.

большая и многосторонняя работа по изучению материальной и традиционно-обрядовой культуры. Л.Т. Махмутова внесла значительный вклад в освещение лексикографии и фольклора касимовских татар⁵. Что касается современных исторических трудов, то в них рассматривается преимущественно период существования независимого государственного образования касимовских татар (1445–1681 гг.)⁶.

Характер и степень изученности данной экстерриториальной группы татарской нации получили отражение в исследовании В.В. Акимова⁷, раскрывающем изменения во взглядах на историю касимовских татар, что нашло отражение в заявленном автором послыле:

Касимовские татары, хотя по воле судьбы и живут вдали от Татарстана, не утрачивают чувства сопричастности своей нации, хранят и развивают ее культуру, стремятся ближе и полнее узнать друг друга, так как понимают, что единством и общностью устремлений жив и крепок любой народ⁸.

В работе автора рассматриваются история и культура Касимовского ханства, прошлое населявших его татар после потери им независимости. Книга дает представление также о современной жизни татарского населения Касимовского района Рязанской области, сохранившихся традициях и этнографических особенностях. Практически не исследованной при этом остается советская эпоха.

Красочное, богатое фотоматериалом издание «Тени Касимовского ханства» московских историков М.А. Сафарова и Р.В. Абянова визуально воссоздает уцелевшую на сегодняшний день историю касимовских татар⁹. Содержание книги основано на материалах «oral history»; освещение советского периода в нем носит lapидарный характер, раскрываются в основном связанные с судьбами отдельных людей фрагменты периода коллективизации и сопряженной с ней внутренней миграцией. В публикациях М.А. Сафарова, Э.М. Сеитова, Р.В. Абянова затрагиваются также вопросы мировоззренческих позиций касимовских татар, этнокультурных контактов и взаимовосприятия с русским народом¹⁰.

Таким образом, несмотря на существование определенного пласта работ, на сегодняшний день не создано комплексного исследования по истории касимовских татар в советский период.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей поведенческого паттерна касимовских татар после распада Российской империи и Гражданской войны, когда окончательно победившее большевистское руководство взялось за глобальное переустройство страны. Одними из главных стратегических направлений его явились учреждение различного ранга национальных образований, ломка старых устоев во всех сферах жизни. В духовном плане были намечены значительные меры, которые вбирало лаконичное понятие «культурная революция». Эта рецепция

⁵ Махмутова Л.Т. Некоторые наблюдения над лексикой касимовского говора татарского языка // *Материалы по татарской диалектологии*. Казань, 1962. Вып. 2. С. 223–235; Махмутова Л.Т. Старинная обрядовая песня у касимовских татар // *Известия Казанского филиала АН СССР*. Казань, 1957. Вып. 2. С. 217–221.

⁶ Аксанов А.В. Казанское и Касимовское ханство // *Татары*. М.: Наука, 2017. С. 147–161; Пахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009.

⁷ Акимов В.В. Касимовские татары: между прошлым и будущим. М., 2004.

⁸ Там же. С. 4.

⁹ Абянов Р.В., Сафаров М.А. Тени Касимовского ханства. М., 2021.

¹⁰ Сафаров М.А., Сеитов Э.М. «Если откроются мечети, то кто же их будет посещать?»: Религиозная жизнь касимовских татар в 1943 году по данным отчета Г.П. Снесарева // *Minbar. Islamic Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 330–348. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2020-13-2-330-348>; Абянов Р.В., Сафаров М.А. «Татарская вера». Образ ислама у русского населения Рязанской области // *Minbar. Islamic Studies*. 2021. Т. 14. № 2. С. 310–334. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2021-14-2-310-334>

была сформулирована в конце 1920-х гг., но, по сути, на протяжении всех 1920-х гг. социально-духовная атмосфера в стране была пропитана революционаризмом.

Источниковая база данной статьи представлена опубликованными документами и прежде всего публицистическими материалами региональной газеты Касимовского уезда «Красный Восход». Первоначально она являлась объединенной газетой Касимовского и Елатомского уездных исполнительных комитетов и комитетов РКП(б), позднее, с 1925 г., стала печатным органом Касимовского уездного комитета ВКП(б) и уездного исполнительного комитета. В связи с районированием с 1929 г. газета являлась представителем партийной, исполнительной и профсоюзной районных властей – Касимовского райкома ВКП(б), райисполкома и райпрофсовета. В 1930 г. была переименована в газету «Коллективист», а с октября того же года стала называться «Большевицкий путь». С 1934 г. при газете стали выпускать специальную страничку на татарском языке.

Сохранение исторической памяти и «перековка» сознания

В 1920-е гг. полная непростыми коллизиями в этот период борьба татарской общественности Касимовского уезда за самостоятельное существование своего национально-административного образования была тесно связана с апеллированием к истории некогда могущественного Касимовского ханства. Обнаруженные в ГАРФ письменные индивидуальные и коллективные обращения в самые различные официальные инстанции часто начинались с подробного изложения истории образования Касимовского ханства, доказывая исконность проживания татар на касимовской земле¹¹.

В послереволюционных условиях энергичные действия татарской общественности г. Касимов по сохранению исторической памяти проявлялись в музейном сегменте. В открытом в начале 1920-х гг. Касимовском музее оживленная работа велась Мусульманским подотделом. Главная заслуга в этом принадлежала татарскому населению города и уезда. «Редкий день в музей не поступают ценные пожертвования мусульман»¹², – говорилось в одной из газетных заметок. Несмотря на нехватку средств, немногие экспонаты – украшения, сосуды тканые изделия были приобретены самим музеем.

Задачи аккумуляции предметов повседневной жизни и быта касимовских татар были поставлены не случайно. Уже тогда современники отмечали, что «мусульманскому костюму грозило исчезновение». В силу ряда причин, сложившихся еще до революции, в том числе массового оттока касимовских татар на работу в Санкт-Петербург, Москву, влияния буржуазных новаций, национальная одежда выходила из употребления у местных жителей, поэтому ее продавали мусульманам соседних Тамбовской и Симбирской губерний¹³. В большей степени элементы этнической культуры в советские годы сохранялись в традиционной повседневной и праздничной пище касимовских татар – бляшиках, лявахах, жареных пирожках, розочках и т. п.

Проявляя уважение к великому прошлому, касимовские татары вовсе не цеплялись за ушедшее время. В новых реалиях они пытались найти свое место, в особенности это касалось молодежи. Ценным источником, позволяющим понять настроения и предпочтения молодых касимовцев-татар, являются воспоминания К.М. Симакова, 1904 г.р., сделавшего головокружительную карьеру, завершив ее в должности Председателя Госплана Казахской ССР. До революции Каюм Симаков

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 43. Л. 5.

¹² Р.К. Касимовский музей // Красный восход. 1923. 24 июня.

¹³ Отчет о деятельности уездного музея Касимовского УОНО за февраль месяц 1922 года // Фонды Касимовского историко-культурного музея-заповедника.

успел поработать помощником у дяди в симферопольском ресторане, сразу после революции он, как и многие татары, вернулся в деревню. И здесь, взрослея и наблюдая перемены, происходившие в социальной жизни, работая на благо семьи, молодой человек стал искать другой интерес: «долго, мучительно долго путался в своих ответах, вступал сам с собой в противоречия»¹⁴. Сначала была мысль укрепить свое хозяйство, сделав его обеспеченным, продуктивным. Обратил он взор и в сторону «буфетного дела», которое в годы нэпа на короткое время получило второе дыхание у касимовских татар, славившихся до революции по ресторанно-гостиничной части.

Но в конце концов его прельстили примеры революционеров А. Тукузина, ставшего секретарем Касимовского уездного комитета ВКП(б), и В. Худайбердеева, секретаря партийной ячейки Татарского волостного управления. Молодой Каюм, подражая им, занялся самообразованием, читая газеты, интересуясь политической информацией, общаясь с комсомольскими активистами. Интересно отметить, что желание Каюма стать комсомольцем поддержал отец. Здесь хочется остановиться и подчеркнуть, что М. Симаков, отец Каюма, которому «новая власть не была по душе», но который желал благополучия сыну, посоветовал ему искать свой путь именно в новом формирующемся мире. «В 1923 году, – пишет К.М. Симаков, – в возрасте 19 лет, я стал комсомольцем, что определило мой новый образ жизни...»¹⁵.

Вступление в ряды комсомола повлияло на жизнь многих представителей татарской молодежи. Организационное оформление ячеек РКСМ по Касимовскому уезду активизировалось в 1924 г. Тогда одновременно целая группа инициативных ребят из с. Царицино написала заявления с просьбой о вступлении в комсомол. Для организации комсомольской ячейки в деревню был направлен инструктор¹⁶. Вслед за царицынской была образована татарская ячейка РКСМ в с. Болотцы, которую газета называла самой молодой «по стажу» и нуждавшейся в руководителе¹⁷.

На 15-й Касимовской уездной партконференции, состоявшейся в 1929 г., отмечалось, что в Татарской волости для работы среди национальных меньшинств имелись ячейка РКП(б) и две ячейки РЛКСМ. Судя по газетным сообщениям, они играли решающую роль в выполнении задач культурной революции¹⁸. Комсомольцев направляли в деревни для проведения агитационно-разъяснительных работ, создания красных уголков, налаживания выпусков стенгазет, организации спортивных и драматических кружков, проведения коллективного чтения газет для колхозников и т. п.

Инициативой отличались комсомольцы Торбаевской ячейки, проводившие разъяснительную работу среди сельчан в период выборной компании. Помощь комсомольцам оказывали пионеры, разнося повестки избирателям, занимаясь детьми колхозников во время отчетных собраний¹⁹.

Борьба с религией

Коренная перестройка культурной жизни была тесно связана с изменениями в идеологической сфере. Как важное направление ликвидации культурной отсталости и формирования нового человека рассматривалась борьба с религиозным мировоззрением.

¹⁴ Симаков К.М. От былого до нескончаемого настоящего... Книга воспоминаний. СПб., 2017. С. 227.

¹⁵ Там же. С. 230.

¹⁶ С-в. Пробуждаются // Красный восход. 1924. 17 июля.

¹⁷ Ребята, подтянитесь! // Красный восход. 1924. 17 июля.

¹⁸ Комсомольцы Татарской волости организовали 5 отрядов // Красный восход. 1929. 27 июня; Гиблицкие комсомольцы за культурную революцию на деле // Коллективист. 1930. 30 августа.

¹⁹ Муратов. Перенимайте этот опыт // Большевицкий путь. 1931. 15 января.

Антирелигиозная деятельность в отношении мусульман г. Касимов стала отчетливо проявляться в конце 1920-х гг.²⁰ Выступая против традиционной для мусульман Уразы, высмеивая сельчан, державших пост, характеризуя мечети как «контр-революционные гнезда», под влиянием которых колхозники и бедняки заставляли держать уразу 10–13-летних детей, современники констатировали, что за десятилетие советской власти среди татар Касимовского района начали рушиться религиозные устои²¹.

Тесно связанная с внедрением нового сознания, культурная революция сопровождалась уничтожением традиционных повседневных религиозных ритуалов касимовских татар. Очевидец писал, радуясь успехам нововведений:

Это было там, где сравнительно недавно правверные славили аллаха. Представители молодого татарского населения, кого еще мало исковеркал шарият и т. п. религиозные обрядности и обычаи организовали клуб. Клуб готов. На сцене учащиеся татарчата говорят о своей готовности перестроить старую деревню на новую, коллективную²².

Призывы к радикальной трансформации мировоззрения, формирование атеистических взглядов в обществе сопровождалось мощным давлением на религиозных деятелей, вынуждая последних отказываться от своих позиций. Так, бывший мулла второй мечети г. Касимова Ф. Баширов через газету объявил сложении с себя сана, «признавая», что «проповедуя религию, кроме вреда не приносил никакой пользы обществу»²³. Аналогичное письмо в редакцию прислал бывший мулла с. Подлипки К. Ширинский:

В течение 11 лет я носил звание муллы и отправлял связанные с этим обязанности религиозного культа при селе Подлипки. Но я убедился, что религия является по своему существу дурманом для народа. В настоящее время я не желаю более обманывать своих сограждан и бросаю сан муллы навсегда. Сложив с себя сан муллы прошу меня впредь в рядах обманщиков не числить²⁴.

Активизировалось давление и на учителей-татар, которые отказывались «по религиозным убеждениям от ведения антирелигиозной пропаганды» и не участвовали в работе кружков безбожников. Несколько заметок, собранные в одном из июньских номеров уездной газеты «Красный восход» под лозунгом «Учитель должен быть активным антирелигиозником», отражали события, происходившие в деревнях и селах²⁵.

В целом, такое мощное антирелигиозное воздействие, да еще в условиях моноэтнической среды (татары составляли 0,44 % от всего населения губернии), фактически уже в первые десятилетия советской власти привели к отказу от внешних проявлений религиозных взглядов татар.

Образование

Советская власть почти с самого начала стремилась взять под свой контроль школьное образование. Учебные заведения общеобразовательного характера были переданы в ведение Наркомата просвещения. Вместе с тем революционный стиль данной сферы культуры коснулся касимовских татар в меньшей степени. В первые советские десятилетия сохранялась определенная преемственность в развитии школы.

²⁰ См., например: Булатов И. Союз безбожников должен быть превращен в многомиллионную организацию // Красный восход. 1929. 4 июля.

²¹ Нуруддинов. Против «Уразы», за колхозы // Большевицкий путь. 1931. 1 февраля.

²² Черный. Хазр бул! // Коллективист. 1930. 19 апреля.

²³ Письмо в редакцию // Красный восход. 1929. 18 мая.

²⁴ Ширинский Карим. Письмо в редакцию // Коллективист. 1930. 16 февраля.

²⁵ Акт расследования заметки «Срывают антирелигиозную работу» // Красный восход. 1929. 22 июня.

Касимовские татары отличались высоким уровнем грамотности. По данным переписи 1926 г., грамотными являлись 73,3 % касимовских татар, в то же время в среднем по Рязанской губ. грамотными были лишь 51,1 % населения. Среди касимовских татар мужчин грамотными были 73,5 %, по Рязанской губ. – 55,5 % мужчин. Удельный вес грамотных среди касимовских татарок составлял 76,2 %, по Рязанской губ. грамотными были 27,9 % женщин²⁶. По губернии на один пункт по ликвидации неграмотности приходилось около 2000 чел. в возрасте 16–35 лет, среди касимовских татар – около 100 чел.²⁷

Многие из преподавателей открытого еще в 1838 г касимовского медресе, кого застали революционные события, в советское время продолжали трудиться на ниве просвещения, прекрасно владея и татарским, и русским языком. Среди них наиболее видное место занимает С. Булатова, которая в 1910-е гг. открыла первую в Касимове школу для девочек. В 1920-е гг. она, продолжая преподавать в школах города, являлась уполномоченным Рязанского губернского отдела народного образования по Касимовскому и соседними с ним Елатомскому и Шацкому уездам. Ф. Баширова, до революции работавшая в одном из мектебе г. Касимов, затем во 2-й женской русско-татарской гимназии, в 1920-е гг., учительствовала в городской татарской школе № 5, одновременно являясь участковым инспектором нацменовского ВУОНО, с 1933 г. – преподавала татарский язык в Касимовском педучилище²⁸.

В конце 1920-х гг. газета «Красный восход» рассказала о высоком для того времени уровне развития образования среди татар благодаря прежде всего национальным школам:

Обследованием ряда нацменовских районов нашего уезда установлено, что в культурном отношении они нисколько не уступают русским. Так, например, в селе Подлипках нет неграмотных ни среди мужчин, ни среди женщин. Детское население школьного возраста целиком охвачено школами I ступени. На каждого жителя приходится одна книга и на каждый двор одна газета. Культурные запросы взрослого населения обслуживает изба-читальня²⁹.

Данные переписи 1926 г. подтверждали материалы газет. В дифференциации грамотности по возрастам, особенно в школьном возрасте, где еще сохранялись традиции дореволюционного обучения, преимущество оставалось за нацменами. Например, в возрасте 12–15 лет среди татар грамотными были 91, %, среди русских – 63,8 %³⁰.

К концу 1930-х гг. татарское население Касимовского, Ермишинского и др. районов Рязанской области полностью было охвачено обучением в начальной школе, в некоторых селах (Болотцы, Азеево, Бастаново) открыты неполные средние школы³¹.

Для подготовки кадров учителей-татар в 1930 г. при педагогическом училище г. Касимов заработало татарское школьное отделение, которое за несколько лет выпустило около 100 чел. советских учителей для начальной национальной школы. Только из Подлипок вышло более 10 учителей. На 1937 г. в педучилище учились более 20 детей татар-колхозников³².

Однако татарское отделение просуществовало недолго. В 1938/1939 уч. г. преподавание в училище планировалось вести в основном на русском языке. С этого времени, совпавшего с очередной сменой татарского алфавита, среднее специальное образование на татарском языке сошло в Касимове на нет.

²⁶ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 198. Л. 21.

²⁷ Там же. Л. 22.

²⁸ Материалы Ф.Ф. Башировой, учительницы татарской школы г. Касимова // Фонды Касимовского историко-культурного музея-заповедника.

²⁹ Культурная работа в селе Подлипках // Красный восход. 1929. 20 апреля.

³⁰ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 198. Л. 22.

³¹ Авдин П. За подготовку национально-педагогических кадров // Большевицкий путь. 1938. 6 августа.

³² Кусалеев. Прежде и теперь // Большевицкий путь. 1937. 7 ноября.

Культурно-просветительские учреждения и печать

Наряду со школами решающая роль в реализации в культурной трансформации общества принадлежала избам-читальням и клубам, главным зачинателем мероприятий в которых являлась комсомольская организация. Типичным общественным мероприятием в 1920-е гг. являлись коллективные читки газет, как почетная миссия поручавшиеся лучшим комсомольцам³³.

Периодическая печать являлась мощным средством идеологического воздействия партии на население в годы культурной революции. Активисты, рассматривая газету как важный инструмент в культурно-просветительской работе, рекомендовали народным учителям, на которых лежала миссия пропаганды и агитации, подписываться на них³⁴.

Тогда же источником информации и одновременно продуктом творчества широких масс являлись и стенные газеты. Для просвещения мусульманского населения татарской молодежью г. Касимов было принято единогласное решение издавать на родном языке двухнедельную газету «Чалгы [Коса]»³⁵. В Ахматово выпускалась стенгазета «Ударниклар [Ударники]», позднее – «Безнен куч [Наша сила]»³⁶. В этот же период поощрялось и ширилось движение селькоров, которые по сути выполняли роль культуртрегеров в крестьянской среде. Зачинателем селькоровского движения в Касимовском регионе являлся вернувшийся из армии Симаков, он же организовал и стенную газету, объединив вокруг нее наиболее инициативное крестьянство³⁷.

Круг дел, которыми занималась молодежь, собираясь в клубах, довольно полно охарактеризован в воспоминаниях К.М. Симакова. Вовлекая его в эту деятельность, член касимовской ячейки А. Давликамов рассказывал:

Будем спектакли ставить, и ты будешь играть, выпускать будем свою газету, будем ходить в город в кино, заведем свою библиотеку, в городе будем слушать лекции, и к нам будут приходить лекторы, словом будем учиться³⁸.

Работа агитколлективов развертывалась во всех населенных пунктах Касимовского района. К примеру, в Ахматовском сельсовете к концу 1930-х гг. действовало 9 политкружков³⁹. Колхозники целыми семьями вовлекались в художественную самодеятельность⁴⁰.

Существенно осложняло проведение культурной работы среди татар отсутствие нормальных условий. Представители татарской общественности взывали к властям Касимова, отмечая, что культурные запросы татар растут, но власти не могут их удовлетворить, о чем они сообщали в газету:

Раньше у нас был приличный клуб и театр, но теперь он пришел в ветхость. Своих денег на ремонт у нас нет, горсовет же от его ремонта отказался категорически⁴¹.

«Татары без клуба. Когда же его отремонтируют?» – вновь задавался вопросом автор заметки в газете «Красный Восход», констатируя необходимость срочного ремонта татарского клуба-театра «Чулпан». Отмечая высокую потребность в по-

³³ Цыбиков П.А. Комсомолец Маганов – хороший чтец // Большевицкий путь. 1935. 23 апреля.

³⁴ Сироткин. Усилил подписку // Красный восход. 1924. 5 февраля.

³⁵ В. Свою газету // Красный восход. 1924. 10 января.

³⁶ Борются за действенность и грамотность стенной печати // Большевицкий путь. 1938. 21 октября.

³⁷ Селькор – нацмен // Красный восход. 1929. 11 мая.

³⁸ Симаков К.М. От былого до нескончаемого настоящего. СПб., 2017. С. 230.

³⁹ Симаков. Агитколлектив Ахматовского колхоза развертывает политмассовую работу // Большевицкий путь. 1938. 12 октября.

⁴⁰ С. Семья колхозника Файсханова // Большевицкий путь. 1939. 11 января.

⁴¹ Татары без клуба. Не знаем где проводить праздник 1-го мая // Красный восход. 1928. 22 апреля.

мещении, отсутствие которого сказывалось на качестве культпросветработы среди татар города, он призывал горсовет «перестать тянуть волюнку» и немедленно приступить к ремонту⁴².

По остаточному принципу велось финансирование городского татарского клуба имени Нариманова, что ярко проиллюстрировала газета «Большевистский путь»:

Нацмены, приходящие в клуб – уходят недовольными лишь потому, что в клубе, кроме стен, – как они говорят, – ничего нет⁴³.

Осенью 1934 г. из-за отсутствия света здесь неоднократно срывались постановки спектаклей. Обращение представителей татарского населения в горсовет и гороно с просьбами помочь наладить культурно-массовую работу среди татар, обеспечить электричеством, средствами для проведения ремонта помещения, оставались без внимания со стороны властных структур⁴⁴.

В очередной раз в апреле 1938 г. собравшиеся на районное совещание рабселькоры выступили в поддержку татарского клуба, считая, что «руководители РОНО тт. Степаков и Лунин неправильно ставят вопрос о закрытии нацменского клуба». Селькор Ишмуратов отмечал по этому поводу:

Я считаю, что газета вполне правильно поставила вопрос о том, что клуб нацменов должен работать еще лучше и ни в коем случае не может быть закрытым⁴⁵.

Этот факт служил наглядным примером нарастающей тенденции снижения национальной полифонии в жизни касимовских татар. Немаловажным фактором уменьшения роли татарского языка в общественной жизни касимовских татар, проживавших вне моноэтничной среды, стало на наш взгляд, вынужденное дело-производство национальных сельсоветов и иных административных единиц на русском языке⁴⁶.

Советские праздники и ритуалы

Явными маркерами результатов культурной революции являлись новые формы, сценарии и символика входивших в социальную жизнь советских праздников, главным из которых стал День Великой Октябрьской социалистической революции, ежегодно освещаемый на страницах районной газеты. О праздновании десятилетия революции в с. Собакино Татарской волости газета «Красный Восход» сообщала:

6 ноября улица против избы-читальни украшена зеленью и революционными лозунгами: ждали приезда шефа. Представитель шефа, кооперативной ячейки, приехал 7 ноября. Докладчику предоставили неограниченное время: что сделано за 10 лет, как будем строить народное хозяйство. 7 ноября население путем добровольного сбора продуктов организовало семейный обед на 80 человек и после обеда вечер. На обеде присутствовали дети и взрослое население. Вечер проходил с пением, танцами и плясками, как татарских, так и русских танцев.

Говорили, что власть царя не давала возможности культурно и общественно развиваться деревне, особенно малым национальностям, в том числе и нам, татарам. А вот теперь мы собрались сюда праздновать 10-летие Октябрьской революции свободными, а не рабами. Мы сейчас радуемся за веселящуюся молодежь, потому что раньше мы этого делать не могли⁴⁷.

⁴² *Отпускник*. Татары без клуба // *Красный восход*. 1928. 19 июля.

⁴³ *Левитов*. Клуб им. Нариманова должен развернуть работу // *Большевистский путь*. 1933. 11 марта.

⁴⁴ *Абдуллина*. Дайте клубу свет // *Большевистский путь*. 1934. 10 октября.

⁴⁵ С районного совещания рабселькоров // *Большевистский путь*. 1938. 22 апреля.

⁴⁶ См. об этом: Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 198. Л. 11–12.

⁴⁷ *Красный восход*. 1927. 24 декабря.

В праздничном нарративе ярко проявлялась мифологема, строившаяся на противопоставлении старого и нового. Выступавшие на одном из таких торжественных заседаний подлипкинско-го колхоза «Кзыл Юлдуз» также апеллировали к жизни до революции и после нее⁴⁸.

Спустя 20 лет сохранялся тот же высокий подъем в день празднования Октября, но напряженная международная обстановка накладывала свой отпечаток на ход праздника⁴⁹. В Торбаево в этот день через село прошла колонна осоавиахимовцев в противогазах. После приветствий для отряда было устроено чаепитие⁵⁰. Все значимые события культурной жизни подробно анонсировались на специальной татарской страничке районной газеты⁵¹.

Праздничный характер придавался мероприятиям, связанным с подготовкой и проведением выборов. Всенародным праздником для избирателей города и района стали выборы в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г. Например, в с. Торбаево к избирательному участку на празднично украшенных повозках, с песнями приезжали празднично-настроенные люди из самого Торбаево, а также из соседних колхозов. В газете «Большевицкий путь» содержится следующее описание выборов в татарской деревне:

Первыми в помещение избирательного участка для получения избирательных бюллетеней вошли колхозник т. Бекбулатов Герей Надирович и колхозница Бердиева Айнус. Они получают избирательные бюллетени на своем родном татарском языке. Они первыми опускают в избирательные урны свои бюллетени. На их лицах нескрываемая радость⁵².

Новым явлением в татарских деревнях в 1920–1930-е гг. стали Международные дни юности (МЮД). В 1937 г. в честь XXIII МЮД в татарском с. Шилино было организовано собрание молодых колхозников и колхозниц. В рамках неофициальной части мероприятия организовывались семейные торжества, проводимые под общим лозунгом: «Ударно работать – культурно отдыхать». Очевидец событий писал:

После молодежного собрания, после товарищеского чая с обильными угощениями – пирожками, бляшинами, печеньем, конфетами – заиграла гармошка, завертелись пары танцующей молодежи. Вот молодые колхозники Захида и Ахмет Кашаевы под аплодисменты всей молодежи, исполняющей национальную татарскую пляску «дранка». Вот другая пляска – «тура», отлично исполненная Бибишевым, Кашаевым и Девишевым. А вот Ахмет Кашаев пляшет «туру» вместе с колхозником Измаилом Таканасевым⁵³.

В праздничном списке появились также День большевистской печати 5 мая, День Парижской Коммуны 18 марта, которые «отмечались» выступлениями в красных уголках, на совещаниях стахановцев и руководителей колхозов и сельской интеллигенции, созданием новых ячеек общественных организаций, например МОПР⁵⁴.

Недовольство сельчан вызывали приходившие с новыми праздниками и новые привычки среди молодых татар. Организованный 23 января 1930 г. комсомольцами с. Царицыно маскарад, где был буфет, а также «русская горькая», стал поводом для едкой заметки в районной газете⁵⁵.

⁴⁸ А.К. XXI октябрь в Подлипках // Большевицкий путь. 1938. 11 ноября.

⁴⁹ Бакеев У. Праздник встречаем с новыми успехами // Большевицкий путь. 1938. 3 ноября.

⁵⁰ Поход в противогазах // Большевицкий путь. 1938. 11 ноября.

⁵¹ *Ar-va*. Tatarbajda zur kicə bula // Большевицкий путь. 1936. 5 ноября. С. 4; *Virgazov*. Şəhərdəge tatar klubında // Большевицкий путь. 1936. 15 ноября.

⁵² М.К. Выборы в Торбаево // Большевицкий путь. 1937. 16 декабря.

⁵³ Кн. Г. Праздник в Шилине // Большевицкий путь. 1937. 9 сентября.

⁵⁴ День печати // Большевицкий путь. 1938. 5 мая; 25 колхозников вступили в ячейку МОПР // Большевицкий путь. 1939. 20 марта.

⁵⁵ С.З. Пьяный маскарад // Коллективист. 1930. 19 апреля.

Изучение материалов касимовской районной газеты за 1920–1930-е гг. показывает, что татарская проблематика находила на ее страницах широкое отражение.

Хотя татарская общественность в конце 1920-х гг. выражала недовольство слабой репрезентативностью статей о жизни татар, татарских селений, просила организовать кружки для селькоров для местного населения⁵⁶. Очевидно, что то обращение возымело действие: в 1930-е гг. достаточно регулярно стал появляться специальный вкладыш на латинице вплоть до 1939 г., пока алфавит не был сменен на кириллицу.

Выводы

Касимовские татары приняли основные идеи культурной революции, активно участвовали во всех ее преобразованиях, поддерживая становление советской культуры.

Вместе с тем они стремились развивать и собственную – национальную культуру, видя в ней важный фактор сохранения своей этноидентификации. Продолжая дореволюционные традиции, в районах расселения татар старались вести обучение на родном языке, несмотря на трудности материального, кадрового характера. Боролись за самостоятельное существование своего национально-административного образования в Касимовском уезде, тем самым сохраняя опыт и культуру управленческих практик. Осознавая всю сложность и отсутствие нормальных условий проведения общественно-культурной работы среди татар, уже в 1920-е гг. через создание музейной коллекции предприняли попытку коммеморации праздничной и повседневной культуры народа.

Поступила в редакцию / Submitted: 23.08.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 23.11.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.12.2023

References

- Abyanov, R.V., and Safarov, M.A. *Teni Kasimovskogo khanstva* [Shadows of Qasim Khanate]. Moscow: Chitai Publ., 2021 (in Russian).
- Abyanov, R.V., Safarov, M.A. “‘Tatar faith.’ The image of Islam among the Russian population of the Ryazan region.” *Minbar. Islamic Studies*, no. 14 (2021): 310–334 (in Russian). <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2021-14-2-310-334>
- Akimov, V.V. *Kasimovskie tatar: mezhdru proshlym i budushchim* [Kasimov Tatars: between past and future]. Moscow: Veche Publ., 2004 (in Russian).
- Aksanov, A.V. “Kazanskoe i Kasimovskoe khanstvo [Kazan and Qasim Khanates].” In *Tatary*, 147–161. Moscow: Nauka Publ., 2017 (in Russian).
- Gordlevskii, V.A. “Elementy kul'tury u kasimovskikh tatar (iz poezdki v Kasimovskii uezd) [Elements of culture of Kasimov Tatars: (from a trip to Kasimov region)].” In vol. 10 of *Trudy Obshchestva issledovatelei Riazanskogo kraia*. Ryazan': Gostipolitografiia Publ., 1927 (in Russian).
- Iskhakov, D.M. “Kasimovskie tatar [Kasimov Tatars].” *Tatarstan*, no. 1–2 (1994): 78–80 (in Russian).
- Iskhakov, D.M. “Tatary kasimovskie [Kasimov Tatars].” In *Narody Rossii. Entsiklopediia*, 326–327. Moscow: BRE Publ., 1994 (in Russian).
- Kuftin, B.A. *Tatary kasimovskie i tatary-mishari Tsentral'no-Promyshlennoi oblasti. K voprosu vydeleniia oblastnykh tipov i sostavnykh elementov Volgo-Okskoi etnicheskoi kul'tury (Etnicheskoe naimenovanie i elementy zhilishcha)* [Kasimov Tatars and Mishar Tatars of the Central Industrial Region. On the issue of elucidating the regional types and constituent elements of the Volga-Oka ethnic culture (Ethnic name and elements of the inhabitation)]. *Kul'tura i byt naseleniia Tsentral'no-Promyshlennoi oblasti. Etnologicheskie issledovaniia i materialy*, 135–148. Moscow: [N.s.], 1929 (in Russian).

⁵⁶ *Джанбулатов*. Мало о жизни нацменов // Красный восход. 1929. 6 июня.

- Makhmutova, L.T. “Starinnaia obriadovaia pesnia u kasimovskikh tatar [An old ritual song among the Kasimov Tatars].” In vol. 2 of *Izvestiia Kazanskogo filiala AN SSSR*, 217–221. Kazan: Izd-vo Kazanskogo filiala AN SSSR Publ., 1957 (in Russian).
- Makhmutova, L.T. Nekotorye nabliudeniia nad leksikoi kasimovskogo govora tatarskogo iazyka [Some observations on the vocabulary of the Kasimov dialect of the Tatar language].” In vol. 2 of *Materialy po tatarskoi dialektologii*, 223–235 Kazan': Izd-vo Kazanskogo filiala AN SSSR Publ., 1962 (in Russian)
- Rakhimzyanov, B.R. *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.). Ocherki istorii* [Kasimov Khanate (1445–1552). History essays]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izd-vo Publ., 2009 (in Russian).
- Safarov, M.A., and Seitov, E.M. “‘If the mosques open, who will visit them?’: Kasimov Tatars religious life in the 1943 on the basis of the data by G.P. Snesarev.” *Minbar. Islamic Studies*, no. 13 (2020): 330–348 (in Russian). <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2020-13-2-330-348>
- Savin, S.O. “Stolitsa kak tsentr gosudarstvennogo stroitel'stva – istoricheskaia pamiat' o stolichnosti Kasimova [The capital as a center of state building – historical memory of the capital Kasimov].” *Sravnitel'naya politika* 6. no. 4 (2015): 107–109 (in Russian).
- Sharifullina, F.L. *Kasimovskie tatory* [Kasimov Tatars]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1991 (in Russian).
- Simakov, K.M. *Ot bylogo do neskonchaemogo nastoiashchego* [From the past to the endless present]. St. Petersburg: [N.s.], 2017 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Альфия Габдулнуровна Галлямова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; 420111, Россия, Казань, ул. Батурина, 7А; alfiya1955@gmail.com; SPIN-код: 8335-8920; <https://orcid.org/0000-0003-4344-902X>

Alfiya Gabdulnurovna Gallyamova, Dr. Habil. History, Associate Professor, Leading Research Fellow of the Department of Contemporary History, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; 7A, Baturin St, Kazan 420111, Russia; alfiya1955@gmail.com; SPIN-code: 8335-8920; <https://orcid.org/0000-0003-4344-902X>

Ильнара Ильдусовна Ханипова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом новейшей истории, Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; 420111, Россия, Казань, ул. Батурина, 7А; ihanipova@mail.ru; SPIN-код: 2258-5491; <https://orcid.org/0000-0001-7585-8069>

Ilnara Ildusovna Khanipova, PhD in History, Senior Research Fellow, Head of the Department of Contemporary History; Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; 7A, Baturin St, Kazan, 420111, Russia; ihanipova@mail.ru; SPIN-code: 2258-5491; <https://orcid.org/0000-0001-7585-8069>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-74-85>
EDN: MNMFPI

Научная статья / Research article

Принудительная миграция цыган в Западную Сибирь в 1933 г. как элемент государственной политики освоения Севера

Ираида Владимировна Нам

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
 namirina@bk.ru

Аннотация: Реконструирована история принудительной миграции цыган в 1933 г. из Москвы и Подмосковья в Западную Сибирь и их жизнь в условиях трудового поселения. Исследование выполнено на основе соотнесения выявленных автором и опубликованных архивных источников с воспоминаниями и свидетельствами очевидцев и участников событий, записанными в 1990-е – начале 2000-х гг. Показано, что депортация цыган в Западную Сибирь в 1933 г., несмотря на ее этнический характер, не вписывается в типологию принудительных этнических миграций, стержневыми и определяющими элементами которой являются тотальные миграции «наказанных народов». Неверно также считать основанием для депортации цыган в Сибирь их признание социально вредной и нетерпимой этнической группой в силу кочевого образа жизни, закрытости, неконтролируемости и криминальности. Делается вывод, что депортацию цыган в Западную Сибирь в 1933 г. следует рассматривать не как целенаправленную антицыганскую акцию, а как провалившуюся попытку принудительного оседания в контексте общих действий государства, направленных на освоение северных и восточных районов страны.

Ключевые слова: цыгановедение, репрессивная политика, трудовое поселение, Томск, Евстигнеевка, станция Тайга

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Нам И.В. Принудительная миграция цыган в Западную Сибирь в 1933 г. как элемент государственной политики освоения Севера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 74–85. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-74-85>

Forced Migration of the Roma to Western Siberia in 1933 as an Element of State Policy of the North Development

Iraida V. Nam

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

 namirina@bk.ru

Abstract: The history of the forced migration of Roma in 1933 from Moscow and the Moscow region to Western Siberia and their life in the conditions of a labor settlement was reconstructed. The study was carried out on the basis of correlating the published archival sources identified by the author with memories and testimonies of eyewitnesses and participants in the events recorded in the 1990s – early 2000s. It is shown that the deportation of the Roma to Western Siberia in 1933, despite its ethnic nature, does not fit into the typology of forced ethnic migrations, the “core and defining elements” of which are the total migrations of the “punished peoples.” It is also incorrect to consider that the reason for

the deportation of the Roma to Siberia was the recognition of them as a socially harmful and intolerant ethnic group due to their nomadic lifestyle, closed nature, uncontrollability and criminality. It is concluded that the deportation of the Roma to Western Siberia in 1933 should be considered not as a targeted anti-Roma action, but as a failed attempt at forced settlement in the context of general state actions aimed at developing the northern and eastern regions of the country.

Keywords: gypsy studies, repressive politics, labor settlement, Tomsk, Evstigneevka, Taiga Station

Acknowledgements and Funding: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 “Human and the changing Space of Ural and Siberia”.

For citation: Nam, I.V. “Forced Migration of the Roma to Western Siberia in 1933 as an Element of State Policy of the North Development.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (February 2024): 74–85. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-74-85>

Введение

Актуальность. Среди цыгановедческих исследований публикации, касающиеся истории появления и пребывания цыган в Сибири в разные периоды истории России, немногочисленны¹. К числу слабо изученных принадлежат принудительные миграции цыган в Западную Сибирь в 1930-е гг. Внутренние принудительные миграции населения², проводимые Советским государством в 1920-е – начале 1950-х гг., являлись составной частью государственной системы миграций, обусловленной сложным переплетением экономических и политических факторов, и вплоть до конца 1980-х гг. эта тема относилась к числу запретных.

Степень изученности проблемы. Впервые о депортации цыган из Москвы и Подмосковья в Западную Сибирь в 1933 г. русскоязычному научному сообществу стало известно с выходом в 1999 г. переводной «Черной книги»³. Ее авторы связывали высылку цыган «к местам работы в Сибирь» с введением 27 декабря 1932 г. внутригосударственного паспорта и института прописки. В 2005 г. было полностью опубликовано донесение помощника начальника ГУЛАГа И.И. Плинера заместителю председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде о чистке Москвы от цыган в 1933 г.⁴ Факт высылки цыган в Сибирь в 1933 г. нашел отражение в монографиях В.Н. Земскова и В.Н. Уйманова, которые пришли к выводу, что идея цыганских трудпоселков успеха не имела, так как почти все цыгане бежали⁵. А.Г. Тепляков рассмотрел высылку цыган как «единственную этническую общность, объявленную властями – в силу кочевого образа жизни замкнутости, неконтролируемости и заметной криминализованности – социально вредной и нетерпимой»⁶. Широкою публичную известность тема депортации цыган в Сибирь получила с выходом в 2002 г. статьи ис-

¹ Смирнова-Сеславинская М.В. Цыгане Западной Сибири и Урала в историко-этнографических источниках и исследованиях XVIII – начала XXI вв. // Цыгане в Оренбургском социуме: материалы круглого стола, посвященного Международному дню цыган. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013; Шайдунов В.Н., Сапронова Н.А., Гончаров Ю.М., Новгородский Т.А. Цыгане в Сибири (конец XVIII – XX в.) // Журнал Белорусского гос. ун-та. История. 2022. № 2. С. 60–72. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-60-72>; Бессонов Н.В. Цыгане в России: принудительное оседание // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М., 2005 и др.

² Под принудительной миграцией понимают перемещение людей под давлением по приказу или под угрозой. Нередко в качестве синонима используют термин «депортация». Депортация (от латинского слова «*deportatio*») – это изгнание, ссылка (от латинского слова «*deportatio*»).

³ Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. Черная книга коммунизма. М., 1999. С. 180–181.

⁴ Сталинские депортации. 1928–1953 / под общ. ред. А.Н. Яковлева. М., 2005. С. 49–50.

⁵ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 46; Сталин и народ. Почему не было восстания. М., 2014. С. 324; Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). Томск, 2011. С. 193.

⁶ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 383.

следователя истории и культуры цыган Н.В. Бессонова⁷, подробно описавшего высылку цыган со слов В. Глодо (Шматульского), высланного из Москвы вместе с семьей. Бессонов привел также рассказ цыганского писателя и исследователя В. Калинина об еще одной, якобы имевшей место, не получившей пока документального подтверждения, высылке в 1937 г. 1800 цыган на станцию Тайга Новосибирской (сейчас Кемеровской) области. В 2005 г. книга Калинина была опубликована в России⁸. Впервые высылка цыган в Сибирь рассматривается на основе верификации данных устной истории и разных групп исторических источников, в том числе архивных, в статье болгарских этнографов-цыгановедов Е. Марушиаковой и В. Попова⁹.

Цель исследования состоит в том, чтобы, во-первых, уточнить причины, ход и типологию высылки цыган в Сибирь в 1933 г.; во-вторых, выяснить, все ли цыгане бежали с мест поселения, а если нет, то как сложились судьбы тех, кто остался.

Источниковой базой послужили свидетельства очевидцев высылки и пребывания цыган на спецпоселении, собранные томским писателем П.А. Барсагаевым¹⁰, и воспоминания В.А. Неволина¹¹, высланного вместе с семьей в те же места спецпоселения, что и цыгане. Вторую группу составили опубликованные и выявленные автором архивные материалы из фондов Государственного архива Новосибирской области (Ф. Р-47), Центра документации новейшей истории Томской области (Ф. 27, 80), Информационного центра УВД Томской области (Ф. 5). Верификация данных устной истории с документальными источниками позволила воссоздать достоверную картину предпринятой государством не удавшейся попытки принудительного оседания цыган в Сибири в 1933 г.

Депортация

Массовая депортация органами ОГПУ цыган из Москвы и Подмосковья летом 1933 г. происходила в рамках «чистки» крупных городов от деклассированных элементов в связи с паспортизацией. С введением в 1932 г. паспортной системы большинству цыган, ведущих кочевой образ жизни и не имеющих прописки по месту проживания, было запрещено жить в городах, рабочих поселках и совхозах. Негативно отразилось на положении цыган введение в 1929 г. карточной системы, которое обрекало большую их часть, особенно «кочующих», на существование вне государственной системы обеспечения продуктами питания¹². К весне 1933 г. в крупные города съехались десятки таборов «цыган-кишиневцев», румынских цыганских групп («сэрвов» и «влахов»), «крымских цыган» («крыма») и др. По словам Н.В. Бессонова, «Москва притягивала цыган возможностью хоть как-то прокормиться».

⁷ Бессонов Н.В. Цыгане: годы сылок и побегов // 30 октября. 2002. № 26; Газета «30 октября» издается компанией-учредителем ООО «Мемо», включенным в октябре 2021 г. Министерством юстиции Российской Федерации в реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.

⁸ Калинин В.И. Загадка балтийских цыган. Очерки истории, культуры и социального развития балтийских цыган. Минск, 2005.

⁹ Марушиакова Е., Попов В. К вопросу об устной истории: на примере несостоявшейся цыганской автономной республики в СССР // Цыганские сообщества в социуме: адаптация, интеграция, взаимодействия. СПб., 2022.

¹⁰ Барсагаев П.А. 1) Драма в тайге // За советскую науку. Томск, 1990. 7 июня; 2) Как создавали цыганский колхоз // Красное знамя. 1991. 9–10 февраля; 3) Чулымские были. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgiclfefindmkaj/https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/PUBLIKACII/Hudozestwtno-istoroczeskie/Barsagaev-P-A-Zalomnaya_compressed.pdf (дата обращения: 15.04.2023); 4) Из истории Чичка-Юльского детского дома НКВД. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgiclfefindmkaj/https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/DOCUMENTS/Vospomniania/BarsagaevPA/Barsagaev-P-A-Istoriya-CHuchka-YUlkgogo-dd.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).

¹¹ Неволин В.А. Человек, лишенный малой родины. Красноярск, 2014.

¹² Марушиакова Е., Попов В. К вопросу об устной истории... С. 103.

Столица была опутана сетью новых таборных стоянок». Массовые облавы на цыган и аресты проводились и в других крупных городах, объявленных «закрытыми»¹³.

«Облавы» на цыган устраивались параллельно «очистке» приграничных районов от «деклассированных элементов» и «разгрузке» мест заключения и лагерей ОГПУ. Эти потоки планировалось объединить в так называемый «новый контингент». Ранее созданные спецпоселения преимущественно с крестьянским составом населения предполагалось превратить в трудовые поселки с расселением там всех переселенцев – от «кулаков» до «рецидива». Трехлетний опыт организации труда «раскулаченных» планировалось применить в целях колонизации северных и восточных районов страны – Нарымского севера (Западная Сибирь) и Северного Казахстана, куда предполагалось в течение 1933 г. депортировать до 2 млн чел.¹⁴ В Постановлении СНК СССР «Об организации трудовых поселений ОГПУ» от 20 апреля 1933 г., в числе прочих, подлежащих направлению в трудовые поселения, назывался «городской элемент, отказывающийся в связи с паспортизацией выезжать из Москвы и Ленинграда»¹⁵. «Кочующие» цыгане не являлись «городским элементом», но так совпало, что как раз в это время десятки цыганских таборов в поисках пропитания разбили свои лагеря в Подмосковье и зарабатывали на жизнь на улицах Москвы¹⁶. Специальным постановлением СНК от 26 апреля 1933 г., городской деклассированный элемент и лица, высланные в связи с паспортизацией, приравнивались к спецпереселенцам¹⁷.

В донесении И.И. Плинера о «чистке» Москвы от цыган, направленном 10 июля 1933 г. на имя Г.Г. Ягоды, сообщалось, что с 28 июня по 9 июля 1933 г. на территорию Томска и трудпоселков ОГПУ в Западной Сибири было выселено 1008 семей, 5470 чел. «иностранных» цыган¹⁸, в том числе 1449 мужчин, 1506 женщин и 2524 детей. Вместе с выселенными были отправлены принадлежащие им 338 голов лошадей, 2 коровы и большое количество повозок и домашний скерб. Всего было сформировано и отправлено пять эшелонов. Всем выселяемым была проведена санобработка, выделено продовольствие и фураж на все время следования, организовано медсанобслуживание. Снабжение в пути было хорошим, несмотря на голодный год. Предполагалось, что «указанный контингент» будет расселен «в отдельных поселках по национальному признаку»¹⁹, т. е. изначально планировалось образование в Сибири цыганского трудпоселка, возможно, не одного²⁰.

О том, как проводилась «чистка» Москвы и Подмосковья от цыган, В. Глодо подробно рассказал в интервью Н.В. Бессонову:

В июне 1933 года табор кишиневцев был окружен милиционерами в белых гимнастерках. Нагрянули незваные гости на рассвете, примерно в 4–5 утра и толпой повели к железной дороге. <...> Вагоны были уже с нарами, но чистые. Здесь милиция передала цыган военным конвоирам. Вскоре огромный эшелон был заполнен таборами из разных концов Москвы. Поскольку в эшелоне было 25–30 вагонов, и в каждый поместили по 30–40 человек, можно приблизительно сказать, что жертвами акции стало около 900 цыган²¹.

¹³ Бессонов Н.В. Цыгане: годы ссылки и побегов...

¹⁴ 1933 г. Назинская трагедия. Документальное научное издание. Томск, 2002. С. 7–8.

¹⁵ Марушиакова Е., Попов В. К вопросу об устной истории... С. 103.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Земсков В.Н. Спецпоселенцы... С. 45.

¹⁸ Иностранцами (в основном котляры и ловари) называли цыган, подданных Австро-Венгерской империи, Румынии, Сербии, Греции и др., перекочевавших в конце XIX – начале XX в. в пределы Российской империи, где они вели полукочевой образ жизни. Разные группы высланных в Сибирь кочующих цыган к «иностранным» причислены не могут быть.

¹⁹ Сталинские депортации... С. 49–50.

²⁰ Бессонов Н.В. Цыгане: годы ссылки и побегов...

²¹ Там же.

Судя по этому рассказу, В. Глодо вместе с семьей мог находиться в эшелоне № 3 (табл. 1).

К месту назначения в г. Томск эшелоны с цыганами прибыли к середине июля (табл. 1). Кроме пяти эшелонов, указанных Плинером, был еще один эшелон с цыганами (69 семей, 328 чел.), который прибыл на станцию Томск почти на неделю раньше. В итоге к середине июля в 6 эшелонах в Томск прибыла 1051 семья и 5323 чел., на 147 чел. меньше, чем было отправлено. Эти данные совпадают со сведениями СибЛАГа ОГПУ, поданными 7 августа в Западно-Сибирский Краевой комитет ВКП(б), из которых следует, что в Томскую пересыльную комендатуру прибыло 5222 цыгана, подлежащих расселению на Севере²². Общая убыль с начала депортации составила 148 человек.

Таблица 1

Сведения о движении эшелонов с выселенными цыганами из Москвы и Московской области в Томскую пересыльную комендатуру

Номер эшелона	Дата					
	05.07.1933		11.07.1933		12–14.07.1933	
	Семей	Человек	Семей	Человек	Семей	Человек
Не указан	69	328	69	328	69	328
1	–	–	313	1525	–	–
2	–	–	394	1446	394	1446
3	–	–	222	972	222	972
4	–	–	123	750	123	750
5	–	–	–	–	86	630
Всего	69	328	1121	5021	894	4126

Источник: Государственный архив Новосибирской области (далее – ГА НО). Ф. 47. Оп. 5. Д. 180. Л. 94, 105, 108.

Томск в это время готовился к празднованию 45-летия первого за Уралом университета. По этой причине сосредоточение в городе спецпереселенцев в ожидании отправки к местам назначения было нежелательно. Поэтому бюро Томского горкома ВКП(б) 22 июля потребовало от комендатуры СибЛАГа «немедленно» убрать с территории района Черемошников «все балаганы, в которых живут спецпереселенцы», и «все имущество, принадлежащее спецпереселенцам и СибЛАГУ»²³. Это требование было, по всей видимости, удовлетворено, а судьба высланных цыган predetermined – они были направлены в распоряжение Новокукусовской²⁴ комендатуры²⁵.

Каким был путь цыган к месту ссылки, можно судить по рассказам свидетелей и очевидцев этих событий, записанным Н.В. Бессоновым и П.А. Барсагаевым. От Томска к месту высылки их путь лежал по строящейся железной дороге Томск-Чулым²⁶, закончившейся «тупиком» неподалеку от Чулыма, затем на подводах, мобилизованных у местных крестьян, до реки Чулым и далее на баржах по Чулыму и его притоку реке Чичка-Юл до Борисовой горы. Плавание длилось 2 недели. Кормили неплохо, единственным тяжелым эпизодом было то, что умершего от болезни 10-летнего мальчика выбросили за борт²⁷. П.И. Волков, работавший учителем в школе

²² 1933 г. ... С. 84.

²³ Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 80. Оп. 1. Д. 305. Л. 1.

²⁴ 7 июня 1933 г. Новокукусовский район был переименован в Асиновский, районный центр перенесен из с. Новокукусово в с. Асино (бывшая Ксеньевка), расположенное на строящейся железной дороге.

²⁵ 1933 год. С. 84.

²⁶ Железная дорога Томск-Чулым была полностью построена в 1937 г.

²⁷ Бессонов Н.В. Цыгане: годы ссылок и побегов...

поселка Рождественского, рассказывал, что в конце июля 1933 г. он возвращался с летней сессии в Томском университете, где учился заочно. На Успенской паромной переправе через Чулым, близ поселка Борисова гора, которого тогда еще не было, «застрял» на целых 6 часов, так как на левом берегу скопилось не менее тысячи подвод, груженных цыганским скарбом, стариками и детьми. Их переправляли на правый берег и разгружали на Борисовой горе:

Подводы распрягали и на паром вручную затягивали повозки, а потом лошадей заводили. Ну, цыгане и тут цыганами оставались. Облепят повозку человек тридцать – орут, стараясь перекричать друг друга: «Давай, чавалы, давай». Но ни один не толкает, а лишь паромщики надрываются...²⁸

На Борисовой горе цыгане провели оставшуюся часть лета и почти всю осень 1933 г. К концу сентября 1933 г. только часть «нового контингента», 600 чел., жили на тот момент в шалашах и палатках, не приспособленных к зимовке. Остальная часть была «заброшена» на места расселения, но жильем не обеспечена. Полностью было построено 3 двухквартирных дома и 28 односемейных землянок. Степень готовности остального жилья составляла от 70 до 40 %. И только 4 % людей были обеспечены обувью и одеждой. В преддверии зимы все это не могло не вызывать неудовольствия, в особенности среди темпераментных цыган, которые, как сообщалось, «нападали» на сотрудников комендатуры, на охрану («стрелков»), на медсестер, не дававших освобождения от работы. Одновременно отмечались случаи грубого отношения самих сотрудников к новому спецконтингенту²⁹. Причину конфликтов усмотрели в «несрабатанности» руководства лагеря – коменданта и двух его заместителей. Особо отмечалась «несрабатанность» руководителей спецкомендатуры в отношении цыган. Было принято решение: разместить людей в 3-дневный срок в теплые жилые помещения, а оставшуюся часть контингента на Борисовой горе «перебросить на место расселения в 5-дневный срок и обеспечить его сразу жилыми помещениями»³⁰. Из контекста документа видно, что на Борисовой горе вместе с цыганами были и другие спецпоселенцы, но цыган, по словам Р.А. Истигечева, еще одного старожилы, «было так много, что конвоиры за всеми не могли уследить». Цыгане «разбредались по ближним деревням воровать кур или гадать». В помощь комендатуре местные власти мобилизовали молодежь, снабдив боевыми винтовками и патронами, «расставили цепью вокруг Борисовой горы» и велели никого не выпускать до самой зимы, пока цыган не вывезли в тайгу³¹. П.И. Волков также отмечал, что цыган отправили с Борисовой горы поздней осенью в тайгу, где в километрах 100 от Чулыма был построен поселок Евстигнеевка³², который был задуман как трудовой поселок специально для цыган.

По свидетельству А.И. Селевича, жившего по соседству на Ломовицких хуторах, в то лето на Борисовой горе погибли от голода сотни цыган³³. На их перевозку было мобилизовано из соседних селений множество подвод, растянувшихся на все 90 верст от самой Борисовой горы до Евстигнеевки. А.И. Селевич рассказывал своему сыну:

Приехали, а цыгане не хотят слезать. Мужчины пристали:
– Батенька ты наш, продай жеребенка. Видишь, ребятишки совсем голодные.
– Да берите его даром, – отвечал отец. – Только детей мясом накормите. И меня отпустите скорей: не могу больше видеть их, голодных...³⁴

²⁸ Барсагаев П.А. Из истории Чичка-Юльского детского дома...; Чулымские были... С. 15.

²⁹ ЦДНИ ТО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 132. Л. 65.

³⁰ Там же.

³¹ Барсагаев П.А. Драма в тайге...; Как создавали цыганский колхоз...; Чулымские были... С. 17.

³² Барсагаев П.А. Чулымские были... С. 15.

³³ Там же. С. 18.

³⁴ Барсагаев П.А. Драма в тайге...; Как создавали цыганский колхоз...; Чулымские были... С. 18.

Приобщение к труду

Спецпоселение Новокукусовской районной комендатуры создавалось в «дремучей заболоченной тайге» в 15–20 км от местных деревень Богдановки и Монастырки и в 110 км от районного центра. Спецпоселение состояло из трех участков, расположенных в 10 км друг от друга. Расстояние между поселками составляло 1,5–2 км (табл. 2).

Таблица 2

Спецпоселение Новокукусовской районной комендатуры
Сибирского управления лагерей (1931–1948 гг.)

Участки	Трудовые поселки
Первый участок	Чичка-Юльский, Каратузский, Трудколония, Евстигнеевский (для цыган)
Второй участок	Березовский, Курагинский, Осиновский
Третий участок	Усинский, Бирилюсский, Аскизский Кедровый (новый контингент 1933–1934 гг.)

Источник: *Неволин В.А.* Человек, лишенный малой родины. С. 37.

Предназначенную для трудпоселения цыган Евстигнеевку построили на первом участке в красивом сосновом бору в 5–7 км от села Зимовского и в 90–100 км от районного села Пышкино-Троицкого (ныне село Первомайское, центр Первомайского района), за речкой Чичка-Юл, через которую было трудно перебраться без лодки³⁵. Возводили Евстигнеевку спецпереселенцы, «согнанные» из окрестных сел и поселков. За одно лето построили три большие улицы бараков³⁶. Цыгане от участия в строительстве «категорически» отказывались. Их переселяли в готовые дома барачного типа почти насильно. «Новоселы из цыган получились никудышные»³⁷. Привезенные в Евстигнеевку поздней осенью, зимой цыгане сожгли в бараках полы и потолки (костры разводили прямо внутри жилищ) и начали разбегаться, но заблудившись в тайге и кружа по близости от поселка, замерзали. А.Т. Ерохин, работавший в детском доме для детей цыган, рассказывал, что потом в тайге находили «огромные кучи костей. Подавляющее число цыган погибло»³⁸.

По словам Р.А. Истегечева, «хотели там создать цыганский колхоз, приучить к оседлой жизни. Думали, что из такой глуши не убегут»³⁹. Однако цыгане заниматься сельским хозяйством, как им предписывали, не намеревались. Они «первым делом порезали своих лошадей и разбрелись по всем окрестным населенным пунктам, несмотря на строгие запреты». Их ловили и привозили под ружьем опять в Евстигнеевку. Выданное зерно на семена для посева цыгане «жарили на больших железных противнях и с удовольствием ели»⁴⁰. «Картошку они с одного конца поля садили, а с другого выкапывали, пекли на костре и съедали»⁴¹. «Пайков им вечно не хватало (съедали все сразу...), поэтому раздача пайкового хлеба велась в присутствии стрелков и охраны»⁴².

Цыган расселяли и в других селах. Одни работали на лесоповале, а большинство – на раскорчевке гарей под земли будущего колхоза. По словам А.Т. Ерохина, работавшего воспитателем в детском доме в Евстигнеевке

начинали работу дружно, стаскивали хворост и коряги в костры. Но едва огонь разгорался, рабочий пыл пропал, начинались песни и пляски у костров на всю тайгу. И не прекращались до конца рабочего дня...⁴³

³⁵ *Неволин В.А.* Человек, лишенный малой родины. С. 37, 44; *Барсагаев П.А.* Драма в тайге...; Как создавали цыганский колхоз...; Чулымские были... С. 18.

³⁶ *Барсагаев П.А.* Драма в тайге...; Как создавали цыганский колхоз...; Чулымские были... С. 17.

³⁷ *Неволин В.А.* Человек, лишенный малой родины. С. 45.

³⁸ *Барсагаев П.А.* Из истории Чичка-Юльского детского дома НКВД...

³⁹ *Барсагаев П.А.* Драма в тайге...; Как создавали цыганский колхоз...; Чулымские были... С. 17.

⁴⁰ *Неволин В.А.* Человек, лишенный малой родины. С. 44–45.

⁴¹ *Барсагаев П.А.* Из истории Чичка-Юльского детского дома НКВД...

⁴² *Неволин В.А.* Человек, лишенный малой родины. С. 44.

⁴³ *Барсагаев П.А.* Драма в тайге...; Как создавали цыганский колхоз...; Чулымские были... С. 17.

Все очевидцы отмечали, что несмотря на безвыходное положение, цыгане не унывали, пели песни и плясали, почти ежедневно собирались в клубе и давали концерты. В.А. Неволину запомнился танцор Шакера, который «изумительно» плясал. И часто по заказу начальства, но

с условием, чтобы ему давали для пляски чужую обувь, ибо плясал он так, что отставали подметки⁴⁴.

Неволин отмечал еще одну особенность:

[цыгане] беспрекословно слушались своих вожаков. А вожаки вели себя по отношению к своим мучителям независимо, были неподкупны и не поддавались ни на какие соблазны со стороны администрации, пытавшейся завести с ними личные контакты⁴⁵.

Были и попытки воздействовать на начальство угрозами и силой:

Старейшим у цыган был некто Петренко. Нагловатый и нахрапистый, он воздействовал на коменданта Евдокимова, где хитростью, а где угрозой:

– А, гражданин начальник, слышал бы ты, что говорят о тебе цыгане. Бока грозят до смерти намять, голову открутить и ноги повывернуть, если муки не дашь. Не связывайся ты с ними, бандогами, дай килограммов по пять муки, они и отвяжутся. Твоя жизнь дороже муки...

Но не столько от угроз, сколько по доброте своей выдавал Евдокимов дополнительно по три килограмма муки на каждого взрослого и по два – на ребенка. Во время проверки выявили перерасход муки, Евдокимова арестовали и осудили. После него комендантом стал Иван Жеба <...> Человек твердый. Явился к нему Петренко с испытанными угрозами. Выслушал его комендант. Потом достал из одного кармана револьвер, из другого браунинг и предупредил:

– Сначала в вас разряжу все, а последнюю пулю себе оставлю.

На следующий день толпа цыган, вооруженных палками, топорами, ломami, подступила к комендантской избе:

– Гражданин начальник, дай хлеба, ребятишки пухнут с голода, как мухи мрут. Не дашь, разнесем тебя вместе с домом.

Жеба вышел на крыльцо и строго заговорил:

– Все, что положено из хлебного пайка, вы получите полностью. Расходитесь.

Однако цыгане продолжали угрожать и требовать. Тогда комендант выстрелил вверх. Толпа распалась, люди разбежались. Так закончился единственный бунт цыган в Евстигнеевке⁴⁶.

Побеги

Цыгане убегали из мест спецпоселения целыми семьями и в одиночку. Их ловили, везли обратно. И начиналось все сначала⁴⁷. Слишком резкой была перемена их жизни. Цыгане не хотели мириться с попытками заставить их заниматься несвойственными им лесозаготовками и сельским хозяйством. Стремление вырваться на свободу было для цыган, привыкшим кочевать, естественным, благо бежать из мест трудового поселения было легче, чем из тюрьмы или лагеря. В ближайших окрестностях трудпоселков можно было передвигаться довольно свободно. Охранники располагались поодаль, организуя оцепление, чтобы перехватывать из засад тех, кто, пытался покинуть место ссылки. Бдительность охраны не подкреплялась «бессердечием начальства» – вместо того, чтобы давать делам о побегах «бумажный ход», дело ограничивалось «строгим» предупреждением, что означало для цыган шанс для новой попытки⁴⁸. Семье В. Глодо удалось миновать оцепление незамеченным с третьего раза. Имея запас сухарей, питаясь лесной ягодой, одолеваемые комарами и клещами, беглецы счастливо натолкнулись в тайге на охотничью избушку, где по сибирскому обычаю был оставлен запас продуктов. А когда

⁴⁴ Неволин В.А. Человек, лишенный малой родины. С. 45.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Барсагаев П.А. Как создавали цыганский колхоз...; Чулымские были... С. 17–18.

⁴⁷ Неволин В.А. Человек, лишенный малой родины. С. 44.

⁴⁸ Там же.

дошли до реки Чичка-Юл, притоку Чулыма, им снова повезло выйти на село, где жили бывшие ссыльные молдаване, из тех же краев, что и беглецы. Им дали большую лодку и провожатых, чтобы доплыть до Чулыма. Повезло беглецам и дальше – нашелся лодочник, который перевез их через эту широкую сибирскую реку. Дальше путь лежал по железной дороге. Они шли все лето и всю осень – от Чулыма до Козлова (ныне Мичуринск), 3 тыс. км по шпалам и щебенке, о которые босые женщины и дети повредили ноги «до самого жалкого состояния». Спали на земле, в придорожных лесах, на станции старались не выходить⁴⁹. И чем дальше, тем безопаснее им было находиться среди людей – в их глазах они стали обычными кочевыми цыганами.

Но таких удачливых побегов, как описал В. Глодо, было немного. По воспоминаниям В.А. Неволлина:

В конце концов цыгане стали поголовно вымирать. Умирили, а все равно не хотели работать... И никакие коммунистические лозунги ни в чем не смогли их убедить⁵⁰.

Записанные П.А. Барсагаевым свидетельства очевидцев также зафиксировали высокую смертность среди цыган-трудпоселенцев:

Зимой для них не успевали копать могилы. Комендант распорядился относить тела умерших подальше от поселка и засыпать снегом. Весной в поселке началась эпидемия...⁵¹

В результате созданного П.А. Барсагаевым и В.А. Неволлиным нарратива складывается следующий вывод:

В целом судьба всех цыган сложилась трагически. Вольные, степные люди они в первые же две зимы таежного Зачулымья, а морозы стояли под пятьдесят, практически все погибли⁵².

И все же, судя по архивным источникам, видно, что не все цыгане бежали. Часть контингента еще некоторое время оставалась в Евстигнеевке, а после ее исчезновения в других местах спецпоселения. Приведу пример из личного дела Марии Михайловны Литовченко⁵³, из «кочующих» цыган⁵⁴, высланной вместе с семьей в 1933 г. в распоряжение Новокусковской комендатуры. В 1934 г. ее отец Михаил Васильевич Вингилевский умер в Евстигнеевке⁵⁵. В 1935 г. Мария решила на побег, за что была осуждена на 3 года. Срок отбывала в Дальлаге до 15 мая 1938 г. После досрочного освобождения «за хорошую работу»⁵⁶ была направлена снова в Асиновский район в село Батурино, где работала прачкой в медпункте. В 1940 г. совершила новый побег, снова неудачный, но на этот раз без репрессивных последствий⁵⁷. Вышла замуж, родила двух сыновей. Незадолго до рождения второго сына муж, работавший в Батуринском химлесхозе, умер при «выполнении производственного плана»⁵⁸. Мария к этому времени уже болела открытой формой туберкулеза и в 1948 г. умерла в Ново-Кусковской районной больнице, так и не добившись снятия с режима спецпоселения по состоянию здоровья⁵⁹.

⁴⁹ Неволлин В.А. Человек, лишенный малой родины. С. 44.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Барсагаев П.А. Как создавали цыганский колхоз...; Чулымские были... С. 18.

⁵² Барсагаев П.А. Чулымские были... С. 17.

⁵³ Информационный центр УВД Томской области (далее – ИЦ УВД ТО), Ф. 5. Д. Р-16698.

⁵⁴ В анкетах указывались и другие варианты национальности: цыганка, кочующая цыганка, русская цыганка, «Сербия» (ИЦ УВД ТО, Ф. 5. Д. Р-16698. Л. 2, 25, 30).

⁵⁵ Там же. Л. 32.

⁵⁶ Там же. Л. 21, 23, 32.

⁵⁷ Там же. Л. 35.

⁵⁸ Там же. Л. 4, 7, 8.

⁵⁹ Там же. Л. 4–5.

Детдом для детей цыган

Из-за массовой смертности спецпереселенцев на участках, и особенно цыган в Евстигнеевке, там оказалось очень много сирот. Перед Пышкино-Троицкой участковой комендатурой НКВД встал вопрос: что делать с этими детьми? Решили никуда их не вывозить, а открыть детские дома на месте и держать под контролем, «не предавая огласке». Вначале было образовано два детских дома: отдельно для цыганских детей в опустевших «вымороченных» бараках Евстигнеевки, а для всех остальных в поселке Февральском, полностью освободив от построивших его хакасов, которых переселили на другие участки. Одновременно в центре между тремя поселками – Майском, Февральском и Чичка-Юлом началось строительство для детского дома двухэтажного здания⁶⁰. А.Т. Ерохин, работавший воспитателем в «цыганском» детдоме в Евстигнеевке, рассказывал, что размещался детдом в нескольких бараках, из которых взрослые цыгане разбежались, а своих детей побросали⁶¹.

Приказом от 16 февраля 1937 г. детский дом в Евстигнеевке был закрыт. А его персонал и старших воспитанников перевели в Чичка-Юльский детдом в поселке Февральском. Воспитанников было около 200 чел., разных национальностей, в том числе из «цыганской Евстигнеевки», в основном это были сироты, «родители которых погибли в первые годы, только часть цыганят имела родителей, бросивших их в связи с удачным побегом»⁶².

Из письма учительницы Ф. Алафутовой-Заозерской:

Ну, а дети-цыгане – тем только бы петь и плясать, всегда упрашивали побольше делать перемен, чтобы побольше попеть и поплясать, но хоть нехотя, но учились. Запомнились такие мои цыганята: Федя Шишков, Нюра Федорова, Ваня Вертулов, Коля Сличенко, братья Бобровы – плясуны. Где они сейчас, мои хорошие⁶³.

Так же характеризовал цыганских детей В.А. Неволин:

Цыганские дети очень подвижны. Непоседы, они не могут спокойно постоять на месте, не могут спокойно сидеть за столом. Постоянно пляшут или отбивают какой-нибудь ритм. Не жадные и преданные в дружбе. Среди детдомовских детей также выделялись двое цыганят – Ваня Шабанов и Гриша Козловский. До чего же красиво они плясали! Участвовали во всех концертах детдома. Потом их увезли в цыганский ансамбль в Новосибирск⁶⁴.

Перевод цыганского детского дома из Евстигнеевки в Чичка-Юльский детский дом является последним упоминанием о существовании этого трудпоселка, задуманного как место принудительного оседания высланных в Сибирь цыган с целью «освоения севера». В.А. Неволин писал по этому поводу:

Заросли дороги, по которым шли в ссылку цыганские кибитки. Разрушились и сгнили бараки, в которых большевики хотели заставить свободолюбивый народ зажить другой жизнью. Остались безымянными заросшие травой могилы в лесу. Все это ушло в прошлое, и никто не вспоминает о трагедии скоропалительного приобщения таборных людей к социализму...⁶⁵

Выводы

Представленная реконструкция принудительной миграции цыган в 1933 г. в Западную Сибирь позволяет сделать очевидный вывод, что это была попытка их принудительного оседания, предпринятая в контексте общих действий государства,

⁶⁰ Барсагаев П.А. Из истории Чичка-Юльского детского дома...

⁶¹ Барсагаев П.А. Чулымские были... С. 24.

⁶² Там же... С. 19, 25.

⁶³ Там же... С. 25.

⁶⁴ Неволин В.А. Человек, лишенный малой родины. С. 46.

⁶⁵ Там же.

направленных на освоение северных и восточных районов страны силами деклассированного и «бродяжнического» элемента. Создание цыганского трудпоселка в Евстигнеевке вряд ли следует считать попыткой создания цыганского колхоза. Разделяемое некоторыми авторами мнение, что высылку цыган в 1933 г. следует рассматривать в контексте репрессивной политики государства, является ошибочным. Неверно рассматривать депортацию 1933 г., как отмечалось в литературе, а также высылку цыган из Крыма в 1944 г.⁶⁶, целенаправленными антицыганскими акциями. Депортация цыган в Сибирь не вписывается также в типологию внутренних этнических депортаций, куда относят депортации «наказанных народов» (поскольку она не была тотальной), а также в число депортаций, осуществленных по внешнеполитическим причинам, включая иностранно-подданные этнические контингенты (поляков, немцев, финнов, румын).

Поступила в редакцию / Submitted: 05.07.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 25.11.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.12.2023

References

- Barsagaev, P.A. “Chulymskie byli [The Chulymskys Were].” Accessed April 15, 2023. https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/PUBLIKACII/Hudozestwtno-istoroczeskie/Barsagaev-P-A-Zalomnaya_compressed.pdf (in Russian).
- Barsagaev, P.A. “Drama v taige [Drama in Taiga].” *Za sovetskuiu nauku*, July 7, 1990 (in Russian).
- Barsagaev, P.A. “Iz istorii Chichka-Yul'skogo detskogo doma NKVD [From the History of Chichka-Yul orphanage of the NKVD].” Accessed January 1, 2023. <https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/DOCUMENTS/Vospominania/BarsagaevPA/Barsagaev-P-A-Istoriya-CHuchka-Yul'kogo-dd.pdf> (in Russian).
- Barsagaev, P.A. “Kak sozdavali tsynganskii kolkhoz [How the Gypsy Collective Farm Was Created].” *Krasnoe znamia*, February 9–10, 1991 (in Russian).
- Bessonov, N.V. “Tsyngane v Rossii: prinuditel'noe osedanie [Roma in Russia: the Forced Subsidence].” In *Rossii a i eie region v XX veke: territorii – rasselenie – migratsii*. Moscow: OGI Publ., 2005 (in Russian).
- Bessonov, N.V. “Tsyngane: gody ssylok i pobegov [Roma: Years of Exile and Escape].” *October* 30, no. 26 (2002): 10 (in Russian).
- Gusakov, T.Yu. “Tsyngane v postsovet'skom Krymu: voprosy migratsionnoi integratsii [The Roma in post-soviet Crimea: the issues of the migration integration].” *Krest'ianovedenie* 7, no. 1 (2022): 146–170 (in Russian).
- Kalinin, V.I. *Zagadka baltiiskikh tsygan. Oчерки istorii, kultury i sotsial'nogo razvitiia baltiiskikh tsygan* [Mystery of the Baltic Roma. Essey on History, Culture and Social Development of the Baltic Roma]. Minsk: Logvinov Publ., 2005 (in Russian).
- Kurtua, S., Vert, N., et al. *Chiernaia kniga kommunizma* [The Black Book of Communism]. Moscow: Tri Veka Istorii Publ., 1999 (in Russian).
- Marushiakova, E., and Popov, V. “K voprosu ob ustnoi istorii: na primere nesostoiavsheisia tsynganskoi avtonomnoi respubliki v SSSR [The Question of Oral history: the Case of the Failed Roma autonomous Republic in the USSR].” In *Tsynganskii soobshchestva v sotsiume: adaptatsiia, integratsiia, vzaimodeistviia* (Ser. ‘Biblioteka tsynganovedcheskikh issledovaniĭ’). St. Petersburg: Mamatov Publ., 2022 (in Russian).
- Nevolin, V.A. *Chelovek, lishonnyi maloi rodiny* [A man deprived of his small motherland]. Krasnoyarsk: RASTR Publ., 2014 (in Russian).
- Shaidurov, V.N., Sapronova, N.A. Goncharov, Yu.M., and T.A. Novgorodskii “Gypsies in Siberia (end of the 18th – 20th century).” *Journal of the Belarusian State University. History*, no. 2 (2022): 60–72 (in Russian). <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-60-72>

⁶⁶ Крымские цыгане, исповедующие ислам и причисляющие себя к крымским татарам, были ошибочно высланы в Сибирь и республики Средней Азии как крымские татары.

- Smirnova-Seslavinskaya, M. “Tsygane Zapadnoi Sibiri i Urala v istoriko-etnograficheskikh istochnikakh i issledovaniyakh XVIII – nachala XXI vv. [Gypsies of Western Siberia and the Urals in Historical and Ethnographic Sources and Studies of the XVIII – Early XXI Centuries].” In *Tsygane v Orenburgskom sotsiуме: materialy kruglogo stola, posviaschennogo Mezhdunarodnomu dniu tsygan*, 22–43. Orenburg: University Publ., 2013 (in Russian).
- Тепляков, А.Г. *Mashina Terrora: OGPU-NKVD Sibiri v 1929–1941 gg.* [The Terror Machine: Siberian OGPU-NKVD in 1929–1941]. Moscow: Novyi Khronograph Publ., 2008 (in Russian).
- Trenin, B.P., and S.A. Krasilnikov, eds. *1933 god. Nazinskaia tragediia. Dokumentalnoe nauchnoe izdanie* [1933. The Nazin Tragedy. Documentary Scientific Publication]. Tomsk: [S.n.], 2002 (in Russian).
- Yakovlev, A.N., Pobol, N.L., and Polyani, P.M. eds. *Stalinskie deportatsii. 1928–1953* [Stalin’s Deportations. 1928–1953]. Moscow: Materik Publ., 2005 (in Russian).
- Zemskov, V.N. *Spetsposelentsyy v SSSR, 1930–1960* [Special Settlers in the USSR, 1930–1960]. Moscow: Nauka Publ., 2003 (in Russian).
- Zemskov, V.N. *Stalin i narod. Pochemu ne bylo vosstaniia* [Stalin and the People. Why there was no uprising]. Moscow: Algoritm Publ., 2014 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Ираида Владимировна Нам, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, профессор кафедры антропологии и этнологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет; 634050, Россия, Томск, пр-т Ленина, 36; namirina@bk.ru; SPIN-код: 3446-3096; <https://orcid.org/0000-0002-3636-7539>

Iraida Vladimirovna Nam, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of Russian History, Professor at the Department of Anthropology and Ethnology, National Research Tomsk State University; 36, Prospekt Lenina, Tomsk, 634050, Russia; namirina@bk.ru; SPIN-code: 3446-3096; <https://orcid.org/0000-0002-3636-7539>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-86-97>

EDN: MNWMYD

Научная статья / Research article

Тувинский семейный фотоальбом: социальные практики создания и хранения

Чимиза Кудер-ооловна Ламажаа ^a,
Шенне Борисовна Майны ^b, Шенне Юрьевна Кужугет ^b

^a Независимый исследователь, Москва, Россия

^b Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

 lamazhaa@tuva.asia

Аннотация: Анализируются социальные практики создания и хранения тувинского семейного фотоальбома на протяжении XX – начала XXI в. Источниками исследования выступили материалы нарративных биографических интервью с десятью респондентами – коренными жителями Тувы разных возрастов, которые были записаны авторами в апреле – мае 2023 г. Появление фотоальбомов, особенности их создания и хранения отражают общую историю фотоальбомов в советском государстве, а теперь в России. Авторы указывают на то, что в истории фотоальбомов появляются тувинские традиции, например, в фоторамках внутри юрты располагаются фотографии родственников, домашних животных (скакунов), элементы национальной кухни. Но события XX в. сделали для тувинцев актуальной тему потери и кражи фотографий и фотоальбомов. В XXI в. у тувинцев появилось большое разнообразие фотоальбомов на разных носителях, и сегодня семейные фотоальбомы в том числе репрезентируют этничность людей.

Ключевые слова: визуальные исследования, визуальная антропология, этнография Алтая, этническая история Тувы, повседневная жизнь тувинцев

Благодарности и финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).

Для цитирования: Ламажаа Ч.К., Майны Ш.Б., Кужугет Ш.Ю. Тувинский семейный фотоальбом: социальные практики создания и хранения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 86–97. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-86-97>

Tuvan Family Photo Album: Social Practices of Creation and Storage

Chimiza K. Lamazhaa ^a, Shenne B. Mainy ^b, Shenne Yu. Kuzhuget ^b

^a Independent Researcher, Moscow, Russia

^b Tuvan State University, Kyzyl, Russia

 lamazhaa@tuva.asia

Abstract: The authors analyze the social practices of creating and storing a Tuvan family photo album throughout the XX – early XXI century. The sources of the study are the materials of narrative biographical interviews with ten respondents – indigenous residents of Tuva of different ages which

were recorded by the authors in April – May 2023. The appearance of photo albums, the features of their creation and storage reflect the general history of photo albums in the Soviet state, and now in Russia. The authors point out that in the history of photo albums there appear the Tuvan traditions, for example, in photo frames inside the yurt there are photographs of relatives, domestic animals (horses), and elements of national cuisine. But due to the events of the XX century, the issue of loss and theft of photographs and photo albums became relevant for Tuvans. In the XXI century, Tuvans have a wide variety of photo albums on different media, and today family photo albums also represent the ethnicity of people.

Keywords: visual research, visual anthropology, ethnography of Altai, ethnic history of Tuva, everyday life of Tuvans

Acknowledgements and Funding: The work was carried out with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project “Thesaurus of ethnic culture in the 21st century: problems of research and preservation (using the example of Tuvan culture)” (grant No. 21-18-00246).

For citation: Lamazhaa, Ch.K., Mainy, Sh.B., and Kuzhuget, Sh.K. “Tuvan Family Photo Album: Social Practices of Creation and Storage.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (February 2024): 86–97 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-86-97>

Введение

Актуальность. Визуальные исследования (*visual studies*), в частности исследования фотографий, фотоальбомов¹ и других визуальных источников, отражающих эпоху их происхождения, сегодня стали важной частью исторических исследований. Непременным атрибутом повседневной жизни рассматриваются семейные фотоальбомы².

Степень изученности проблемы. Как подчеркивает М. Сандбай, семейные фотоальбомы посвящены социальному и эмоциональному общению³. Они документируют такие аспекты повседневной жизни, которые не всегда получают отражение в других исторических источниках. Речь идет не только о технике фотографии, но и о сюжетной линии, помогающей судить о составе семьи, родственных связях и пр.⁴ Интерес также вызывают факты, связанные с отношением людей, семей к фотографиям.

Авторы статьи ставят задачу рассмотреть историю создания и хранения семейных фотоальбомов сквозь призму особенностей этнической истории. Интерес к данной теме связан также с таким ракурсом, в котором эти социальные практики соотносятся с темой семейной повседневной жизни⁵, коллективной памяти⁶, по-

¹ Вдовина Т.В. Визуальные исследования: основные методологические подходы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2012. № 1. С. 16–26; Петровская Е.В. Фото(био)графия: к постановке проблемы // Авто-био-графия. К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии. М., 2001; Мецгеркина Е. Фотография из семейного альбома // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2004. Т. 2. № 2–3. С. 95–96; Романов П., Ярская-Смирнова Е. Ландшафты памяти: опыт прочтения фотоальбомов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов, 2007. С. 146–168; Гришкова А.А. Социальный смысл фотографии и эволюция семейного фотоальбома // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4. № 4 (16). С. 125–129; Базаров А.А., Дашибалова И.Н. «Проявленная» этничность в семейных фотоальбомах бурят // Власть. 2021. Т. 29. № 4. С. 226–231. <https://doi.org/31171/vlast.v29i4.8409>; Сергеева Н.М., Четырова Л.Б. Визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев в контексте быта в начале XX века // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 257–275. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.19>

² Круткин В.Л. Антропологический смысл фотографий семейного альбома // Журнал социологии социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 1. С. 171–178.

³ Sandbye, M. Looking at the family photo album: a resumed theoretical discussion of why and how // *Journal of Aesthetics & Culture*. 2014. Vol. 6. Issue 1. Article: 25419. <https://doi.org/10.3402/jac.v6.25419>.

⁴ Гришкова А.А. Социальный смысл фотографии и эволюция семейного фотоальбома // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4. № 4 (16). С. 125–129.

⁵ Chalfen R. Turning leaves: The photograph collections of two Japanese American families. Albuquerque, New Mexico, 1991.

⁶ Misztal B. Theories of social remembering. Milton Keynes, 2003.

скольку семья занимает особое место в производстве и поддержании этого вида памяти⁷.

Обратимся в данной статье к социальным практикам тувинцев – коренных жителей Республики Тыва.

Несмотря на то, что исследования тувинской истории и культуры сквозь призму фотографических источников уже начали публиковаться⁸, тем не менее подобный ракурс поднимается впервые. Более того, сама история фотографии в Туве еще очень плохо изучена.

Целью исследования является выяснение особенностей осуществления практик создания и хранения семейных фотоальбомов у тувинцев на протяжении XX–XXI вв. Под семейными фотоальбомами понимаются не только сами альбомы, но и в целом коллекции фотографий, на которых изображены члены семьи разных поколений и в разном составе.

Начиная с появления первых фотографий у тувинцев, как и у многих других народов, история фотографического дела в регионе претерпела значительные изменения. Сначала фотография появилась в Туве как один из способов фиксации и изучения местного населения приезжими исследователями, путешественниками⁹. Со временем появились фотографы, которые стали составлять фотолетопись жизни тувинцев, ее изменений в ходе включения Тувы в орбиту советского государства¹⁰. Тем не менее мы обращаемся не к тем фотографиям, которые делались внешними наблюдателями для себя, а к тем, которые создавались для местного населения, хранились в семейных архивах. В первое время снимки для этого делались людьми, имеющими фотоаппаратуру, фотоателье, позднее, в связи с широкой доступностью данного вида техники тувинцы сами выступают фотографами, запечатлевающими жизнь своих семей.

Источниковая база. Источниками исследования выступили материалы нарративных биографических интервью с десятью респондентами – жителями Тувы разных возрастов, записанными в апреле – мае 2023 г. Беседы велись на тувинском языке, с последующим переводом на русский язык. Этот метод дополнялся изучением самих фотоальбомов, которые обсуждались с нашими собеседниками и демонстрировались ими. Также важными ориентирами в поиске материалов и их анализе были собственные воспоминания авторов статьи как исследователей-инсайдеров, проживающих в данной культуре, имеющих собственные семейные архивы и истории, связанные с ними. При этом для анализа социальных практик были использованы методы социальной антропологии, социологии, исторической науки.

Фотостенды – хоо

Традиционным жилищем тувинцев-кочевников многие века были мобильные жилища – юрты. И до перевода на оседлость в 1950–1960-х гг., основная масса тувинцев проживали в них. Наши собеседники достаточно хорошо помнят фотостен-

⁷ Чалфен Р. Семейные фотографии как коммуникация посредством изображений // Социологический журнал. 2010. № 2. С. 98–117.

⁸ Базыр Р.Н. Зримая история Тувы в фотодокументах Национального архива Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2020. № 2. С. 47–62. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.3>; Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке. Кызыл, 2021.

⁹ История Тувы: в 2 т. Т. 1. / под общ. ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2001.

¹⁰ Дыртык-оол А.Ю. Исторические фотографии В.П. Ермолаева в коллективных монографиях Тувы // I Ермолаевские краеведческие чтения: материалы I Республиканских Ермолаевских краеведческих чтений, посвященных 120-летию со дня рождения первого директора Национального музея Республики Тыва В.П. Ермолаева. Кызыл, 2012. С. 38–42.

ды прошлого в юртах своих семей и родственников, хотя не могут точно сообщить время их появления и того, кто сделал эти фотографии.

На почетном месте юрты, на решетчатой стене над сундуками с ценными вещами напротив входа вешался деревянный плоский стенд (впоследствии рама со стеклом), которую делали самостоятельно. На нее приклеивали (вставляли) фотографии родных, детей, а также снимки со значимых событий (например, со свадьбы) и др. Фотостенды (фоторамы) имели собственное название *хоо* «рама»¹¹, но далеко не все современные тувинцы помнят и знают его. Поэтому произносят по-русски «фотостенды», «стенды».

Вот что по этому поводу говорит А.С. Салчак (1974 г.р., работник образования):

Фото были собраны в одной большой *хоо*. В нее собирались разные фотографии – или одного человека, а чаще – всей семьи. Бывали разные фотографии молодости, фото, где дети маленькие.

А.Х. Кан-оол (1972 г.р., работник культуры) добавляет следующее:

В нашем доме в селе были разнообразные рамы. Когда мой отец мастерил из дерева очень красивую рамку со стеклом, мы вешали туда свои фотографии. Также, когда в семье рождается новый человек, ребенка фотографировали и его фото вешали рядом с другими.

Животновод А.Д. Куулар (1960 г.р., животновод) рассказала, что ее *хоо* около 40 лет. Она хранит ее в почетном месте юрты (рис. 1):

Наша самая первая юрта устанавливалась на берегу реки Алаш. Лет сорок назад в ней мы стали вешать рамы с фотографиями на стенах. Они до сих пор сохранились. Там есть фотографии моих младших братьев и сестер, фотографии их детей, снимки с праздников нашей семьи, таких как сватовство, свадьба.

Рис. 1. Фоторама *хоо* в юрте животновода А.Д. Куулар
Figure 1. Photo frame of the *khoo* in the yurt of livestock breeder A.D. Kuular

Источник: Фотография сделана Ш.Ю. Кужугет, 2023 г.

Source: Photo taken by Sh.Yu. Kuzhuget, 2023.

Поскольку во времена срочной службы в советское время было также традицией фотографироваться вместе с сослуживцами, то одним из распространенных сюжетов фотографий стали изображения хозяина дома, его братьев, сыновей в военной форме. Затем на фотографиях появились изображения разнообразных лока-

¹¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э.Р. Тенишева. М., 1968. С. 482.

ций (на природе, возле здания, в студии фотоателье), добавились фотографии коней, национальной еды. Помимо членов семьи были также фотографии известных личностей, например Ю. Гагарина, В. Ленина.

Самими респондентами появление фотостендов связывается с влиянием русской культуры. А.С. Салчак (1974 г.р., работник образования) сообщил следующее:

Я думаю, что тувинцы начали делать фотографии, глядя на то, как это делают русские, когда вошли в состав Советского Союза.

Мы полагаем, что это новация прижилась и стала массовой, поскольку она заменила у тувинцев «красные уголки», в которых раньше стояли религиозные буддийские изображения, предметы¹². Соседства семейных фотографий с богами практически никто не помнит. Наличие специальных алтарей с культовыми предметами в юртах тувинцев исследователи связывают с влиянием буддизма. Тем не менее в традициях шаманизма, добуддийской религиозной системы тувинцев, также было подобное – на решетчатой стене юрты висели изображения духов-покровителей¹³. Поэтому в жилищах всегда были сакральные места. В связи с запретом религии в советское время держать открыто предметы культов дома «красные уголки» заменили фотографии. Самыми ценными были черно-белые, портретные фотографии родителей, бабушек, родившихся на рубеже XIX–XX вв., возможно, единственные, сделанные при их жизни.

Рис. 2. Типичный домашний фотостенд семьи тувинцев-горожан
Figure 2. A typical home photo stand of a Tuvan city-dwelling family

Источник: Фотография сделана и передана авторам Ч. Санчай, 2023 г.

Source: Photo taken and shared with the authors by Ch. Sanchai, 2023.

¹² Монгуш М.В. История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.). Новосибирск, 2001. С. 106–118; Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. М., 1991. С. 84.

¹³ Там же. С. 84.

Переехав из юрт в стационарные дома, тувинцы забрали с собой и фотостенды. Со временем фоторамы «распались» на отдельные фотографии, уже вставляемые в приобретаемые стандартные рамки. Но общий принцип их размещения такой же – в группе. Особенно часто группы семейных фотографий можно наблюдать на стенах в сельских домах тувинцев, однако нередки они и в домах горожан. И поскольку необходимость скрывать религиозные уголки со временем отпала, то фотографии могут соседствовать с ними (рис. 2). При этом, по мнению наших респондентов, смысл фотостендов стал заключаться в идее преемственности памяти семьи.

Так, традиция сакральных изображений трансформировалась в практику хранения фотостендов с изображениями родных людей.

Советские фотографии и фотоальбомы

После 1960-х гг., продолжая поддерживать появившуюся традицию фотостендов, тувинцы также переняли в советское время новую моду – создавать, коллекционировать семейные фотоальбомы.

Сами фотоаппараты были роскошью, поэтому фотографии делались приглашенными фотографами или в специальных фотоателье. Люди заранее готовились к фотосессии, приезжали из сел и деревень в районный центр, покупали новую одежду, готовились как на праздник.

Также респонденты говорят, что фотографировали значимые события в жизни человека. А.Х. Кан-оол (1972 г.р., работник культуры) сообщил:

27 лет назад, в 1996 г., в селе Аксы-Барлык, когда моему старшему сыну было пару месяцев, я специально пригласил учителя музыки, у которого был фотоаппарат, чтобы снять своего сына.

Количество фотоальбомов. Сегодня практически у каждой тувинской семьи есть целые наборы фотографий в альбомах разных лет (рис. 3). Причем альбомы персонифицировались, делились на периоды жизни (детство, школьные годы, студенчество, семейная жизнь, воинская служба).

Рис. 3. Стандартный набор фотоальбомов тувинской семьи
Figure 3. Standard set of photo albums of a Tuvan family

Источник: Фотография сделана и передана авторам Ч. Санчай, 2023 г.
Source: Photo taken and shared with the authors by Ch. Sanchai, 2023.

С.Б. Куулар (1986 г.р., работник здравоохранения) вспоминает по этому поводу следующее:

В советское время в нашем доме были разные альбомы: родителей, семьи, мой собственный, сестры Саиды. В альбоме родителей в основном их фотографии (они были учителями) во время работы, во время путешествий. Так как мать была учителем, в ее альбоме находились фотографии ее учеников, выпускников, фото с обучающимися.

Особенно популярны у тувинцев были также «дембельские» альбомы, один видов солдатского творчества, часть солдатской субкультуры 1960–1980-х гг.

У семей стало традицией показывать гостям свои семейные альбомы, предваряя тем самым подачу угощения на стол, обсуждая новости из жизни родственников. В том числе поэтому создание, хранение фотоальбомов, как вспоминает А.Х. Кан-оол (1972 г. р., работник культуры), стало практически обязательным в каждой семье.

Наши респонденты поделились интересными рассказами об особенностях декорирования фотографий и фотоальбомов. Ч.Х. Санчай (1970 г. р., работник культуры), в частности, сообщил:

Альбомы красиво оформляли. В моем альбоме есть мой нарисованный портрет, также написано мое имя, а на последней странице альбома все однокурсники поставили свои подписи.

Практиковалось и вырезание людей из фотографий для размещения изображений в альбом с подписью¹⁴.

В советское время создание и хранение фотоальбомов мало связывалось с идеей их передачи кому-либо, скорее люди фиксировали для себя свою жизнь, сохраняли фотографии своих родителей. Но постепенно фотографии, фотоальбомы начали приобретать особую ценность. В конце советского периода истории, с 1980-х гг., когда в обществе начали обсуждать тему возрождения национальной культуры, семейные фотоальбомы стали восприниматься как репрезентация состава семьи, родственных отношений, связей и их истории. В частности, М.К. Хомушку (1967 г. р., работник образования) так оценивает его значимость:

Семейный фотоальбом показывает, кто я, из какой родственной группы, кто мои родственники. Он позволяет знакомиться со своей родней, узнать ее историю.

Передача знаний о родственных связях тувинцах, составе семей, поколений была составной частью традиционной культуры, но ранее обширные знания о роде, о предках тувинцы передавали устно¹⁵. Теперь знания об ушедших предках, о прошлом материализовались, фотоальбомы стали частью семейной памяти. Люди стали ценить старые фотоснимки, восстанавливали старые альбомы. Их ценность стала востребованной и краеведами, они стали проводить различные фотоконкурсы¹⁶.

Таким образом, семейные фотоальбомы вошли прочно в повседневную жизнь тувинцев. Изначально заменив собой сакральные изображения, предметы религиозного культа, они зажили далее собственной жизнью, став для тувинцев важными и ценными как новый материальный способ сохранить образы уходящего времени и людей, передачи их потомкам.

¹⁴ Сангы-Бадра Р.Р. Семейная фотография как объект исследования трансформации системы ценностей тувинцев: магистерская диссертация. Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. 2017. С. 67.

¹⁵ Ламажаа Ч.К., Сувандии Н.Д., Кужжугет Ш.Ю., Майны Ш.Б. Тувинцы. Родные люди. СПб., 2022.

¹⁶ Например: Объявлен республиканский фотоконкурс «История Тувы из семейного альбома» // Тува. Азия. 2012, 16 февраля. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/4443-fotokonkurs.html> (дата обращения: 01.05.2023); Нурзат У.Б. Подведены итоги фотоконкурса «История Тувы из семейного альбома» // Тува. Азия. 2012, 16 октября. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/5471-istoriya-tuvy-foto.html> (дата обращения: 01.05.2023).

Кражи, потери фотографий

Тема хранения тувинцами своих фотографий, их поиска и восстановления связана с утратами фотографий, которые в основном случались по двум причинам: кражи и потери.

В советское время у тувинцев распространилась такая практика, как кражи фотографий друг у друга. Фотографирование было удовольствием не дешевым, не все могли себе этого позволить. При этом у тувинцев были достаточно давние традиции воровства. Как писал А.В. Адрианов в конце XIX в., «воровство до такой степени укоренилось в нравах этого народа, что составляет предмет похвальбы и гордости, если совершено удачно; по мнению народа, оно совсем не есть преступление и составляет одно из самых обычных занятий громадного большинства населения»¹⁷. Исследователи стали рассматривать даже виды традиционного воровства у тувинцев, в т. ч. воровство скота, поскольку за этим стоит целая субкультура скотокрадов – удалых молодцов *кайгал*¹⁸. Бытовое же воровство (*оорлар*) осталось не изученным.

Воспоминания наших респондентов позволяют восстановить информацию об этой практике. Вот что по этому поводу сообщил М.К. Хомушку (1967 г. р., работник образования):

Одноклассники или однокурсники интересуются, просят посмотреть альбом. Приходится контролировать их изучение альбома. Сидишь и караулишь. Если даже фотография прочно приклеена, то все равно оторвут, украдут.

Интересно то, что подобные кражи не воспринимаются как некое криминальное деяние. Это скорее одна из вариаций архаичного обычая *оорлашкын*. «Тувинско-русский словарь» переводит его как «воровство, кража, похищение»¹⁹. Мы считаем, суть его заключается в том, что в определенные моменты тувинцы берут друг у друга без ведома хозяев вещи (не только фотографии) и как бы перераспределяют их. Поэтому в тувинском языке есть производная этого слова *оорлажыр* – воровать, похищать друг у друга²⁰. И в этом участвовали ранее все, даже состязаясь на ловкость. Крадущий не испытывал никаких угрызений совести по этому поводу, и это не вызывало порицания со стороны других²¹. Со временем этот обычай перестал быть массовым. Но в течение всего XX в., в советский период, он особенно сильно коснулся сферы, связанной с фотографиями. И сейчас отношение к этому прежде всего у пострадавших, как мы понимаем, колеблется между примирением и возмущением. Собственникам порой трудно вернуть свое добро, даже если все стороны знают, чья эта вещь.

Что касается потерь, то терялись отдельные фотографии, целые альбомы по причинам частых переездов, стихийных бедствий, разводов с дележом имущества. Бывает также, что после смерти родителей сначала родственники избавляются от

¹⁷ Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Описание Минусинского музея. Минусинск, 1900. Вып. 4. С. 74.

¹⁸ Мышляцев Б.А. Похититель скота и социальная гармония. Некоторые аспекты отношений собственности у тувинцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы международной научно-практической конференции, Барнаул, 23–26 сентября 2003 года / отв. ред. М.А. Демин, Т.К. Щеглова. Вып. 5. Барнаул, 2003. С. 132–135; Кисель В.А. Образ кайгала в тувинской культуре (эмоциональное восприятие и политическая конъюнктура) // Кунсткамера. 2018. № 2. С. 153–161. <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-2-153-161>

¹⁹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э.Р. Тенишева. М., 1968. С. 323.

²⁰ Там же.

²¹ Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году (извлечения) // Урянхай. Тыва дептер: в 7 т. Т. 3. Урянхайский край. Тувинско-русские отношения (начало XVII – начало XX вв.). М., 2007. С. 98–111.

старых вещей, в том числе альбомов. Позже это стало вызывать большие сожаления. Так, Н.Ю. Кужугет (1992 г.р., юрист) делится своими переживаниями:

Сейчас мне очень обидно, что у меня не осталось ни одной детской фотографии. Когда я стал семейным человеком, обзавелся детьми, моими детскими фотографиями интересуются мои дети.

Став ценными объектами материальной культуры, фотографии, фотоальбомы в определенной мере продлили жизнь архаичной тувинской традиции *оорлажыр*.

Семейные фотоальбомы тувинцев сегодня

В современных условиях у тувинцев, как и у всех, сама практика создания и хранения фотоальбомов стала меняться в связи с распространением личного фотографирования (где угодно, в любой момент) и развитием технологий цифрового хранения²². Мы все знаем об электронных презентациях фотографий, пересылках их по мессенджерам для показа друг другу, ведении папок в социальных сетях, собирании лайков и пр.

Само фотографирование и печать снимков стали делом весьма обыденным, повседневным. При этом печать делается только для фотостендов дома или по особо памятным случаям (свадьба, рождение ребенка). То есть тувинцы ведут себя, как и прочие современные люди.

А что определяется их этнической культурой и этнокультурными практиками? Во-первых, в этих условиях стала сходить на нет традиционная практика кражи друг у друга фотографий. Сегодня, наоборот, принято делиться фотографиями доступными способами. И эта практика также укрепляет родственные связи у тувинцев²³.

Во-вторых, фотографирование у тувинцев сегодня, как и у других этносов, стало частью практик этнической презентации²⁴. Большинство на своих семейных традиционных обрядовых праздниках, стараются фотографироваться в национальных костюмах²⁵, затем выкладывая фото в социальные сети. Тема семейных фотографий активно используется в культурно-массовой работе с населением органами власти. Различные учреждения проводят конкурсы семейных фотографий²⁶. Многие семьи специально фотографируются для них, а впоследствии из фотографий делают себе альбомы. Поэтому несмотря на то, что исследователи могут говорить об исчезающей традиции проявленной этничности в семейных фотоальбомах²⁷, тем не менее, подчеркнем, что речь может идти только о физических носителях. Сами же фотоальбомы продолжают существовать, только уже в других видах.

²² *Сабенникова И.В.* Личные архивы и их трансформация в эпоху цифровизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 251–257. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-251-257>

²³ *Ламажаа Ч.К.* Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 115–129. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

²⁴ *Базаров А.А., Дашибалова И.Н.* «Проявленная» этничность в семейных фотоальбомах бурят // Власть. 2021. Т. 29. № 4. С. 226–231. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i4.8409>

²⁵ *Майны Ш.Б.* Семейный обряд хылбык дой городских тувинцев // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 76–88. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.6>; *Ламажаа Ч.К., Сувандии Н.Д., Кужугет Ш.Ю., Майны Ш.Б.* Тувинцы. Родные люди. СПб., 2022. С. 139–145; *Ламажаа Ч.К., Майны Ш.Б.* Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 405–421. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>; Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке / под ред. Ч.К. Ламажаа и Н.Д. Сувандии. Кызыл, 2021; *Ламажаа Ч.К.* Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 6–25. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

²⁶ Например, фотоконкурс «Ойнаалам че, оюнчуклай» // ВКонтакте. URL: https://vk.com/album-216618267_291070139 (дата обращения: 01.05.2023).

²⁷ *Базаров А.А., Дашибалова И.Н.* «Проявленная» этничность в семейных фотоальбомах бурят // Власть. 2021. Т. 29. № 4. С. 226–231. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i4.8409>

Выводы

В целом история появления и хранения фотоальбомов у тувинцев, которую мы веками восстановили, опираясь на наши источники, как мы видим, вписывается в историю повседневной жизни СССР – России в XX – начале XXI в. страны. Вместе с тем в социальных практиках, о которых нам рассказали информаторы, получили отражение особенности тувинской истории (появление фоторамок в юртах), влияние социокультурных традиций тувинцев (кражи фотографий как остаточные следы обычая *оорлажыр*). В новейшей истории Тувы фотографирование, особенно в формате фотосессий, также связывается с желанием подчеркнуть свою этническую идентичность, репрезентовать ее. Во всей этой эволюции истории семейного фотоальбома тувинцев можем видеть, как менялось их отношение к семейной памяти, как она обогащалась объектами материальной культуры и какое значение она приобрела в современном тувинском обществе.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.06.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 23.11.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.12.2023

References

- Adrianov, A.V. “Puteshestvie na Altai i za Saiany, sovershennoe v 1881 godu (izvlecheniia) [Travel to Altai and beyond the Sayans, made in 1881 (extracts)]. In vol. 3 of *Uriankhai. Tyva depter*. Moscow: Slovo Publ., 2007 (in Russian).
- Bazarov, A.A., and Dashibalova, I.N. “‘Developing’ ethnicity in family photo albums of buryats.” *Vlast* 29, no. 4 (2021): 226–231, <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i4.8409> (in Russian).
- Bazyr, R.N. “Visible history of Tuva in photo documents at the National Archives of the Republic of Tuva.” *The New Research of Tuv*, no. 2 (2020): 47–62, <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.3> (in Russian).
- Chalfen, R. “Semeinye fotografii kak kommunikatsiia posredstvom izobrazhenii [Family photographs as communication through images].” *Sociologicheskij zhurnal*, no. 2 (2010): 98–117 (in Russian).
- Chalfen, R. *Turning leaves: The photograph collections of two Japanese American families*. Albuquerque, NM: University of New Mexico Press, 1991.
- Dyrtyk-ool, A.Yu. “Istoricheskie fotografii V.P. Ermolaeva v kollektivnykh monografiyakh Tuvy [Historical photographs by V.P. Ermolaev in collective monographs of Tuva].” In *I Ermolaevskie kraevedcheskie chteniia: materialy I Respublikanskikh Ermolaevskikh kraevedcheskikh chtenii, posviashchennykh 120-letiiu so dnia rozhdeniia pervogo direktora Natsional'nogo muzeia Respubliki Tyva V.P. Ermolaeva*, 38–42. Kyzyl: [N.s.], 2012 (in Russian).
- Grishkova, A.A. “Social’ny’i smysl fotografii i evolyutsiia semeinogo fotoal'boma [The social meaning of photography and the evolution of the family photo album].” *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 4, no. 4 (16) (2016): 125–129 (in Russian).
- Kisel, V.A. “The image of kaigal in tuvan culture (emotional perception and political situation).” *Kunstkamera*, no. 2 (2018): 153–161. <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-2-153-161> (in Russian).
- Krutkin, V.L. “Antropologicheskii smysl fotografii semeinogo alboma [The anthropological meaning of family album photography].” *Zhurnal sotsiologii sotsial'noi antropologii* 8, no. 1 (2005): 171–178 (in Russian).
- Lamazhaa, Ch.K. “Concepts of Culture: Form, idea, social regulation.” *New Research of Tuva*, no. 1 (2023): 6–25. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.1.1> (in Russian).
- Lamazhaa, Ch.K. “Social Culture of Tuvans and Online Space.” *New Research of Tuva*, no. 2 (2021): 115–129. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10> (in Russian).
- Lamazhaa, Ch.K., and Mainy Sh.B. “Tuvan Wedding Rites: from Establishment of Family Ties to Social Presentation.” *Oriental Studies* 13, no. 2 (2020): 405–421. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421> (in Russian).
- Lamazhaa, Ch.K., Suvandii, N.D., Kuzhuget, Sh.Yu., and Mainy, Sh.B. *Tuvintsy. Rodnye liudi* [Tuvans. Native people]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2022 (in Russian).
- Lamazhaa, Ch.K., Suvandii, N.D., Kuzhuget, Sh.Yu., Mainy, Sh.B., and Sanchai, Ch.Kh. *Tuva: Rodnaya zemlya* [Tuva: Motherland]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2023 (in Russian).

- Lamazhaa, Ch.K., and Suvandii, N.D., eds. *Dagylga: tuvinskie obriady osv'yashheniia v XXI veke* [Dagylga: tuvan consecration rites in the XXI century]. Kyzyl: [N.s.], 2021 (in Russian).
- Mainy, Sh.B. "Family rite of khylybyk doy of urban tuvans." *New Research of Tuva*, no. 4 (2021): 76–88. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.6> (in Russian).
- Meshherkina, E. "Fotografiya iz semejnogo al'boma [Photo from family album]." *Interaktsiya. Interv'iu. Interpretatsiya* 2, no. 2–3 (2004): 95–96 (in Russian).
- Misztal, B. *Theories of social remembering*. Milton Keynes: Open University Press, 2003.
- Mongush, M.V. *Istoriia buddizma v Tuve (vtoraia polovina VI–konets XX v.)* [History of Buddhism in Tuva (second half of the VI – end of the XX century)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2001 (in Russian).
- Myshlyavtsev, B.A. "Pokhititel' skota i sotsial'naia harmoniia. Nekotorye aspekty otnoshenii sobstvennosti u tuvintsev [Cattle Thief and Social Harmony. Some aspects of property relations among Tuvans]." In *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Ethnography of Altai and adjacent territories: materials of the international scientific and practical conference], edited by M.A. Demin, T.K. Shcheglova, 132–135. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy Publ., 2003 (in Russian).
- Petrovskaya, E.V. "Foto(bio)ografiya: k postanovke problemy [Photo(bio)graphy: to the formulation of the problem]." In Podorogi, V.A., ed. *Avto-bio-grafiya. K voprosu o metode. Tetradi po analiticheskoi antropologii* [Autobiography. On the question of the method. Notebooks on analytical anthropology]. Moscow: Logos Publ., 2001 (in Russian).
- Romanov, P., and Yarskaya-Smirnova, E. "Landshafty' pamyati: opyt prochteniia fotoal'bomov [Landscapes of memory: the experience of reading photo albums]. In *Vizual'naia antropologiya: novye vzglyady na sotsial'nuu real'nost'* [Visual Anthropology: New Perspectives on Social Reality], 146–168. Saratov: Nauchnaya kniga Publ., 2007 (in Russian).
- Sabennikova, I.V. "Personal Archives and their Transformation in Digital Era." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (2022): 251–257. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-251-257> (in Russian).
- Sandbye, M. "Looking at the family photo album: a resumed theoretical discussion of why and how." *Journal of Aesthetics & Culture* 6, no. 1 (2014): 25419. <https://doi.org/10.3402/jac.v6.25419>
- Sangy-Badra, R.R. "Semeinaya fotografiya kak ob'ekt issledovaniya transformatsii sistemy' cennostej tuvincev [Family photography as an object of study of the transformation of the value system of Tuvans]." Master diss., Novosibirsk national research state university, 2017 (in Russian).
- Sergeeva, N.M., and Chetyrova, L.B. "Visual representation of the Oirat-Kalmyks and Tuvans in the context of power relations." *New Research of Tuva*, no. 4 (2022): 257–275. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.19> (in Russian).
- Vainshtein, S.I. *Mir kochevnikov Centra Azii* [The world of nomads of Central Asia]. Moscow: Nauka Publ., 1991 (in Russian).
- Vasilyev, D.V., and Ryabov, A.V. "The Visualization of Imperial Space: The Experience of the Central Asian Region of Russia." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 591–611. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-591-611> (in Russian).
- Vasilyeva, E.V., Vasilyeva E.V., and Strel'nikova A.V. "Biograficheskaiia pamyat' gorodskikh semei: opyt analiza fotoal'bomov [Biographical memory of urban families: experience in analyzing photo albums]." *VESTNIK RGGU. Seriya "Filosofiia. Sociologiia. Iskusstvovedenie,"* no. 2 (2012): 288–304 (in Russian).
- Vdovina, T.V. "Vizual'nye issledovaniia: osnovnye metodologicheskie podkhody [Visual research: basic methodological approaches]." *RUDN Journal of Sociology*, no 1 (2012): 16–26 (in Russian).
- Yakovlev, E.K. *Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniia doliny Iuzhnogo Eniseia* [Ethnographic review of the non-Russian population of the Southern Yenisei valley], vol. 4. Minusinsk: Tipografiya V.I. Kornakova Publ., 1900 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Чимиза Кудер-ооловна Ламажаа, доктор философских наук, независимый исследователь; Москва, Россия; lamazhaa@tuva.asia; SPIN-код: 5840-5430; <https://orcid.org/0000-0003-1813-3605>

Chimiza Kuder-oolovna Lamazhaa, Dr. Habil. Philosophy, Independent Researcher; Russia; lamazhaa@tuva.asia; SPIN-code: 5840-5430; <https://orcid.org/0000-0003-1813-3605>

Шенне Борисовна Майны, кандидат культурологии, старший научный сотрудник лабора-

Shenne Borisovna Mainy, PhD in Cultural Studies, Senior Researcher of the Laboratory of Ethnology

тории этнологии и лингвокультурологии, Тувинский государственный университет; 667000, Россия, Кызыл, ул. Монгуша Сата, 9, лит. В; shenne85@mail.ru; SPIN-код: 8592-2077; <https://orcid.org/0000-0002-9106-2148>

Шенне Юрьевна Кужугет, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии, заведующая кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования, Тувинский государственный университет; 667000, Россия, Кызыл, ул. Монгуша Сата, 9, лит. В; kuzhuget-sh@mail.ru; SPIN-код: 9147-8404; <https://orcid.org/0000-0002-3507-3053>

and Linguoculturology, Tuvan State University; 9/B, Mongush Sat St, Kyzyl, 667000, Russia; shenne85@mail.ru; SPIN-code: 8592-2077; <https://orcid.org/0000-0002-9106-2148>

Shenne Yurevna Kuzhuget, PhD in Philology, Senior Researcher of the Laboratory of Ethnology and Linguoculturology; Head of the Department of Pedagogy and Methods of Preschool and Primary Education, Tuvan State University; 9/B, Mongush Sat St, Kyzyl, 667000, Russia; kuzhuget-sh@mail.ru; SPIN-code: 9147-8404; <https://orcid.org/0000-0002-3507-3053>

СТАТЬИ
ARTICLES

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-98-108>
EDN: NRGZXV

Научная статья / Research article

Россия, Мексика и США в борьбе за Калифорнию в 1820–1840-е гг.

Александр Юрьевич Петров ^{a,b} , Алексей Николаевич Ермолаев ^{c,d}

^a Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

^b Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

^c Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

^d Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия

 alaska13@yandex.ru

Аннотация: Анализируется процесс взаимодействия России, Мексики и США в контексте борьбы за Верхнюю Калифорнию. Суть этого процесса сводилась к дипломатической, военно-политической и хозяйственной активности указанных держав, направленных на занятие земель в Калифорнии и юридического оформления их за той или иной державой. Цель исследования заключается в установлении причин неудачных действий Испании и России в Верхней Калифорнии, приведших к подчинению этой территории Соединенным Штатам Америки. Источниковая база основана на делопроизводственных, дипломатических и мемуарных источниках, опубликованных в различных сборниках и периодической печати. Показана борьба между Россией, Мексикой и США за обладание землями в Верхней Калифорнии. Установлено, что Россия действовала посредством Российско-американской компании, управлявшей русскими колониями в Америке. При этом правительство России придерживалось принципа легитимизма, что сдерживало инициативы компании по расширению своего влияния. Авторы пришли к выводу, что Соединенные Штаты Америки действовали более активно в этом регионе и использовали свое экономическое и торговое превосходство для усиления своего влияния. Россия не смогла составить конкуренцию США и упустила выгодную возможность заключить соглашение с Мексикой, чтобы противостоять американцам и юридически оформить свои владения в Калифорнии, форт Росс и другие территории.

Ключевые слова: Верхняя Калифорния, Русская крепость форт Росс, доктрина Монро, борьба за колонии, соперничество Мексики, России и США

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00043, <https://rscf.ru/project/22-18-00043/> в Институте всеобщей истории РАН.

Для цитирования: Петров А.Ю., Ермолаев А.П. Россия, Мексика и США в борьбе за Калифорнию в 1820–1840-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 98–108. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-98-108>

Russia, Mexico and the USA in the struggle for California in the 1820–1840s

Aleksandr Yu. Petrov ^{a,b} , Alexey N. Ermolaev ^{c,d}

^a Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

^c Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

^d Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russia

 alaska13@yandex.ru

Abstract: The authors analyze the process of interaction between Russia, Mexico and the United States in the context of the struggle for Alta California. The essence of this process was the diplomatic, military-political and economic activity of these powers aimed at occupying lands in California and legalizing them by some of them. The purpose of the study is to establish the reasons for the unsuccessful actions of Spain and Russia in Alta California which led to the subordination of this territory to the United States of America. The source base is the office, diplomatic and memoir sources published in various collections and periodicals. The study shows the struggle between Russia, Mexico and the United States for the possession of lands in Alta California. It was established that Russia acted through the Russian-American company which controlled the Russian colonies in America. At the same time, the Russian government adhered to the principle of legitimism which restrained the company's initiatives to expand its influence. The authors conclude that the United States was more active in the region and used its economic and trade superiority to increase its influence. Russia was unable to compete with the United States and missed a good opportunity to conclude an agreement with Mexico to confront the Americans and legalize its possessions in California, Fort Ross and other territories.

Keywords: Upper California. The Russian fortress Fort Ross, the Monroe doctrine, the struggle for the colonies, the rivalry of Mexico, Russia and the USA

Acknowledgements and Funding: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 22-18-00043 (<https://rscf.ru/project/22-18-00043/>) at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Petrov, A.Yu., and Ermolaev, A.N. "Russia, Mexico and the USA in the struggle for California in the 1820–1840s." *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (February 2024): 98–108 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-98-108>

Введение

Актуальность. В условиях быстро меняющегося мирового порядка и формирования многополярного мира обращение к историческим примерам противостояния и борьбы за влияния в том или ином регионе, а также изучение исторического опыта разрешения противоречий является вполне актуальной и востребованной темой.

Степень изученности проблемы. В отечественной и зарубежной историографии к проблеме противостояния России, Мексики и США в Верхней Калифорнии обращались многие исследователи. В отечественной историографии следует отметить работы Н.Н. Болховитинова, посвященные доктрине Монро и русско-американским отношениям¹. Еще один отечественный ученый М.С. Альперович детально изучил историю Мексики и русско-испанские отношения². Из зарубежных авторов данной

¹ Болховитинов Н.Н. 1) Доктрина Монро (происхождение и характер). М., 1959; 2) Русско-американские отношения, 1815–1832. М., 1975.

² Альперович М.С. Война за независимость Мексики (1810–1824). М., 1964.

темой занимались следующие исследователи Джон Смит³, Уильям Тернер⁴, Мэри Джонсон⁵, Мигель Гарсия⁶, Роберт Миллер⁷ и др. Несмотря на довольно обширную библиографию не все аспекты борьбы держав за Верхнюю Калифорнию изучены достаточно подробно.

Целью исследования является определение причин, которые объясняют военно-политическую конфигурацию, позволившую Соединенным Штатам Америки установить контроль над Верхней Калифорнией, и неудачи России в юридическом оформлении за империей форта Росс.

Источниковой базой послужили многочисленные дипломатические и делопроизводственные материалы, а также некоторые мемуарные источники. Значительная часть исторических источников была опубликована в фундаментальных сборниках документов, в частности «Россия в Калифорнии». Сопоставление фактов, изложенных в источниках, позволяет определить позицию высших чиновников Российской империи и различных министерств и ведомств, причастных к формированию внешней политики государства в отношении Верхней Калифорнии. Мемуарные источники позволяют охарактеризовать личное мнение различных лиц, причастных к этому вопросу. Они дают возможность понять мотивы и определить скрытые причины при разработке и принятии решений.

Расстановка политических сил

Первая четверть XIX в. ознаменовалась мощным национальным подъемом в испанских колониях Америки и войной за независимость. Под давлением непрерывных восстаний и войн испанская колониальная империя рухнула. Одна за другой колонии объявили о своей независимости. В числе самых крупных из них была Мексика, провозгласившая независимость в 1821 г. Ее владения простирались от Панамского перешейка до Верхней Калифорнии. Внутри Мексиканской империи продолжалась борьба между сторонниками республики и монархии. Первоначально вверх одержали монархисты, императором Мексики был провозглашен один из героев освободительной войны Агустин де Итурбиде. В июле 1822 г. он официально короновался и принял имя Агустина I. Против монархической формы правления началось мощное восстание, в результате в марте 1823 г. император отрекся от престола и бежал в Европу. Однако в июне 1824 г. он вернулся в Мексику с небольшим отрядом и попытался вернуть себе власть, но был схвачен и расстрелян в тот же месяц. В том же году в Мексике была принята конституция, провозгласившая ее республикой. Однако сторонники монархии все еще были довольно сильны, особенно на окраинах государства⁸.

Соединенные Штаты Америки старались не вмешиваться в ход войны испанских колоний за независимость. Прокламация о нейтралитете США была объявлена 1 сентября 1815 г. Однако на самом деле американцы не собирались быть сторонними наблюдателями процесса распада испанской колониальной империи. По мнению историка Н.Н. Болховитинова, дипломатическое ведомство США рассчитыва-

³ *Smith J.A.* Russian Expansion in North America: The California Question (1820–1830). Cambridge University Press, 1985.

⁴ *Turner W.M.* Mexican-American Relations and the Contest for California, 1830–1848. Stanford University Press, 1994.

⁵ *Johnson M.L.* The Bear Flag Republic: Russia, Mexico, and the United States in the Struggle for California, 1840–1848. University of California Press, 2003.

⁶ *Garcia, M.R.* Crossroads of Empires: Russia, Mexico, and the United States in the Struggle for California, 1820–1846. Yale University Press, 2007.

⁷ *Miller R.J.* 6 ed. Strategic Rivalries: Russia, Mexico, and the United States in the 19th Century California. Routledge, 2018.

⁸ *Альперович М.С.* Война Мексики за независимость (1810–1824). М., 1964. С. 335–341.

ло на присоединение к Америке некоторых территорий, принадлежавших когда-то Испании. Прежде всего американцев интересовали Техас, Флорида и Куба. Еще в 1810 г. американцы ввели войск в Западную Флориду, а через два года решением Конгресса США почти всю Флориду включили в состав нового штата Луизиану. В марте 1818 г. американцы вторглись в восточную Флориду и захватили Сент-Маркс. В феврале 1819 г. испанский посланник Л. Онис и американский государственный секретарь Д.К. Адамс подписали договор о дружбе, урегулировании и границах, который в историографии часто называют «Трансконтинентальный». Согласно этому договору, Флорида переходила США, а Техас оставался под номинальным контролем Испании. Но самым важным достижением этого договора, по мнению госсекретаря Адамса, было то, что впервые устанавливалась граница между испанскими и американскими владениями вплоть до Тихого океана. По Трансконтинентальному договору Испания отказалась от всех претензий на Орегон. По договору граница шла от истоков реки Арканзас по 42° северной широты до самого Тихого океана. Таким образом, США впервые оформили свои претензии на выход в этот океан севернее Калифорнии⁹.

В это же время в Калифорнии существовала русская колония форт Росс. Она находилась в ведении основанной в 1812 г. Российско-американской компании (РАК), управлявшей русскими колониями в Америке. Крепость Росс использовалась как опорный пункт для организации промыслов морских бобров (каланов) у калифорнийского побережья и сельскохозяйственная фактория, где выращивалась пшеница, разводился скот, заготавливались различные припасы для русских колоний на Аляске. Форт Росс не был признан владением России ни одной из держав. Фактически он существовал нелегально на землях, считавшимися колониальными владениями Испании. С самого учреждения этой фактории испанцы неоднократно пытались избавиться от присутствия русских, но это им не удавалось сделать. Пользуясь слабостью испанской колониальной администрации и отдаленностью Калифорнии от главных испанских владений, русским правителям форта Росс не только удавалось сохранять и развивать крепость, но и вести полулегальную торговлю с испанцами. В начале 1820-х гг. в форте Росс проживало несколько десятков русских промышленников, более сотни алеутов, эскимосов и индейцев. После падения испанской колониальной империи русская колония оказалась на территории Мексики.

К началу 1820-х гг. сложился треугольник держав, соперничающих в Калифорнии. Формально вся территория Калифорнии принадлежала Мексике. С севера и востока от нее простирались владения Соединенных Штатов Америки, граждане которой в это время начали активно осваивать Дикий Запад. На территории самой Калифорнии имелась русская крепость форт Росс, которая юридически не была признана ни одной державой, но при этом спокойно существовала и даже развивалась и расширялась. В связи с этим целью статьи является определение форм и методов разрешения противоречий между Мексикой, Россией и США в контексте борьбы за владения в Калифорнии.

Доктрина Монро и деятельность Д.И. Завалишина в Калифорнии

В декабре 1823 г. в годовом послании Конгрессу президент Джеймс Монро огласил новые принципы внешней политики США, получившие позже название «Доктрина Монро». Суть ее заключалась в том, что Соединенные Штаты выступали против дальнейшей колонизации Северной и Южной Америки европейскими державами. При этом принцип «неколонизации» относился не только к политической сфере, но и к экономической. США выступали против колониальной монопо-

⁹ Болховитинов Н.Н. Доктрина Монро (происхождение и характер). М., 1959. С. 95, 102–107.

лии европейских стран, против барьеров для американской торговли и в интересах своих торговцев и предпринимателей. В доктрине Монро были названы существующие в данный момент независимые государства Америки, признанные США, и колонии европейских держав. К первым относились Мексика, Чили, государство Буэнос-Айрес¹⁰ и Великая Колумбия. Владениями европейских государств в Америки оставались (по мнению Монро) такие территории, как Канада, Британская Вест-Индия, Русская Америка, Куба, Пуэрто-Рико, Перу, Бразилия и даже Гаити, независимость которой игнорировалось правительством США¹¹. Важно отметить, что США признавали Мексику как независимое свободное государство, а русские колонии, по мнению президента Монро, подпадали под принцип «неколонизации», то есть они должны были как минимум не расширяться, а как максимум – быть ликвидированы.

Между тем в том же 1823 г. активизировались действия русских подданных в Калифорнии. В это время Верхняя Калифорния, находящаяся довольно далеко от центра, оказалась фактически неподконтрольна Мехико. В этой провинции продолжалось противостояние монархистов, республиканцев, сторонников автономии и других политических сил. Внутренние распри, продолжавшиеся в Мексике несколько лет, были настолько остры и очевидны, что побудили молодого офицера Дмитрия Завалишина, прибывшего в Калифорнию на фрегате российского императорского флота «Крейсер» под командованием М.Л. Лазарева, начать авантюрную игру, направленную на отделение этой территории от Мексики с последующим присоединением к России. В декабре 1823 г. Д.И. Завалишин вступил в контакты с некоторыми представителями власти в Калифорнии, объездил все миссии, расположенные вокруг Сан-Франциско, оценил политическую обстановку и составил план мирного присоединения Калифорнии к России. По его наблюдениям власть в этой части Мексики оказалась фактически независимой от центра. Во главе региона стоял совет из четырех человек, возглавляемых президентом Л.А. Аргуэльо. В состав совета входили комендант Санта-Барбары Х.А. де ла Герра-и-Нориега и три священника, являвшимся начальниками миссий. В политическом отношении они представляли собой две партии: мексиканскую и испанскую. Первая партия, состоявшая в основном из офицеров и чиновников, выступала за сохранение Калифорнии в составе Мексики. Вторая, представленная миссионерами и жителями провинций, тяготела к отделению от центра. Завалишин сделал ставку на вторую партию, хотя она была слабее. Ему удалось привлечь на свою сторону двух членов губернского совета: офицера Нориегу и одного из священников. Завалишин убедил их в существовании некоего «Ордена Восстановления», представителем которого он является. Хотя на самом деле этот орден был плодом его фантазий, но миссионерам он понравился. Суть плана была проста. Нориега должен был стать президентом губернского совета, заменив на этом посту Аргуэльо. После этого он должен был объявить об отделении Калифорнии от Мексики с последующим присоединением к России. План осуществлен не был, так как фрегат «Крейсер» с Завалишиным на борту покинул Сан-Франциско в начале 1824 г.¹²

Деятельность Завалишина в Калифорнии была окутана тайной и выглядела авантюрно. Его неосуществленный план по присоединению Калифорнии к России стал известен только в 1826 г., когда он вместе с другими декабристами был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. В ходе следствия были найдены различные бумаги Завалишина, касающиеся Калифорнии. А на допросе Следственному комитету в июне 1826 г. он поведал всю эту историю. Членам комитета она показалась

¹⁰ Государство Буэнос-Айрес – непризнанное государство, существовавшее в течение нескольких лет на территории аргентинской провинции Буэнос-Айрес.

¹¹ *Болховитинов Н.Н.* Доктрина Монро... С. 242–244.

¹² Из показаний лейтенанта Д.И. Завалишина Следственному комитету, 29 июня 1826 г. // *Россия в Калифорнии...* Т. 1. С. 572–576.

неправдоподобной, поэтому было решено провести дополнительное расследование, которое поручили генерал-адъютанту В.В. Левашову. В течение нескольких месяцев все бумаги арестованного были «рассмотрены со всевозможным вниманием», опрошены все лица, с которыми он общался во время плавания в Калифорнию, изучены все его ответы Следственной комиссии, которые «сличались с прежними показаниями и бумагами». В результате В.В. Левашов пришел к выводу, что

сказанное им есть скорее истинное сознание, нежели показание вымышленное, которого невозможно было бы применить к толикому множеству подробностей, открытых при исследовании действий его¹³.

Очевидно, что Завалишин действовал по своей собственной инициативе, без какой-либо координации со стороны Российско-американской компании. Однако Главное правление РАК также вынашивало планы по расширению владений в Калифорнии. По воспоминаниям того же Завалишина, такие проекты обсуждались в руководстве компании в середине 1820-х гг. После восстания на Сенатской площади все бумаги были уничтожены директором И.В. Прокофьевым, который опасался негативной реакции правительства, ведь многие декабристы были связаны с Российско-американской компанией¹⁴. Тем не менее, некоторые сведения о планах директоров РАК в отношении Калифорнии сохранились. Так, в записке Главного Правления компании, адресованной министру иностранных дел К.В. Нессельроде под названием «О выгодах заселения Росса», директора утверждали, что для более успешной деятельности форта Росс необходимо расширить границы русских владений в Калифорнии хотя бы на 2 градуса к северу, а также перенести восточную границу вглубь материка. По мнению директоров РАК, вопрос надо решать с Испанией как можно быстрее, так как отношения с Мадридом в данный момент весьма дружжелюбные¹⁵.

Среди чиновников России самого высокого ранга также было немало сторонников более активной деятельности в Калифорнии. Так, например, адмирал граф Н.С. Мордвинов, являвшийся председателем Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета и акционером РАК, еще в январе 1824 г. выступил с идеей расширения владения РАК в Калифорнии. В отношении на имя министра иностранных дел К.В. Нессельроде он писал, что колония Росс является очень важной базой, способной обеспечивать продовольствием не только Русскую Америку, но и Камчатку. Однако для более успешного развития сельского хозяйства необходимо расширить территорию, подконтрольную форту Росс, на 2 градуса к северу, а также в глубину материка до Кордильер или Скалистых гор¹⁶.

Еще один известный мореплаватель, член Адмиралтейского департамента И.Ф. Крузенштерн не только выступал за существенное расширение владений РАК в Калифорнии, но и представил план, как это сделать. В специальной записке, написанной в октябре 1825 г., он писал:

Гишпания еще не расплатилась с Россией за уступленные ей военные суда, то весьма бы удобно было ныне в уплату следующей за оныя суммы потребовать уступление порта Св. Франческо, на что гишпанское правительство, вероятно, согласится¹⁷.

¹³ Из доклада генерал-адъютанта В.В. Левашова императору Николаю I, 12 октября 1826 г. // Россия в Калифорнии... Т. 1. С. 577–582.

¹⁴ Завалишин Д.И. Калифорния в 1824 году // Русский вестник. 1865. № 11. С. 340.

¹⁵ Главное правление РАК – министру иностранных дел К. В. Нессельроде. Записка «О выгодах заселения Росса», 1825 год // Россия в Калифорнии... Т. 1. С. 569–570.

¹⁶ Отношение адмирала Н.С. Мордвинова К.В. Нессельроде, 8 января 1824 г. // Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера 1815–1841. Сборник документов. М., 2005. С. 160.

¹⁷ Крузенштерн И.Ф. «Записка о портах Россо и Франческо», 4 октября 1825 г. // Россия в Калифорнии... Т. 1. С. 570–571. В записке идет речь о шести военных кораблях, переданных Россией Испании в 1818 году.

Правда, новое мексиканское правительство вряд ли будет радо такой сделке, так как считает Сан-Франциско своим городом. Этот вопрос, по мнению Крузенштерна, можно будет легко решить, когда встанет вопрос о признании независимости Мексики:

Если до того порт Сан Франческо по вышесказанному будет Гишпаниею уступлен официально России, то нет сомнения, что новое мексиканское правительство неукоснительно согласится и с своей стороны утвердить таковое уступление¹⁸.

Очевидно, что Крузенштерн предлагал действовать в рамках утвердившейся после наполеоновских войн концепции легитимизма. Пока независимость Мексики не признана, надо вести переговоры с Испанией, которая охотно согласится передать России Сан-Франциско в обмен на прощение долга за поставленные корабли. К тому же Испания практически уже не контролировала свои колонии в Америке.

Несмотря на все попытки директоров РАК заинтересовать правительство в расширении владений в Калифорнии и поддержку этой идеи влиятельными и авторитетными людьми (Н.С. Мордвиновым и И.Ф. Крузенштерном), положительной реакции от государственных структур не последовало. В апреле 1827 г. директора РАК с разочарованием писали главному правителю колоний П.Е. Чистякову:

В ответ на депешу вашу от 2 апреля № 104 о селении Росс, Правление Компании ничего другого сказать не может, кроме того, что старание о формальном утверждении за нами сего места остается без успеха и по теперешним обстоятельствам никакой надежды на верной в том успех иметь нельзя¹⁹.

Между тем российские колониальные власти продолжали высказывать беспокойство по этому поводу. Тот же П.Е. Чистяков писал, что в случае, если Мексика решит силой выдворить нас из Калифорнии, то у форта Росс нет никаких шансов, деревянные укрепления не выдержат даже кратковременной осады, а помочь колониальные власти не смогут. Чистяков писал:

Нужно исходатайствовать Главному правлению для пользы Компании определение границ владениям нашим в Калифорнии подобно как на берегу Северо-западной Америки. Всякое промедление в отношении решения о нашей части Калифорнии будет не только вредно для Компании – но может произвести очень неприятные последствия²⁰.

Ф.П. Врангель и попытки установить границы в Калифорнии

Намерение Российско-американской компании установить границы русских владений в Калифорнии связаны с деятельностью Главного правителя РАК Ф.П. Врангеля. Он сам бывал в этом селении и видел всю шаткость положения колонии. В письмах к директору РАК И.В. Прокофьеву от 10 ноября 1832 г. и 2 мая 1833 г. Врангель выразил желание самостоятельно поехать в Мехико и провести переговоры с тамошним правительством. Врангель предлагал обсудить текст конвенции, в которой были бы прописаны условия торговли между русскими и мексиканцами в Калифорнии и четко обозначены границы русских владений в том регионе. Известно, что И.В. Прокофьев поддержал эту инициативу. В ответном письме от 30 марта 1834 г. он писал:

Очевидно, что все сии намерения придуманы к существенной пользе государства вообще и Американской компании в особенности²¹.

¹⁸ Крузенштерн И.Ф. «Записка о портах Россо и Франческо», 4 октября 1825 г. // Россия в Калифорнии... Т. 1. С. 570–571.

¹⁹ Отношение Главного правления РАК П.Е. Чистякову, 15 апреля 1827 г. // Россия в Калифорнии... Т. 1. С. 667.

²⁰ Донесение П.Е. Чистякова в Главное правление РАК, 28 апреля 1827 г. // Россия в Калифорнии... Т. 1. С. 669–670.

²¹ Из письма директора РАК И.В. Прокофьева к Ф. П. Врангелю, 30 марта 1834 г. // Россия в Калифорнии... Т. 2. С. 179.

В апреле 1834 г. Главное правление РАК сформулировало свое видение границ в Калифорнии. В специальном представлении, направленном в Совет РАК, директора предложили испросить у правительства разрешение направить Врангеля в Мехико и обсудить там условия конвенции. Главное правление РАК считало возможным присоединить к России чуть ли не все побережье Верхней Калифорнии от залива Бодего на юге до залива Тринидад на севере (находится севернее залива Гумбольта). При этом полоса владений России должна углубляться вглубь материка на ширину от 15 до 20 лиг. По мнению директоров, неплохо было бы присоединить еще все северные берега залива Сан-Франциско и Фараллоновы острова, расположенные недалеко от входа в этот залив²². В документе не сказано, о каких лигах идет речь. Если об испанских, то это от 63 до 84 км, а если об английских – то еще больше.

Совет Российско-американской компании состоял из трех наиболее авторитетных акционеров и решал дела, требовавшие «тайны по политическим мотивам». В 1834 г. в состав Совета РАК входили директор департамента мануфактур и торговли Яков Александрович Дружинин, бывший Главный правитель русских колоний в Америке, отставной генерал-майор Матвей Иванович Муравьев и председатель департамента гражданских и духовных дел Государственного Совета, адмирал Николай Семенович Мордвинов²³. Решение Совета РАК по вопросу об организации миссии Врангеля было оформлено 14 апреля 1834 г. В протоколе было записано: «Совет, обсудив со всею внимательностью представление Главного правления и, приняв в соображение нынешнее политическое состояние Мексиканской республики, находит неуместным и несвоевременным утруждать правительство наше испрашиванием дозволения барону Врангелю на вступление в формальные переговоры с правительством мексиканским». Совет РАК согласился лишь на то, чтобы Врангель «частным образом» разведал бы у мексиканского правительства условия торговли и промысла бобров, «и сверх того узнать расположение их насчет заселения нашего Росс»²⁴.

Негативная реакция Совета РАК не отбила желание директоров компании продолжить попытки решить вопрос в свою пользу. В октябре 1834 г. Главное правление РАК обратилось к министру финансов Е.Ф. Канкрину с просьбой поднять вопрос об установлении «политических сношений» с Мексикой на самом высоком уровне. Директора надеялись, что министерство иностранных дел и лично император должны знать о предложениях Врангеля, тем более что «мексиканское правительство признано почти всеми державами Европы»²⁵. В декабре 1834 г. министр иностранных дел К.В. Нессельроде сообщил министру финансов, что «входил с докладом к Его Императорскому Величеству». Реакция царя была такой:

рассмотрев вопрос о признании нового порядка вещей, введенного в прежних испанских колониях, в связи с важнейшими политическими соображениями нынешнего времени Государь Император не соизволил признать еще возможным решиться теперь на такое признание.

Правда, царь разрешил

колониальному правлению нашему вступить в непосредственные торговые сношения с мексиканским правительством²⁶.

²² Представление Главного правления РАК в Совет РАК, 13 апреля 1834 г. // Россия в Калифорнии... Т. 2. С. 183.

²³ Ермолаев А.Н. Временный комитет и Особый совет Российско-американской компании: контролирующие или совещательные органы (1803–1844)? // Американский ежегодник за 2000 год. М., 2002. С. 244–247.

²⁴ Протокол заседания Совета РАК, 14 апреля 1834 г. // Россия в Калифорнии... Т. 2. С. 185.

²⁵ Донесение Главного правления РАК Е.Ф. Канкрину, 11 октября 1834 г. // Россия в Калифорнии... Т. 2. С. 190–191.

²⁶ Отношение К.В. Нессельроде Е.Ф. Канкрину, 29 декабря 1834 г. // Россия и Мексика в первой половине XIX века: (совместный советско-мексиканский сборник документов). М., 1989. С. 73.

Таким образом, высшие должностные лица Российской империи, включая самого царя, были против признания Мексиканской республики и установления юридических прав Российско-американской компании на часть побережья Калифорнии. Компании было предписано «не выходить за границы дел собственно торговых» и заниматься исключительно коммерческой деятельностью. При этом Врангелю разрешалось прозондировать вопрос о границах только «частным порядком». Соответствующие инструкции, мандаты и прочие документы были пересланы Врангелю весной 1835 г.²⁷

Врангель прибыл в Мехико в феврале 1836 г. Сразу же возникли проблемы, местные власти не признавали никаких документов, выданных Врангелю, включая паспорт, так как они не были заверены мексиканскими властями. Только благодаря помощи, оказанной прусским генеральным консулом в Мексике Фридрихом фон Герольтом, Врангелю удалось получить паспорт и другие необходимые документы. Герольт также выступил посредником при организации переписки Врангеля с министром иностранных дел Мексики Х.М. Ортисом Монастерио и аудиенции с вице-президентом Мексики Хосе Хусто Корро. Через три дня после встречи с вице-президентом Врангель получил от Мексиканского правительства официальный ответ на предложения о развитии торговли в Калифорнии. Министр иностранных дел Мексики согласился заключить с Россией специальный торговый трактат. При этом отсутствие дипломатических отношений между двумя странами не являлись препятствием, так как аналогичный договор уже был заключен с Пруссией, которая формально не признала Мексику. Монастерио также сообщил, что соответствующие инструкции будут даны послу Мексики в Лондоне, где удобнее всего провести переговоры по этому вопросу. По мнению Врангеля, после заключения торгового договора можно решить вопрос о границах русских владений в Калифорнии. В отчете Главному управлению РАК Врангель писал:

Дипломатическому агенту России в Мексике по заключении торгового трактата будет нетрудно, думаю я, утвердить за Россиею колонию Росс, и, определяя границы сей колонии можно оные отодвинуть на два десятка миль к востоку, югу и северу, чему не встретиться затруднений²⁸.

Много лет спустя в одной из записок, не предназначенной для широкого круга читателей, Врангель раскрыл подробности переговоров с вице-президентом Мексиканской республики. По его словам, Х.Х. Корро опасался быстрого распространения влияния США в Калифорнии и тому, что граждане этого государства бесконтрольно селятся в тех местах. На этом и заострил внимание Врангель, убедив вице-президента в том, что русская колония будет только полезна Мексике. Более того, вице-президент был не против расширения территории русских владений в Калифорнии, с включением в их состав всей «долины», на которую претендует Российско-американская компания. Однако переговоры с Мексикой в то время не были в интересах Российской империи, поэтому подготовленные переговоры в Лондоне не состоялись, хотя в их успешном результате не было сомнений²⁹.

Нерешительность Российского правительства, деятельность дипломатов и чиновников самого высокого ранга в рамках концепции легитимизма и игнорирование интересов Российско-американской компании привели к тому, что Россия не только не смогла юридически оформить свое право на владение частью Калифорнии, но и упустила

²⁷ Отношение К.В. Нессельроде Е.Ф. Канкрину, 29 декабря 1834 г. // Россия и Мексика в первой половине XIX века: (совместный советско-мексиканский сборник документов). М., 1989. С. 73.

²⁸ Врангель Ф.П. Записка о переговорах с Мексиканским правительством, 7 июня 1836 г. // К берегам Нового Света. Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века / Л.А. Шур. М., 1971. С. 267–268.

²⁹ Шур Л.А. К берегам Нового Света... С. 276.

хороший шанс значительно расширить там свои владения. В результате с конца 1830-х г. в Главном правлении РАК стали обсуждать вопрос о продаже русского анклава в Калифорнии. Форт Росс был продан в 1841 г. мексиканскому гражданину швейцарского происхождения Джону Суттеру (Саттеру), который занимался сельским хозяйством в Калифорнии. Он согласился купить форт Росс за 30 тыс. пиастров с рассрочкой платежа на 4 года, начиная с 1842 г.³⁰ В 1846 г. Соединенные Штаты Америки развязали войну против Мексики и после ряда успешных военных побед через два года заключили договор в Гуадалупе-Идальго. По этому договору США получили всю Верхнюю Калифорнию и Новую Мексику. Таким образом, бывшие российские владения в Калифорнии оказались теперь у американцев.

Выводы

На протяжении нескольких десятилетий XIX в. на территории Верхней Калифорнии происходила борьба за колонии между несколькими державами. Российская империя действовала посредством Российско-американской компании. Великобритания и США старались усилить свое влияние через коммерческую деятельность своих подданных и граждан. Испания рассчитывала удержать свои колонии в этом регионе посредством специального управления в виде вице-королевства «Новая Испания». В 1821 г. после фактического распада испанской колониальной империи в борьбу за обладание Новым Альбионом включилась Мексика. Между этим латиноамериканским государством и Россией велась взаимовыгодная торговля. Но камнем преткновения был вопрос о признании независимости Мексики, в обмен на которое можно было юридически оформить границы русских владений в Калифорнии. Однако правительство России не пожелало это делать, несмотря на то что все великие державы установили дипломатические отношения с Мексиканской республикой в 1830-е гг. В результате шанс на закрепление русских владений был упущен. Российско-американская компания вынуждена была продать форт Росс, а вскоре вся Верхняя Калифорния была завоевана Соединенными Штатами Америки.

Поступила в редакцию / Submitted: 18.06.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 09.12.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 12.12.2023

References

- Alperovich, M.S. *Voina Meksiki za nezavisimost' (1810–1824)* [Mexican War of Independence (1810–1824)]. Moscow: Nauka Publ., 1964 (in Russian).
- Bolkhovitinov, N.N. *Doktrina Monro (proiskhozhdenie i kharakter)* [Monroe Doctrine (origin and character)]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta mezhdunarodnykh otnoshenii Publ., 1959 (in Russian).
- Bolkhovitinov, N.N. *Russko-amerikanskii otnosheniia* [Russian-American relations], 1815–1832. Moscow: Nauka Publ., 1975.
- Ermolaev, A.N. “Vremennyi komitet i Osobyi sovet Rossiisko-amerikanskoi kompanii: kontroliruiushchie ili soveshchatel'nye organy (1803–1844)?” In *Amerikanskii ezhegodnik za 2000 god*, 232–250. Moscow: Nauka Publ., 2002 (in Russian).
- Garcia, Miguel R. *Crossroads of Empires: Russia, Mexico, and the United States in the Struggle for California, 1820–1846*. Yale University Press, 2007.
- Johnson, Mary L. *The Bear Flag Republic: Russia, Mexico, and the United States in the Struggle for California, 1840–1848*. University of California Press, 2003.

³⁰ Отчет Российско-американской компании Главного правления за два года, по 1 января 1842 г. СПб., 1842. С. 61. Подробнее о причинах продажи форта Росс см.: Петров А.Ю., Капалин Г.М., Ермолаев А.Н. О продаже русской колонии Форт Росс в Калифорнии // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 3–18.

- Miller, Robert J., ed. *Strategic Rivalries: Russia, Mexico, and the United States in the 19th Century California*. Routledge, 2018.
- Petrov, A.Yu., Kapalin, G.M., and Ermolaev, A.N. “O prodazhe russkoi kolonii Fort Ross v Kalifornii [On the sale of the Russian colony of Fort Ross in California].” *Voprosy istorii*, no. 1 (2013): 3–17 (in Russian).
- Shur, L.A. *K beregam Novogo Sveta. Iz neopublikovannykh zapisok russkikh puteshestvennikov nachala XIX veka* [To the shores of the New World. From unpublished notes of Russian travelers of the early twentieth century]. Moscow: Nauka Publ., 1971.
- Smith, John A. *Russian Expansion in North America: The California Question (1820–1830)*. Cambridge University Press, 1985.
- Turner, William M. *Mexican-American Relations and the Contest for California, 1830–1848*. Stanford University Press, 1994.
- Zavalishin, D. I. “Kaliforniia v 1824 godu.” *Russkii vestnik*, no. 11 (1865): 322–368.

Информация об авторах / Information about the authors

Александр Юрьевич Петров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра Североамериканских исследований, Институт всеобщей истории Российской академии наук; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, 32А; профессор кафедры исторических наук, Московский государственный лингвистический университет; 119036 Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38; alaska13@yandex.ru; SPIN-код: 3810-5063; <https://orcid.org/0000-0002-1688-4096>

Aleksandr Yurievich Petrov, Dr. Habil. Hist., Chief Research Fellow of the Center for North American Studies, Institute of World History of Russian Academy of Sciences; 32A, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russia; Professor of the Historical Sciences Department, Moscow State Linguistic University; 38, Osotizhenka St, Moscow, 119036, Russia; alaska13@yandex.ru; SPIN-code: 3810-5063; <https://orcid.org/0000-0002-1688-4096>

Алексей Николаевич Ермолаев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6; главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра угля и углекислоты, Сибирское отделение Российской академии наук; 650000, Россия, Кемерово, пр. Советский, 18; al-ermolaev@yandex.ru; SPIN-код: 2768-3154; <https://orcid.org/0000-0001-6903-5883>

Alexey Nikolaevich Ermolaev, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of Russian History, Kemerovo State University; 6, Krasnaya St, Kemerovo, 650000, Russia; Chief Researcher of The Federal Research Center of Coal and Coal-Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 18, Sovetsky Prospekt, Kemerovo, 650000, Russia; al-ermolaev@yandex.ru; SPIN-code: 2768-3154; <https://orcid.org/0000-0001-6903-5883>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-109-121>
EDN: OCNKNB

Научная статья / Research article

Правительственная дискуссия об участии частного капитала в строительстве Закаспийской железной дороги в конце XIX в.

Сакен Жаугаштович Токтамысов

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

toktamysov-szh@rudn.ru

Аннотация: Демонстрируется амбивалентность подходов российских министерств в конце XIX в. в отношении государственно-частного партнерства в рамках реализации проекта железной дороги в Закаспийском генерал-губернаторстве. Приводится аргументация в поддержку и против указанного подхода, раскрываются причины отказа царского правительства от идеи государственно-частного партнерства в строительстве Закаспийской железной дороги. Источниковой основой исследования стали протоколы заседания правительственной комиссии, письма правительственных чиновников, статистическая информация по товарообороту с Персией, другие материалы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи и в Центральном государственном архиве города Москвы. Автор пришел к выводу, что формальным основанием для отклонения заявки предпринимателей в реализации проекта по строительству данного железнодорожного пути послужило признание финансовой неэффективности для государства участия в данном проекте. Реальной причиной принятия подобного решения стала позиция правительственных кругов, выступивших против привлечения частных инвестиций в реализацию предлагаемого транспортно-го проекта в Среднеазиатском регионе по причине военно-стратегических и геополитических факторов.

Ключевые слова: экономическая история, пути сообщения, среднеазиатский фронт, российский-иранское трансконтинентальное, Средняя Азия, Бухарский эмират

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00648, <https://rscf.ru/project/24-28-00648/>

Для цитирования: Токтамысов С.Ж. Правительственная дискуссия об участии частного капитала в строительстве Закаспийской железной дороги в конце XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 109–121. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-109-121>

Governmental Discussion on the Private Capital Participation in the Trans-Caspian Railway Construction in the Late XIX Century

Saken Zh. Toktamysov

RUDN University, Moscow, Russia

toktamysov-szh@rudn.ru

Abstract: The ambivalence of the approaches of Russian ministries at the end of the XIX century is demonstrated, in relation to public-private partnership in the framework of the implementation of the railway project in the Trans-Caspian General Government. There is presented a system of arguments in support of this approach and against it; the author clarifies the reason for the government's rejection of the idea of public-private partnership in the construction of the Trans-Caspian railway. The source

base of the study is the protocols of the meeting of the government commission, letters from government officials, statistical information on the turnover of commodities with Persia and other materials stored in the Foreign Policy Archive of the Russian Empire and in the Central State Archive of Moscow. The author concludes that the formal basis for rejecting the application of entrepreneurs for the implementation of this railway was the ineffectiveness of the financial model of their participation in the framework of this project. The real reason for this decision was the position of the officials of the government departments that opposed attracting private investors to the implementation of this transport project in the Central Asian region due to the military-strategic and geopolitical aspects.

Keywords: economic history, communication routes, Central Asian frontier, Russian-Iranian transborder, Central Asia, Bukhara Emirate

Acknowledgements and Funding: The study is supported by the Russian Science Foundation grant № 24-28-00648, <https://rscf.ru/project/24-28-00648/>

For citation: Toktamysov, S.Zh. “Governmental Discussion on the Private Capital Participation in the Trans-Caspian Railway Construction in the Late XIX Century.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (February 2024): 109–121 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-109-121>

Введение

Актуальность. Российская Федерация и страны Центральной Азии выступают как единый экономический макрорегион, объединяющий производства, центры добычи и переработки сырья, крупные рынки сбыта, мощный транзитно-транспортный потенциал сухопутного сообщения. Транспортное взаимодействие является важным направлением сотрудничества указанных государств с Ираном, представляет для них большой интерес с точки зрения формирования новых маршрутов и модернизации уже существующих, а также для развития эффективных транспортных коридоров.

Говоря об исторических корнях формирования единого транс-евразийского инфраструктурного пространства, следует обратиться ко второй половине XIX в. В этот период в Российской империи в целом и в Средней Азии в частности, началось крупномасштабное железнодорожное строительство, в результате которого общее имперское пространство стало выступать в роли единого экономического макрорегиона, связанного целой сетью торгово-экономических и транспортных связей.

Степень изученности проблемы. К настоящему времени в отечественной историографии накоплен определенный пласт исследований по влиянию железнодорожного транспорта на развитие экономики Туркестана. Ряд работ дореволюционных авторов освещает как историю строительства Закаспийской железной дороги, так и роль железных дорог в экономическом развитии Среднеазиатского региона¹. Труды ученых советского периода были посвящены различным аспектам экономического развития Средней Азии, в том числе вопросам транспортной инфраструктуры². Исследование истории Закаспийской железной дороги и ее влияния на экономику региона продолжили Р.З. Шмидт и З.К. Ахмеджанова³. Большой вклад в изучение проблематики развития железных дорог в России в XIX в. внесла А.М. Соловьева⁴. Труды современных исследователей посвящены ряду конкретных вопросов функ-

¹ Вацлик И.Я. Закаспийская железная дорога ее значение и будущность. СПб., 1888; Анненков М.Н. Закаспийская железная дорога, как новый путь для среднеазиатской торговли. СПб., 1887; Гурдэ П.В. Семиречинская железная дорога // Туркестанские ведомости. 1903. № 1; Гулишамбаров С.И. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого среднеазиатской железной дорогой. Асхабад, 1913; Тимаев К.А. К дорожному вопросу в Туркестане // Труды III съезда деятелей по сельскому хозяйству Туркестанского края. Ташкент, 1914; Зенков П. Туркестанская железная дорога в связи с другими экономическими вопросами края. М., 1881.

² Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией: 40–60-е годы XIX в. М., 1963.

³ Шмидт Р.З. Влияние Среднеазиатской железной дороги на развитие хлопководства Туркестанского края (1880–1914 гг.) // Труды Узбекского гос. университета. 1958. Вып.83. С. 139–161; Ахмеджанова З.К. К истории строительства железных дорог в Средней Азии (1880–1917 гг.). Ташкент, 1965.

⁴ Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975.

ционирования железных дорог в Российской империи⁵. Проблему финансирования железнодорожного строительства в Средней Азии рассматривает Т.М. Китанина⁶. Ряд историков уделяют внимание исследованию частного и государственного факторов в железнодорожной политике Российской империи⁷.

Вместе с тем необходимо отметить, что целый ряд аспектов указанной проблематики получил лишь фрагментарное освещение в научной литературе и требует своей дальнейшей разработки. В частности, практически неисследованными остаются вопросы правительственных ведомственных дискуссий об оптимальном соотношении частных и государственных интересов в строительстве Закаспийской железной дороги. Требуется уточнения позиция российских министерств в отношении целей реализации закаспийского железнодорожного проекта и его финансовых показателей.

Цель настоящего исследования – раскрыть сильные и слабые стороны частно-предпринимательского проекта Закаспийской железной дороги, и в этой связи выявить причины отклонения заявки правительством, принявшим в конечном итоге решение о строительстве дороги за казенный счет.

Источниковой базой исследования выступают архивные материалы, хранящиеся в фонде «Среднеазиатский стол» (Ф. 147) Архива внешней политики Российской империи и фонда «Московский биржевой комитет» (Ф. 143) Центрального государственного архива г. Москвы. Настоящее исследование построено в основном на анализе делопроизводственной документации МИД, МВД, Военного ведомства, Министерства государственных имуществ, включая протоколы заседания Комиссии «по новым железным дорогам о Среднеазиатской дороге» и переписку правительственных чиновников.

Финансовые показатели Закаспийской железной дороги и ее влияние на товарооборот с Персией

Проект Закаспийской железной дороги изначально разрабатывался Военным ведомством, рассматривавшим его как важный шаг на пути роста российского геополитического влияния в центральноазиатском регионе. При этом идея соединения Средней Азии с Центральной Россией железнодорожным сообщением возникла в 1850-е гг., а к 1880 г. правительству было подано свыше сорока проектов постройки железных дорог в Средней Азии, преимущественно в направлении Оренбург – Ташкент⁸.

После неудачного военного похода против туркменских племен в 1879 г. генерал М.Д. Скобелев выступил инициатором создания участка железной дороги от Каспия до Ахал-Теке с целью оперативной переброски войск и их снабжения.

⁵ Тестов В.Н. Железнодорожная контрольно-финансовая реформа: истоки и последствия (80-е – первая половина 90-х гг. XIX в.) // Вестник государственного университета просвещения. 2010. № 1. С. 49–55; Международная научная конференция «Индустриальное строительство в Центральной Азии: историческое значение для региона (к 90-летию со дня открытия Туркестано-Сибирской железной дороги)». Барнаул, 2020; Литвинов В.П. Первая железная дорога в Средней Азии и ее охрана: историко-правовой аспект // Власть. 2021. № 4. Т. 29. С. 240–246; Мазаев Н.А. Закаспийская военная железная дорога как фактор региональной политики Российской империи // Люди империи – империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России. Сборник. Омск, 2021. С. 635–640.

⁶ Китанина Т.М. Проникновение крупного российского финансового капитала в экономику Средней Азии в конце XIX – начале XX в. (Финансово-промышленная группа А.И. Путивлова и железнодорожное строительство). СПб., 2019.

⁷ Петров Ю.И. Частное или казенное управление на железных дорогах: выбор России во второй половине XIX века // Транспортное право и безопасность. 2020. № 4. С. 180–187.

⁸ Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией: 40–60-е годы XIX в. М., 1963. С. 82.

Непосредственным руководителем, осуществлявшим руководство сооружением данного транспортного проекта, выступил генерал М.Н. Анненков. В 1881 г. была открыта Михайловская железная дорога, протяженностью 217 верст, от Михайловской бухты (около г. Красноводск) до Кизил-Арвата⁹.

До 1885 г. проект ее дальнейшего развития был фактически заморожен. В 1881–1884 гг. происходил сбор информации со стороны заинтересованных ведомств по развитию потенциального транспортного маршрута в среднеазиатском регионе. Так, в 1881 г. коллежский ассесор П.М. Лессар был командирован начальником Закаспийской области генерал-лейтенантом П.Ф. Рербергом для «производства изысканий» железной дороги от Гяурса до приграничного с Персией Серакса¹⁰. В 1881 г. нижегородское купечество обсуждало вопрос о продолжении Михайловской железной дороги до Кизил-Арвата¹¹. При этом ими было признано, что планируемая железная дорога окажет благоприятное влияние на «водворение» российских товаров в северо-восточных провинциях Персии¹². В письме директора Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьева к начальнику Главного штаба Н.Н. Обручеву от 8 февраля 1884 г. запрашивались материалы о возможности устройства торгового пути между Каспийским и Аральским морями, от «Мертвого Култука чрез Усть Урт», в связи с отсутствием этих данных в Министерстве иностранных дел¹³.

29 апреля 1885 г. в письме военного министра П.С. Ванновского к министру иностранных Н.К. Гирсу отмечалось, что император Александр III повелел продолжить постройку Закаспийской железной дороги через Мерв по Аму-Дарье до Самарканда¹⁴. 30 ноября 1886 г. политический агент в Бухаре Н.В. Чарыков информировал директора Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьева об открытии железнодорожной станции в Чарджуй¹⁵. В 1888 г. железная дорога была доведена до Бухары, а затем до Самарканда, куда 15 (27) мая того же года прибыл первый поезд. Железнодорожная станция Самарканда стала конечной на Закаспийской железной дороге. Расстояние от Узун-Ада до Самарканда составило 1,343 тыс. версты (1,424 тыс. км)¹⁶.

Финансовые показатели вышеуказанного инфраструктурного проекта в первые 10 лет его функционирования суммированы в нижеследующем графике (рис.).

Данные графика показывают, что Закаспийская железная дорога в целом оставалась для государства убыточным проектом, и расходы на нее в основном превышали доходы. Только в 1892 г. удалось добиться рентабельности данного транспортного маршрута. Согласно бюджетной классификации значительную часть расходов занимала постройка отдельных элементов железной дороги и траты на сопутствующую инфраструктуру (например, прокладка моста через Аму-Дарью). Так, в 1887 г. расходы на эксплуатацию указанного транспортного пути составили 1 млн 921 тыс. 355 руб. Затраты на постройку были в размере 3 млн 650 тыс. руб. – 65 % всех трат на указанный железнодорожный проект в этом году. В то же время доходы от эксплуатации Закаспийской железной дороги в конце 1880-х – первой половине 1890-х гг. постепенно увеличивались.

⁹ Анненков М.Н. Закаспийская железная дорога, как новый путь для среднеазиатской торговли. СПб., 1887. С. 9.

¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 147. Оп. 485. Д. 1313. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 137 об.

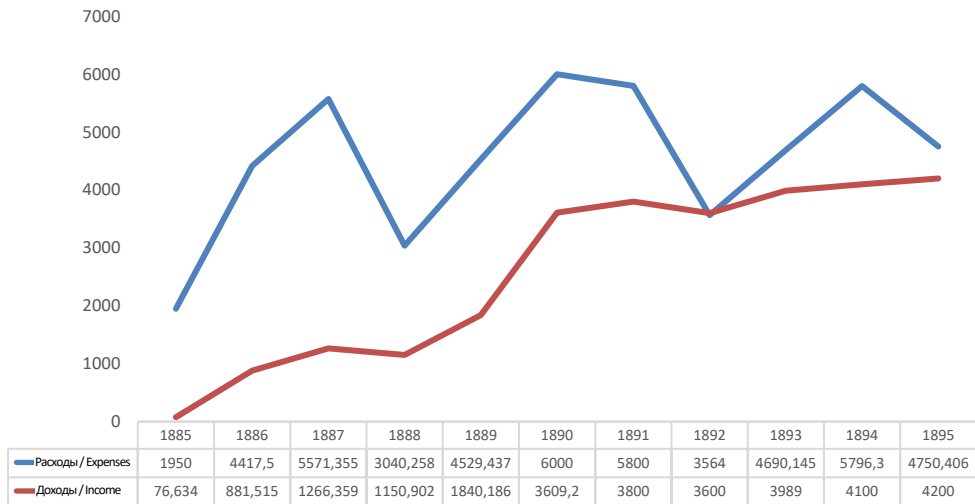
¹² Там же.

¹³ Там же. Д. 1314. Л. 2.

¹⁴ Там же. Д. 1315. Л. 11.

¹⁵ Там же. Л. 205.

¹⁶ Закаспийская железная дорога // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/zakaspiiskaia-zheleznaia-doroga-c70117?ysclid=lqtc46m8n9900069091> (дата обращения: 08.11.2023 г.).

Расходы и доходы Закаспийской железной дороги в 1885–1895 гг., тыс. руб.
Expenses and income of the Trans-Caspian Railway in 1885–1895, thousand roubles

Источник: График рассчитан автором по общей росписи доходов и расходов Российской империи за 1885–1895 гг. См.: Министерство финансов. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/ministry/historylib/common/budget/empire/?ysclid=lr0oaeactn670942514> (дата обращения: 08.11.2023 г.).

Source: The graph was calculated by the author based on the general breakdown of income and expenses of the Russian Empire for 1885–1895. See: Ministry of Finance, accessed November 8, 2023, <https://minfin.gov.ru/ru/ministry/historylib/common/budget/empire/?ysclid=lr0oaeactn670942514>

В дальнейшем Закаспийская железная дорога способствовала дальнейшему расширению размеров и емкости всероссийского рынка, коммерциализации сельского хозяйства, развитию региональной промышленности, среднеазиатской логистической и городской инфраструктуры.

С ее запуском начали увеличиваться грузоперевозки некоторых товаров из персидской провинции Хорасана, в частности шерсти. Общий объем грузоперевозок шерсти по Закаспийской железной дороге составил в 1891 г. 359 377 пудов, а в 1892 г. вырос до 421 268 пудов¹⁷. При этом основная часть шерсти, главным образом бухарской и персидской, поступала в начальный пункт Закаспийской железной дороги Узун-Ада, куда было доставлено в 1891 г. 337 573 пудов, а в 1892 г. 410 413 пудов данного товара¹⁸. Согласно данным британского консула в Мешхеде, общий объем произведенной шерсти в Хорасане в 1891 г. составил 465 тыс. пудов. По данным австрийского консула, в 1891 г. в Хорасане было произведено 457,5 тыс. пудов шерсти¹⁹. Из них в Индию из Персии было вывезено 91 тыс. пудов шерсти, 128,1 тыс. пудов экспортировано в Российскую империю, остальное пошло на внутреннее потребление²⁰. Основная часть указанного товара, вывозившегося в Россию, попадала в Закаспийскую область, откуда перевозилась по Закаспийской железной дороге. В 1891 г. из Хорасана в Закаспийскую область было провезено 97 тыс. пудов шерсти, что составило более 75 % персидской шерсти, импортированной в Российской империи в этом году²¹.

¹⁷ Центральный государственный архив г. Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф. 143. Оп. 2. Д. 11. Л. 2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

Важным результатом запуска Закаспийской железной дороги стало уменьшение роли Афганистана как посредника в товарообороте Бухарского эмирата с Индией – в 1890-е гг. более выгодным стал ввоз товаров из Индии через Персию. В частности, импорт пуда таких индийских товаров, как кисея, индиго, чай, обходился дешевле через территорию Персии на 4 руб. 30 коп., чем через территорию Афганистана²². При этом путь из афганского Пешавара до Бухары был на 495 верст короче, чем из персидского Бендер-Аббаса до Душака. Формирование нового транспортного коридора в Средней Азии привел к росту ввоза индийских товаров в Персию, и далее их транспортировка шла по Закаспийской железной дороге. Так, в 1889 г. общий объем ввезенных в Бухару индийских товаров из Кабула составил 3,4 млн пудов. В 1891 г. этот показатель упал до 2,2 млн пудов, а в 1891 г. – до 1 млн пудов²³. Чай ввозилось в Бухару в 1891 г. через Афганистан 44 тыс. пудов и через Персию – 53, 5 тыс. пудов. В 1892 г. его импорт через Кабул упал до 18,9 тыс. пудов, в то время как через Персию вырос до 114,8 тыс. пудов²⁴.

Ремесленный и сельскохозяйственный импорт Персии в российскую Среднюю Азию заметно увеличился, как и экспорт российских товаров сюда. До строительства Закаспийской железной дороги Персия торговала с Бухарой преимущественно через Герат и Меймене или через Серакс и Мерв. Торговые маршруты с Хивой шли из Держеза через Каахку или из Астрабада в Красноводск и были достаточно опасны в силу нападений туркменских племен²⁵. Запуск Закаспийской дороги привел к большей безопасности в области взаимного товарооборота.

В начале 1890-х гг. увеличился экспорт персидского хлопка через Асхабад. В 1891 г. он составил 100 тыс. пудов, а в 1892 г. – 140 тыс. пудов²⁶. Стоимость ввоза шелковых тканей из Хорасана в Закаспийскую область в 1891 г. составляла 35 тыс. руб., в 1892 г. – 41 тыс. руб., а в 1895 г. произошло ее увеличение до 174 тыс. руб.²⁷ Доступ европейских товаров в северо-восточные провинции Персии был в этот период затруднен в силу того, что турецко-персидский транзитный путь из Трапезунда на Эрзерум, Тавриз и Тегеран был продолжителен, неудобен и дорог²⁸.

Закаспийская железная дорога, пролегая вблизи российско-персидской границы способствовала торгово-экономическому росту северо-восточной Персии, превращая ее в своеобразный транспортный хаб для экспорта в Россию товаров из Индии, Афганистана, Китая, других районов Персии. Если в 1891 г. из Хорасана в Закаспийскую область было ввезено товаров на сумму в 3 млн 168 тыс. руб., в 1892 г. произошло увеличение этого показателя до 3 млн 463 тыс. руб., а в 1894 г. он возрос до 5 млн 205 тыс. руб.²⁹ В результате начали возникать новые товарные и логистические связи, способствовавшие экономической привязке Северной Персии к Российской империи и упрочению российских позиций в среднеазиатском регионе.

Проект Громова – Корфа – Лаврова

Частные лица и предприниматели проявляли интерес к среднеазиатскому инфраструктурному проекту. Для многих представителей государственных ведомств это было положительным элементом с точки зрения финансовых соображений, по-

²² Каспийско-Аральская железная дорога в экономическом отношении: Экономическая записка: статистико-экономические материалы: с картами. К проекту А.О. Бригельмейера и К.В. Николаевского. СПб., 1914. С. 207.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Обзор Закаспийской области за 1890–1896 гг. Асхабад, 1897. С. 411.

²⁶ Там же. С. 465.

²⁷ Там же. С. 418.

²⁸ АВП РИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1311. Л. 138.

²⁹ Обзор Закаспийской области... С. 464.

скольку позволяло уменьшить расходы казны на строительство и обслуживание вышеуказанного транспортного пути.

В конце 1884 г. ташкентский купец А.Е. Громов, камер-юнкер двора барон С.П. Корф и надворный советник Лавров подали ходатайство в министерство путей сообщения и в Министерство финансов о разрешении им образовать акционерное общество для продолжения Закаспийской железной дороги через Асхабад, Мерв и Самарканд до г. Ташкента. Данная инициатива подробно обсуждалась на заседаниях Комиссии «по новым железным дорогам о Среднеазиатской дороге». Ее заседания состоялись 29 ноября и 20 декабря 1884 г. Председателем комиссии являлся В.В. Салов. Участниками комиссии выступили представители заинтересованных ведомств: министерство внутренних дел, министерство финансов, военное ведомство, министерство иностранных дел, министерство путей сообщения, министерство государственных имуществ. Персональными участниками комиссии стали: В.В. Салов, И.В. Вергопуло, Д. Князев, А.К. Тимлер, Д. Мордовцов, И.А. Пашков, С. Ястржембский, П. Романов, А. Шульц³⁰.

Согласно проекту Громова, Корфа, Лаврова длина проектируемой дороги составляла 1240 верст, общая стоимость строительства с тремя большими железными мостами через реки Аму-Дарью и Сыр-Дарью оценивалась в 22 млн руб., что составляло около 21 935 руб. на версту³¹.

По мнению заявителей, с постройкой указанной железной дороги среднеазиатская торговля должна была увеличиться с 2 млн пудов до 2,5 млн пудов в год. При этом около 1,5 млн пудов груза планировалось транспортировать на всем расстоянии 1240 верст, от Ташкента до Кизил-Арвата, а остальной в 1 млн пуд – от Аму-Дарьи до Кизил-Арвата, общей протяженностью в 235 верст. По замыслу авторов проекта, тариф должен был составить 1,1 руб. с пудо-версты, что предполагало объем выручки в 2 млн 595 тыс. руб.³²

Расходы в рамках данного проекта составляли около 4 млн 261 тыс. руб. в год, то есть 3 436 руб. за версту³³. Предприниматели признавали убыточность проекта. Согласно их подсчетам, общий объем «недовыручки» должен был составить около 1 млн 67 тыс. руб., однако понесенные расходы должны были компенсироваться выгодой для казны в виде сбережений расходов по перевозке почты, воинских чинов и грузов, а также по содержанию Закаспийской дороги³⁴.

В целом запрашиваемые позиции по созданию железнодорожной концессии включали ряд элементов. Проектируемая дорога должна была иметь широкую колею стоимостью в 26 220 руб. за версту, общей стоимостью в 32 млн 524 тыс. 800 руб. Указанный строительный капитал образовывался путем выпуска акций на 1/3 и выпуском облигаций на 2/3 с «абсолютной правительственной гарантией» в 5 %, то есть на сумму в 1 млн 628 тыс. 240 руб.³⁵ Уже построенная Военным министерством Закаспийская железная дорога передавалась в пользование Акционерному обществу среднеазиатской железной дороги, стоимостью в 26 220 руб. за версту, за 212 верст – 5 200 590 руб., с погашением данной суммы к сроку окончания концессии. Имущество упраздненной Аральской флотилии передавалось вышеуказанному Обществу под особый залог в 50 тыс. руб.³⁶

³⁰ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1311. Л. 63.

³¹ Там же. Л. 42.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 43.

³⁴ Там же. Л. 43.

³⁵ Там же. Л. 43 об.

³⁶ Там же. Л. 44.

Обсуждение проекта правительственной комиссии: аргументы в поддержку

Железнодорожный проект Громова – Корфа – Лаврова вызвал оживленные дискуссии в рамках правительственной Комиссии «по новым железным дорогам о Среднеазиатской дороге». Со стороны Министерства иностранных дел было высказано мнение о «благотворном» политическом значении данной дороги для усиления российского влияния в Мерве, Бухарском эмирате и в соседних азиатских государствах³⁷. Также было указано на значимость данного инфраструктурного проекта для экономического и торгового развития Средней Азии. При этом были приведены статистико-экономические данные по среднеазиатскому региону. Так, в Ферганской области под земледелием находилось 8,96 % всей земли, в Заравшанском округе – 2,28 %, тогда как в Сыр-Дарьинской области – всего 0,83 %³⁸.

К середине 1880-х гг. самыми крупными городами в Средней Азии выступали Ташкент с населением около 100 тыс. жителей, города ферганской долины: Коканд (60 тыс.), Наманган (50 тыс.), Маргелан (40 тыс.). Самарканд насчитывал 25 тыс. жителей, Бухара – 20 тыс. чел.³⁹

Со стороны Министерства государственных имуществ было отмечено, что кожевенное производство в Средней Азии находилось в «первобытном» состоянии и не могло удовлетворить местные потребности. Именно поэтому лучшие шерстяные изделия (сукна) и большое количество кожевенного товара привозилось в Среднюю Азию из России, из таких городов, как Петропавловск, Омск, Тюмень, Кунгур, Троицк, Оренбург, Казань⁴⁰.

Другие отрасли обрабатывающей промышленности в Средней Азии были сконцентрированы в Хиве и Бухаре. Среди них выделялось производство хлопчатобумажных тканей, которые вырабатывались для местных нужд, а также шелковая отрасль, распространенная в Ферганской долине. Шелк в количестве 20 тыс. пудов вывозился ежегодно в Европейскую Россию⁴¹.

В среднеазиатском регионе отсутствовала горнозаводская промышленность, что приводило к завозу туда в значительном количестве металлических изделий из России. В частности, чугун приходил из Урала в виде старых котлов, которые перерабатывались местными кузнецами. В Карши существовало производство металлических кувшинов и блюд, но основная часть товаров из металлов доставлялась из России, из Персии импортировались клинки⁴².

В результате реализация проекта по строительству среднеазиатской железной дороги затрагивала и торговые пути, соединяющие Российскую империю с Китаем и Индией. Поэтому в перспективе железнодорожный проект мог приобрести гораздо большее экономическое значение, чем это было обозначено в проекте предпринимателей⁴³. В частности, общий объем грузоперевозок потенциально должен был намного превысить объем в 2,5 млн пудов. Подобные данные базировались на отчетах Оренбургской железной дороги, но не учитывали, что торговые отношения между Россией и Средней Азией велись не только через Оренбург⁴⁴. Значительная часть «железных товаров» направлялась в Среднюю Азию через Троицк, крупный центр ярмарочной торговли на Южном Урале. Интенсивный товарообмен существовал

³⁷ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1311. Л. 47 об.

³⁸ Там же. Л. 48.

³⁹ Там же. Л. 50 об.

⁴⁰ Там же. Л. 53 об.

⁴¹ Там же. Л. 53 об. – 54.

⁴² Там же. Л. 54 об. – 55.

⁴³ Там же. Л. 56.

⁴⁴ Там же. Л. 56.

между Туркестаном и местностями, лежащими к северу – Семипалатинском, Омском. Определенная часть караванных грузов из Хивы также не всегда направлялась в Оренбург, а следовала на Эмбу и в Красноводск. Кроме того, планируемая железная дорога должна была привлечь значительное количество степных товаров, включая скот и хлебные грузы, а также сушеные и свежие фрукты⁴⁵. Планируемый инфраструктурный проект «мог рассчитывать» и на бакинский керосин и каршскую соль, а также на грузы из Афганистана (фрукты, кожи, шерсть, чай)⁴⁶.

Некоторыми представителями Комиссии была отмечена полезность рекогносцировки местности по направлению Оренбург – Ташкент с целью выяснения вопроса о строительстве железной дороги, соединяющей указанные пункты. С их точки зрения, это позволило бы соединить Ташкент с центральной Россией, способствовать перевозке как бухарских, так и киргизских грузов⁴⁷.

В рамках правительственной Комиссии был отмечен целый ряд выгодных для государства элементов, содержащихся в проекте Громова. Среди них: экономия расходов на содержание почтового тракта между Оренбургом и Ташкентом, возврат российскому правительству части расходов, которые были затрачены на строительство указанного инфраструктурного проекта. Через пять лет после передачи Громову Закаспийской железной дороги сумма возврата государству должна была составить 26 тыс. 22 руб. за версту⁴⁸.

Аргументы против и общий вывод правительственной Комиссии

Одновременно железнодорожный проект Громова – Корфа – Лаврова получил многочисленные замечания и возражения правительственных ведомств. В рамках заседания Комиссии было озвучено мнение министра финансов Н.Х. Бунге, который высказался против «абсолютной правительственной гарантии» на облигационный и акционерный капитал, отметил, что финансовые риски должно разделять проектируемое Акционерное общество⁴⁹.

Представитель Военного ведомства А.К. Тимлер подчеркнул стратегическое значение проектируемой железной дороги, которая будет проходить по «полудикому и не умиротворенному краю». В этой связи, по его мнению, нецелесообразно предоставлять строительство железной дороги частному обществу. Это задача самого Правительства, без всякого вмешательства частных лиц, которые вряд ли могут выполнить принятые на себя обязательства «без ущерба для казны»⁵⁰. При этом, по мнению Тимлера, проектируемая железная дорога не могла считаться выгодным финансовым проектом и в любом случае накладывала на казну «значительную ежегодную приплату»⁵¹.

По его словам, планируемый инфраструктурный проект окажет влияние на весь среднеазиатский регион: Туркестанский военный округ площадью в 12 тыс. 91 мили² (31 тыс. 316 км²), а также на Бухарское и Хивинское ханства, Закаспийскую область площадью в 15 543 мили² (40 256 км²), с общим населением около 6 млн, вместо 10 млн указанных в проекте Громова. При этом проектируемый транспортный путь мог затронуть и наиболее населенные территории Ферганской долины⁵².

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1311. Л. 56 об. – 57.

⁴⁶ Там же. Л. 57.

⁴⁷ Там же. Л. 61 об.

⁴⁸ Там же. Л. 60.

⁴⁹ Там же. Л. 46 об.

⁵⁰ Там же. Л. 47–47 об.

⁵¹ Там же. Л. 57.

⁵² Там же. Л. 57 об.

А.К. Тимлер отмечал, что главными занятиями населения среднеазиатского региона были земледелие и скотоводство. Местное хлопководство, несмотря на значительные объемы производства (около 3 млн пудов), нуждалось в расширении посевов американского хлопка, пригодного для нужд российской текстильной промышленности. По его мнению, шелководство и разработка минеральных ресурсов могли развиваться в будущем, но к текущему моменту находились в «первобытном состоянии»⁵³.

Центром среднеазиатской торговли выступала Бухара (около 40 млн пудов ежегодного оборота), куда стекались караваны из России, Персии, Афганистана и Кашгара. А.К. Тимлер подчеркивал, что строительство новой железной дороги еще более усилит торгово-экономическое значение Бухары, а не Ташкента, который являлся «чисто административным пунктом»⁵⁴. При этом острой проблемой была конкуренция со стороны английской мануфактурной продукции на среднеазиатском рынке, часть которой поступала из Афганистана. Важной особенностью по мнению представителя военного ведомства, выступала сопоставимость расстояний. От Пешавара до Бухары через Кабул пути следования английских произведений и товаров составляли 1222 верст, а от Бухары до Оренбурга, через который поступали товары, следующие из Средней Азии в Россию и обратно, – 1550 верст⁵⁵. В результате для усиления конкурентных преимуществ российской продукции было необходимо строительство хлопчатобумажных предприятий рядом с местами производства хлопка.

Со стороны министерства внутренних дел было высказано мнение о незначительности государственных расходов на содержание почтового сообщения Оренбург – Ташкент (800 тыс. руб. в год), и его стратегическую значимость. В этом контексте экономия бюджета на указанное почтовое сообщения не была определяющим вопросом. Кроме того, данный инфраструктурный объект обеспечивал потребности многих промежуточных пунктов, которые проектируемая дорога «оставляла в стороне». Ненадежным выглядело и обещание Громова о возврате государству части расходов, поскольку в целом доходы проектируемой железной дороги «едва ли будут покрывать расходы» по ее эксплуатации⁵⁶.

Общий вывод правительственной комиссии состоял в невозможности определения точных объемов грузоперевозок по проектируемой железной дороге, что ставило под вопрос и оценку потенциальных расходов на указанный инфраструктурный объект. По приблизительным подсчетам комиссии, заявленные в записке Громова объемы грузоперевозок, с учетом расходов на строительство, были недостаточными для прибыльности проекта. В результате «доходы едва ли покрывали расходы эксплуатации». Данный проект, по мнению Комиссии, мог иметь определенный смысл для государства, в случае реализации модели частичной правительственной гарантии, в рамках которой участие правительства в расходах по реализации железнодорожного проекта было бы ограничено определенной суммой, а риск сверх этой суммы несло бы учреждаемое акционерное общество⁵⁷. В силу этого соображения и опираясь на рекомендации государственных ведомств, Комиссия в итоге отложила решение по железнодорожному проекту Громова – Корфа – Лаврова⁵⁸. Одновременно была подчеркнута значимость проектируемой железной дороги «в политическом и в коммерческом отношении», что приводило к необходимости ее со-

⁵³ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1311. Л. 57 об.

⁵⁴ Там же. Л. 57 об.

⁵⁵ Там же. Л. 57 об. – 58 об.

⁵⁶ Там же. Л. 60 об.

⁵⁷ Там же. Л. 59 об.

⁵⁸ Там же. Л. 60 об. – 61 об.

оружения на «подходящих условиях». Первым шагом на пути к этому выступала техническая рекогносцировка местности по направлению от Асхабада к Ташкенту с производством экономических исследований того края, по которому она должна пройти⁵⁹.

Данный подход был оспорен представителями МИД, подчеркнувшими, что после присоединения к России Мерва центр Средней Азии переместился «во вновь приобретенные владения», что определяло важность с политической точки зрения строительство дороги «в проектированном Грозовом направлении»⁶⁰.

В итоге Комиссией было отмечено, что проект Громова был более выгоден и в экономическом плане, чем альтернативный проект. В частности, в рамках Оренбургского направления в стороне от транспортного маршрута оставались самые богатые области Средней Азии, а направление Мерв – Кизил-Арвет было короче на 1 тыс. верст, чем проект Оренбург – Ташкент протяженностью 2,2 тыс. верст против 3,2 тыс. верст. Кроме этого, подчеркивалось, что на направлении Оренбург – Ташкент уже были проведены технические изыскания, которые показали, что значительная часть мощностей могла быть задействована на перевозку местных, а не транзитных грузов⁶¹.

В результате Комиссия приняла решение об отклонении предложения Громова о предоставлении ему возможности постройки железной дороги⁶². Данное решение было утверждено министром путей сообщения от 24 августа 1885 г., распорядившимся также образовать правительственную комиссию при туркестанском генерал-губернаторе по изучению экономики данного региона и рекогносцировке линии от Самарканда до Ташкента. В дальнейшем Закаспийская железная дорога выступала как полностью казенный инфраструктурный проект, строительство которой проходило по линии Военного ведомства.

Выводы

Государство играло ключевую роль на всех этапах реализации проекта Закаспийской железной дороги в конце XIX в. Ее значимость с точки зрения обеспечения военно-стратегических задач Российской империи, укрепления российского влияния в среднеазиатском регионе и в прилегающих областях отстаивались военным ведомством, министерством иностранных дел, а также министерством внутренних дел. Министерство государственных имуществ обосновывало более экономоцентричную роль проектируемого транспортного пути, видя в нем двигатель развития региональной экономики и торговли. При этом важность как экономических, так и военно-стратегических факторов признавалась всеми ведомствами, но как сопутствующие элементы, идущие вслед за приоритетными задачами, отличающимися у разных министерств.

Транспортная революция в Средней Азии в конце XIX в. привела к увеличению грузоперевозок и формированию тесных торговых связей с центральной Россией, развитию товарно-денежных отношений, постепенному внедрению новых промышленных технологий, инфраструктурному развитию, что способствовало экономическому подъему региона.

Для российского государства важной целью при строительстве Закаспийской железной дороги выступило снижение финансовых издержек. Финансовая модель частно-государственного взаимодействия, предложенная в проекте А.Е. Громова вызвала

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1311. Л. 61 об.

⁶⁰ Там же. Л. 62.

⁶¹ Там же. Л. 62.

⁶² Там же. Л. 61.

критику ряда представителей правительственных структур, что стало одной из причин отклонения их заявки. Другая причина данного решения – доминирование военно-геополитической повестки, в рамках которой транспортные пути в среднеазиатском регионе рассматривались как стратегическая инфраструктура, обеспечивающая возможность оперативной переброски войск и ресурсов к приграничным территориям. С этой точки зрения, контроль над такими коммуникациями должен был находиться исключительно у государства, а не у частных лиц.

При этом государственные ведомства дали положительную оценку многим элементам указанного плана, включая предполагаемый маршрут железнодорожного пути, коммерческие и финансовые расчеты и показатели. Они во многом легли в основу реализованного Военным ведомством проекта Закаспийской железной дороги. Обсуждение проекта А.Е. Громова в рамках правительственной Комиссии позволило оценить сильные и слабые стороны данного транспортного маршрута, его проработанность, и соответствие государственным интересам. Убедившись в его важности, государство самостоятельно его реализовало, воспользовавшись идеями и наработками предпринимателей.

Запуск Закаспийской железной дороги привел к формированию более тесных торговых связей между Российской империей и Персией, усилению российского экономического влияния в северо-восточной части указанного государства. Возникло объединенное в транспортно-логистическом плане экономическое пространство, связывающее среднеазиатский регион и Хорасан, товары из которого доставлялись как в центральную Россию, так и в европейские страны. Закаспийская железная дорога выступила в конце XIX в. инструментом российской «мягкой силы», способствовавшим укреплению как экономического, так и геополитического влияния Российской империи в южно-каспийском регионе.

Поступила в редакцию / Submitted: 29.08.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 30.11.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 08.12.2023

References

- Akhmedzhanova, Z.K. *K istorii stroitelstva zheleznykh dorog v Srednei Azii (1880–1917)* [On the history of railway construction in Central Asia (1880–1917)]. Moscow: Nauka Publ., 1965 (in Russian).
- Annenkov, M.N. *Zakaspiiskaia zheleznaia doroga, kak novyi put dlia sredneaziatskoi trgovli* [Transcaspian railway as a new route for Central Asian trade]. St. Petersburg: Tipografiia E. Evdokimova Publ., 1887 (in Russian).
- Gulishambarov, S.I. *Ekonomicheskii obzor Turkestanskogo raiona, obsluzhivaemogo sredneaziatskoi zheleznoi dorogoi* [Economic overview of the Turkestan region, served by the central asian railway]. Askhabad: Elektropечатnia Z.D. Dzhavrova Publ., 1913 (in Russian).
- Kitanina, T.M. *Proniknovenie krupnogo rossiiskogo finansovogo kapitала v ekonomiku Srednei Azii v kontse XIX – nachale XX v. (Finansovo-promyshlennaiа gruppy A.I. Putivlova i zheleznodorozhnoe stroitelstvo)* [Pervasion of large Russian financial capital into the economy of Central Asia at the end of the XIX – beginning of the XX centuries (Financial and industrial group of A.I. Putivlov and railway construction)]. St. Petersburg: Gumanitarnaia Akademiia Publ., 2019 (in Russian).
- Litvinov, V.P. “First railway in Central Asia and its protection: legal historical aspect.” *Power* 29, no. 1 (2021): 240–246 (in Russian).
- Mazaev, N.A. “Transcaspian military railway as a factor of regional policy of the Russian Empire.” *Lyudi imperii – imperiia lyudei: personalnaia i institutsionalnaia istoriia Aziatskikh okrain Rossii*, 635–640. Omsk: Izdatelstvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta im. F.M. Dostoevskogo Publ., 2021 (in Russian).
- Petrov, Yu.I. “Private or government administration on the railways: Russia's choice in the second half of the XIX century.” *Transport Law and Safety*, no. 4 (2020): 180–187 (in Russian).

- Rozhkova, M.K. *Ekonomicheskie svyazi Rossii so Srednei Aziei: 40–60-e gody XIX v.* [Economic relations of Russia with Central Asia: 40–60s of the XIX century]. Moscow: izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1963 (in Russian).
- Shmidt, R.Z. “Vliianie Sredneaziatskoi zheleznoi dorogi na razvitie khlopkovodstva Turkestanskogo kraia (1880–1914) [The influence of the central asian railway on the development of cotton growing in the Turkestan region (1880–1914)].” In *Proceedings of the Uzbek State University*, no. 83 (1958): 139–161 (in Russian).
- Soloveva, A.M. *Zheleznodorozhnyi transport Rossii vo vtoroi polovine XIX v.* [Railway transport of Russia in the second half of XIX century]. Moscow: Nauka Publ., 1975 (in Russian).
- Testov, V. N. “Railway control-financial reform: sources and consequences (80 – first half 90th XIX of century).” In *Bulletin of the State University of Education*, no. 1 (2010): 49–55 (in Russian).
- Timaev, K.A. “K dorozhnomu voprosu v Turkestane [To the road issue in Turkestan].” *Trudy III S’ezda deiatelei po selskomu khoziaistvu Turkestanskogo kraia*. Tashkent: Turkestanskoe selsko-khoziaistvennoe obshchestvo Publ., 1914 (in Russian).
- Vaczlik, I.Ya. *Zakaspiiskaia zheleznaia doroga I eia znachenie i budushhnost* [Transcaspian railway: its significance and future]. St. Petersburg: Parovaia skorpechatnia Iablonskii i Perott Publ., 1888 (in Russian).
- Zenkov, P. *Turkestanskaia zheleznaia doroga v svyazi s drugimi ekonomicheskimi voprosami kraia* [Turkestan railway in connection with other economic issues of the region]. Moscow: Tipografiya M.P. Shchepkina Publ., 1881 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Сакен Жаугаштович Токтамысов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; toktamysov-szh@rudn.ru; SPIN-код: 7711-5160; <https://orcid.org/0000-0003-4284-9638>

Saken Zhaugashtovich Toktamysov, Ph.D. in History, Associate Professor of the Russian History Department, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia; toktamysov-szh@rudn.ru; SPIN-code: 7711-5160; <https://orcid.org/0000-0003-4284-9638>